

Учредитель и издатель: Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
“Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова”

Научный журнал

Издается с 2001 года

(до 1 января 2012 года – “Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки”)

Выходит 6 раз в год

**СЕВЕРНОГО (АРКТИЧЕСКОГО)
ФЕДЕРАЛЬНОГО УНИВЕРСИТЕТА**

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС77-47126
выдано 11 ноября 2011 года
Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Подписной индекс журнала – 38555

Главный редактор В.И. Голдин

Редакционный совет:

И. Брок (Норвегия),
А.В. Головнёв,
Д.С. Дюррант (Канада),
А.Л. Кудрин,
В.А. Садовничий

Редакционная коллегия:

Л.В. Баева, Л.И. Богданова, С.В. Борисов,
В.Н. Гончаров, И.В. Дёмин,
Т.Ю. Загрязкина, Н.А. Илюхина,
Д. Кемпер (Германия),
А.В. Колмогорова, Н.И. Коновалова,
И.В. Кузнецова (отв. секретарь),
А.Г. Лошаков, А.А. Мёдова,
Й.П. Нильсен (Норвегия),
М.Ю. Опенков, А.В. Петров, Р.Г. Пихоя,
Ю.В. Попков, А.М. Прилуцкий,
А.В. Репневский, К.Я. Сигал,
Б.Г. Соколов,
Ф.Х. Соколова (зам. гл. редактора),
Н.М. Терехин,
П.В. Фёдоров,
М. Фрейм (Великобритания),
Л. Хейнинен (Финляндия),
К. Хин (Норвегия),
О.С. Чеснокова, А.В. Чудинов,
А.Е. Шапаров, Л.Ю. Щипицина

**СЕРИЯ
“Гуманитарные и социальные науки”**

**Т. 24,
№ 6 / 2024**

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИЯ

Бернадский Э.А. Евреи Ленинграда 1965–1991 годов в воспоминаниях и исследованиях 1980–2020-х годов.....	5
Толочко А.В. Наш ответ «Минитмену» (о проведении летних испытаний межконтинентальной баллистической ракеты РТ-2П)	17
Беспалько Г.Н. Современная историография процессов организации советского оккупационного режима на территории Германии (1945–1949).....	28
Голдин В.И. Столетие Гражданской войны в России и историческая память.....	40
Тимошина И.А. Естественное воспроизводство населения на Европейском Севере России в период с 1980 по 1990 год (по материалам Архангельской и Вологодской областей).....	52

ЛИНГВИСТИКА

Ивашкина О.А. Вербализация эмоций в королевском дискурсе: гендерный аспект.....	63
Ильичева И.Л. Перцептивный портрет Беловежской пуши в региональном языковом сознании.....	73
Калинин О.И. Образ России в дискурсе социальных сетей Китая: лингвопрагматический анализ репрезентации российско-украинского конфликта.....	83
Федуленкова Т.Н. Грамматические функции одного библейского фразеологизма.....	92

ФИЛОСОФИЯ

Кудряшова Е.В., Макулина Е.Ю. Войны памяти и война с памятью, мемориальный суверенитет: подходы, концепции, разработки.....	100
--	-----

СОДЕРЖАНИЕ

Индексируется в: Размещается в:

Редактор
Е.А. Лочехина
Ведущий редактор
А.В. Крюкова
Переводчик
С.В. Бирюкова
Документовед
Е.В. Орёл
Верстка
О.В. Деревцовой

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией Министерства науки и высшего образования РФ в Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук

Адрес издателя:

163002, г. Архангельск, наб. Сев. Двины, д. 17
Тел.: +7 (8182) 21-61-99
E-mail: public@narfu.ru

Адрес редакции:

163002, г. Архангельск, наб. Сев. Двины,
д. 17, ауд. 1336
Тел.: +7 (8182) 21-61-21
E-mail: vestnik_gum@narfu.ru;
vestnik@narfu.ru

Выход в свет 28.12.2024.

Бумага писчая. Формат 84×108 1/16.
Усл. печ. л. 15,85. Уч.-изд. л. 13,66.
Тираж 1000 экз. Заказ № 8816.

Адрес типографии:

Издательский дом имени В.Н. Булатова САФУ
163060, г. Архангельск, ул. Урицкого, д. 56

Свободная цена

© САФУ имени М.В. Ломоносова, 2024

Марков А.В., Штайн О.А. Операторы библиотеки и эпистемология искусственного интеллекта.....	112
Мякинников С.П. Особенности философии русских розенкрейцеров конца XVIII – начала XIX века и мировоззрение универсализма.....	123

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Бакина А.Д., Шишкова Н.В. О насущных проблемах современной фразеологии.....	133
---	-----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Голдин В.И., Силин А.В. Великая российская революция: борьба за историю.....	138
Указатель статей, опубликованных в журнале в 2024 году.....	144
Наши рецензенты.....	147
К сведению авторов.....	149

Founder and publisher: Federal State Autonomous Educational Institution
of Higher Education "Northern (Arctic) Federal University
named after M.V. Lomonosov"

Scientific journal

Published since 2001

(Until January 1, 2012 – Vestnik of Pomor University. Series: Humanitarian and Social Sciences)

Issued bi-monthly

OF NORTHERN (ARCTIC) FEDERAL
UNIVERSITY

Registration certificate
PI no. FS77-47126
issued on November 11, 2011
by the Federal Service for Supervision
in the Sphere of Communications,
Information Technology and Mass Communications
(Roskomnadzor)

Subscriptional index of the journal – 38555

Editor in Chief **V.I. Goldin**

Editorial Council:

I. Broch (Norway),
A.V. Golovnev,
J.S. Durrant (Canada),
A.L. Kudrin,
V.A. Sadovnichy

Editorial Board:

L.V. Baeva, L.I. Bogdanova, S.V. Borisov,
V.N. Goncharov, I.V. Demin,
T.Yu. Zagryazkina, N.A. Ilyukhina,
D. Kemper (Germany),
A.V. Kolmogorova, N.I. Konovalova,
I.V. Kuznetsova (Executive Secretary),
A.G. Loshakov, A.A. Medova,
J.P. Nielsen (Norway),
M.Yu. Openkov, A.V. Petrov,
R.G. Pikhoya, Yu.V. Popkov,
A.M. Prilutsky, A.V. Repnevsky,
K.Ya. Sigal, B.G. Sokolov,
F.Kh. Sokolova (Deputy Editor in Chief),
N.M. Terebikhin,
P.V. Fedorov, M. Frame (UK),
L. Heininen (Finland),
K. Heen (Norway),
O.S. Chesnokova,
A.V. Chudinov, A.E. Shaparov,
L.Yu. Shchipsitsina

SERIES
"Humanitarian and Social Sciences"

Vol. 24,
No. 6 / 2024

CONTENTS

HISTORY

Bernadskiy E.A. Leningrad Jews in 1965–1991 in Memoirs and Studies of the 1980s – 2020s.....	5
Tolochko A.V. Our Response to the Minuteman (on the Flight Tests of the RT-2P Intercontinental Ballistic Missile).....	17
Bespalko G.N. Modern Historiography of the Establishment of the Soviet Occupation Regime in Germany (1945–1949).....	28
Goldin V.I. Centenary of the Civil War in Russia and Historical Memory.....	40
Timoshina I.A. Natural Reproduction of the Population in the European North of Russia in 1980–1990 (Based on the Materials from the Arkhangelsk and Vologda Regions).....	52

LINGUISTICS

Ivashkina O.A. Verbalization of Emotions in Royal Discourse: A Gender Aspect.....	63
Ilyicheva I.L. Perceptual Portrait of Belovezhskaya Pushcha in Regional Linguistic Consciousness.....	73
Kalinin O.I. The Image of Russia in the Discourse of Chinese Social Networks: A Linguopragmatic Analysis of the Russia–Ukraine Conflict Representation.....	83
Fedulenkova T.N. Grammatical Functions of One Biblical Idiom.....	92

PHILOSOPHY

Kudryashova E.V., Makulina E.Yu. Memory Wars and the War on Memory, Memorial Sovereignty: Approaches, Conceptions and Projects.....	100
--	-----

CONTENTS

Indexed in:

Included in:

Editor

E.A. Lochekhina

Managing Editor

A.V. Kryukova

Translator

S.V. Biryukova

Document Manager

E.V. Orel

Make-up by

O.V. Derevtsova

The journal is included by the Higher Attestation Commission of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation in the list of reviewed scientific journals, in which major scientific results of theses for academic degrees of candidate and doctor of science have to be published

Publisher's address:

nab. Severnoy Dviny 17,
Arkhangelsk, 163002

Phone: +7 (8182) 21-61-99

E-mail: public@narfu.ru

Editorial office address:

nab. Severnoy Dviny 17, room 1336,
Arkhangelsk, 163002

Phone: +7 (8182) 21-61-21

E-mail: vestnik_gum@narfu.ru;

vestnik@narfu.ru

Publication date 28.12.2024.

Writing paper. Format 84x108 ¹/₁₆.

Conv. printer's sh. 15.85.

Acad. publ. sh. 13.66.

Circulation 1000 copies. Order no. 8816.

Printer's address:

NArFU Publishing House named after
V.N. Bulatov

ul. Uritskogo 56, Arkhangelsk, 163060

Free price

© NArFU named after M.V. Lomonosov, 2024

- Markov A.V., Shtayn O.A.** Library Operators and the Epistemology of Artificial Intelligence..... 112
- Myakinnikov S.P.** Philosophy of the Russian Rosicrucians of the Late 18th – Early 19th Centuries and the Universalist Worldview... 123

REVIEWS AND BIBLIOGRAPHY

- Bakina A.D., Shishkova N.V.** On the Urgent Problems of Modern Phraseology..... 133

ACADEMIC LIFE

- Goldin V.I., Silin A.V.** The Great Russian Revolution: A Struggle for History..... 138
- Index of the Articles Published in the Journal in 2024..... 144
- Our Peer-Reviewers..... 147
- Information for Authors..... 149

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 6. С. 5–16.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 6, pp. 5–16.

Обзорная статья
УДК [94(47).084.9+94(470)]:930«1965/1991»
DOI: 10.37482/2687-1505-V385

Евреи Ленинграда 1965–1991 годов в воспоминаниях и исследованиях 1980–2020-х годов

Эльмар Альфредович Бернадский

Ленинградский государственный университет имени А.С. Пушкина, Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: ebernadskii@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9406-7975>

Аннотация. Роль города на Неве в истории еврейского населения страны неопределима. Именно здесь происходили события еврейской жизни, имевшие общероссийский масштаб. Несмотря на это, история ленинградских евреев имеет существенные пробелы, к примеру плохо освещен советский период, который долгое время не являлся предметом научного интереса отечественных исследователей. Лишь с началом процессов демократизации общества в 1990-е годы, пробудивших национальное самосознание, интерес к еврейской тематике в целом, еврейской истории, языку и культуре в частности стал возрождаться среди ученых, а сами евреи получили возможность принимать более активное участие в общественной жизни. Тем не менее история евреев Ленинграда 1965–1991 годов осталась неохваченной. Первые существенные работы по указанной проблематике появились только в 2000-е годы, и в большинстве своем они посвящены истории евреев с момента основания Санкт-Петербурга в 1703 году по 1950 год. Историю характеризуемого автором периода можно проследить лишь в воспоминаниях бывших «отказников» Ленинграда, общих трудах по истории евреев СССР, отдельных публикациях, раскрывающих некоторые культурные, бытовые и экономические аспекты жизни. Комплексного исследования, которое охватывало бы все стороны жизни евреев города (быт и нравы, условия труда и профессиональные занятия, семейные и межличностные взаимоотношения, условия воспитания и материальное положение и проч.), до сих пор нет. В данной статье предпринята попытка положить начало такому исследованию жизни евреев Ленинграда 1965–1991 годов и представлен историографический обзор мемуарной литературы, еврейского самиздата и научных публикаций 1980–2020-х годов, рассматривающих интересующий автора период. Также приведены данные о численности еврейского населения города с 1703 по 1989 год.

Ключевые слова: евреи Ленинграда, историография евреев, еврейская культура, «отказники»

Для цитирования: Бернадский, Э. А. Евреи Ленинграда 1965–1991 годов в воспоминаниях и исследованиях 1980–2020-х годов / Э. А. Бернадский // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 6. – С. 5-16. – DOI 10.37482/2687-1505-V385.

Review article

Leningrad Jews in 1965–1991 in Memoirs and Studies of the 1980s – 2020s

Elmar A. Bernadskiy

Pushkin Leningrad State University, St. Petersburg, Russia,

e-mail: eabernadskii@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-9406-7975>

Abstract. St. Petersburg has played an invaluable role in the history of the Jewish population of Russia. It was here that the important events of Jewish life took place which had nation-wide consequences. Despite this, the history of Leningrad Jews has significant gaps, e.g. when it comes to the Soviet period, which had for a long time been neglected by Russian scholars. It was only with the beginning of democratization of society in the 1990s, which awakened national consciousness, that the interest in Jewish topics in general and Jewish history, language and culture in particular was revived among scientists, and Jews themselves could participate more actively in public life. However, the history of Leningrad Jews during the period of 1965–1991 remained overlooked. The first significant works on these problems were published as late as in the 2000s; most of them covered the history of Jews from the founding of St. Petersburg in 1701 to 1950. The history of the period studied in this paper can only be traced in the memoirs of former Leningrad refuseniks, general works on the history of the Jews in the Soviet Union, and individual publications on some cultural, everyday and economic aspects of life. As of today, no comprehensive research has been done that would cover all aspects of Leningrad Jews' life (everyday life and morals, working conditions and occupations, family and interpersonal relationships, education, financial situation, etc.). This article attempts to initiate such an extensive study of the life of Leningrad Jews in 1965–1991 and provides a historiographic review of memoirs, Jewish samizdat and scientific works published in the 1980s through 2020s covering the period in question. In addition, the paper presents data on the size of the Jewish population in the city from 1703 to 1989.

Keywords: *Leningrad Jews, historiography of Jews, Jewish culture, refuseniks*

For citation: Bernadskiy E.A. Leningrad Jews in 1965–1991 in Memoirs and Studies of the 1980s – 2020s. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 6, pp. 5–16. DOI: 10.37482/2687-1505-V385

Россия – государство, которое на протяжении всей своей истории (Российская империя, СССР, Российская Федерация) является многонациональным. Для таких стран национальная политика – один из ключевых и сложных вопросов, который власти должны решать независимо от социально-экономического и политического строя.

Еврейский вопрос всегда был одним из важных аспектов национальной политики государства как в дореволюционное время, так и во времена советской власти. Сложная, порой трагичная многовековая история евреев во многом определила экономическое, культурное, бытовое своеобразие и духовный мир народа, которые имели свои особенности в каждом регионе.

Санкт-Петербург не стал исключением. С момента своего основания он был многонациональным городом, и первые евреи появились в нем в то же время. М. Бейзер¹ пишет: «В Петербурге-Ленинграде происходили события еврейской жизни, имевшие общероссийский масштаб. <...> В конце XIX – начале XX века в Петербурге появляется очень много организаций, город становится центром борьбы за гражданское равноправие евреев. С 1870-х Петербург – центр русскоязычной еврейской периодической печати. Со временем русскоязычная национальная культура приобретала для евреев России все большее значение – и благодаря этому все возрастала роль Петербурга. В нем впервые осознавались и обсуждались проблемы, которые впоследствии приобрели актуальность для всего народа: соотношение родного и русского языков, значение религии в этнической идентификации, способы национального существования в условиях дисперсного проживания» [1, с. 22].

Первые евреи Петербурга были приближенными царя Петра I, иностранцами и, конечно, крещеными, «они выполняли возложенные на них обязанности и к еврейству внешне никакого отношения не выражали» [2, с. 158].

Со сменой императоров менялось и положение евреев города, и их численность. Так, например, если во время правления Елизаветы Петровны (1741–1761) в городе жило лишь несколько военных врачей-евреев, а проживание остальных евреев было под запретом, то реформы Александра II способствовали значительному росту еврейского населения города. По офици-

альным данным, в 1868 году в городе проживало 2,6 тыс. евреев, но в действительности их было значительно больше, т. к. многие находились в Петербурге нелегально. Это подтвердили полученные в 1869 году более точные сведения: 6,6 тыс. чел. [3, с. 9].

Большое влияние на состояние еврейской общины Ленинграда оказала Великая Отечественная война. По данным переписи 1959 года, «в Ленинграде насчитали 168 641 еврея (5,08 % населения города)» [4, с. 325], на 1/6 меньше в сравнении с 1939 годом, при этом только 8,6 % из них считали своим родным языком идиш – остальные называли родным русский язык². Сокращение численности было связано с последствиями блокады Ленинграда: среди более чем миллиона человек, умерших от голода или болезней, были десятки тысяч евреев.

По итогам Всесоюзной переписи населения 1970 года, в Ленинграде проживало 162 587 евреев (4,12 % от общего числа населения) [4, с. 495]: 94,7 % считали родным языком русский и лишь 5,2 % – идиш³. Эмиграция (за период с 1968 по 1983 год из города выехало 15,4 тыс. евреев) и отрицательный естественный прирост стали причинами постепенного сокращения еврейского населения в течение 1970-х – первой половины 1980-х. К 1979 году в городе проживало 142 900 евреев [4, с. 538].

В конце 80-х годов XX века обозначились положительные сдвиги в жизни евреев СССР. Возобновился выезд в Израиль, был разрешен ввоз еврейской религиозной литературы, учебников иврита. К 1989 году еврейское население

¹Михаэль (Михаил) Сулевич Бейзер (род. 08.04.1950) – российский писатель, журналист, «отказник». В 1987 году репатриировался в Израиль. В 1982–1987 годах проводил в Ленинграде подпольный семинар по еврейской истории и культуре, с 1982 года водил экскурсии по еврейским местам города, в 1983–1987 годах был редактором самиздатского журнала «Ленинградский еврейский альманах» (ЛЕА). Тексты его экскурсий публиковались в альманахе, а в 1986-м были изданы отдельной книгой «Евреи в Петербурге». В 1999 году вышла его вторая книга «Евреи Ленинграда, 1917–1939: Национальная жизнь и советизация».

²Всесоюзная перепись населения 1959 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_59.php?reg=40 (дата обращения: 01.03.2024).

³Всесоюзная перепись населения 1970 года. Национальный состав населения по регионам РСФСР. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_70.php?reg=9 (дата обращения: 01.03.2024).

составляло лишь 106 800 чел. В конце 1989 года были освобождены все «узники Сиона», «отказники» получили разрешение на выезд, и большинство из них покинуло СССР в ходе массовой алии 1988–1992 годов [4, с. 538].

Конец 1980-х годов можно считать началом легальной эпохи еврейской жизни. Евреи Ленинграда стали одними из первых, кто стал возрождать общинную жизнь. В 1989 году было зарегистрировано Ленинградское общество еврейской культуры [5, с. 181], чему способствовали политика гласности и смягчение информационных барьеров в советском обществе. Еврейское население получило возможность более активно участвовать в общественной жизни города и, находясь в Советском Союзе, оставаться евреями, развивать свою культуру [6, с. 217].

Процессы демократизации общества начала 1990-х годов повлекли за собой возникновение интереса к истории, национальной культуре и языку евреев. Москва и Санкт-Петербург стали центрами возрождения исторической науки о евреях [7, с. 276]. Благодаря постепенному открытию архивов исследователи смогли получить доступ к ранее засекреченным фондам, к которым кроме большинства собраний документов еврейских учреждений и организаций относились и личные фонды еврейских деятелей, представителей литературы и искусства как дореволюционного, так и советского периода, и заняться их изучением [8, с. 25].

Все это привело к формированию нового поколения еврейских историков. Стали издаваться справочная литература и историографические обзоры по истории евреев в России [9–12], переиздаваться произведения ученых, философов и публицистов, систематизироваться архивные материалы [13–15].

Тем не менее исследователи чаще обращались к истории евреев дореволюционного

и военного времени, а история евреев послевоенного периода оставалась малоизученной вплоть до распада Советского Союза. Материалы о жизни, религии, культуре, литературе этого времени по большей части можно найти лишь в воспоминаниях и архивах. Литература 60–80-х годов XX века о советском периоде практически вычеркнула евреев из истории страны, а многие упоминания носили антисемитский характер [16, с. 330].

Целью настоящей статьи является анализ работ, опубликованных в 1980–2020-е годы и посвященных жизни еврейского населения Ленинграда 1965–1991 годов. Основное внимание будет уделено мемуарной литературе, еврейскому самиздату, научным публикациям.

Самый большой объем источников по историографии евреев Ленинграда 1965–1991 годов составляет мемуарная литература. Большая ее часть представлена воспоминаниями «отказников» Ленинграда данного периода, увидевшими свет или сразу после их выезда из СССР, или спустя десятилетия. Многие воспоминания были изданы в виде мемуаров, некоторые являются небольшими публикациями, иногда размещенными лишь на интернет-ресурсах.

Среди первых в 1981 году в Израиле вышла книга Гилеля Израилевича Бутмана⁴ «Ленинград – Иерусалим с долгой пересадкой» [17]. Это воспоминания о своей жизни, семье, работе ульпанов в Ленинграде, подготовке к операции «Свадьба», аресте и допросах. По словам автора, он «описывал факты беспристрастно, как их сохранила память» [17, с. 16]. Мемуары Бутмана заканчиваются датой 15 июня 1970 года – арестом участников операции «Свадьба» и членов Ленинградской сионистской организации.

В 1984 году в Иерусалиме вышла вторая книга воспоминаний Г.И. Бутмана «Время молчать и время говорить», которая продолжает пер-

---

⁴Гилель Израилевич Бутман (11.09.1932–22.05.2019) – один из основателей сионистского движения 1960-х годов в СССР, организатор нелегальных ульпанов в Ленинграде, учитель иврита, инициатор операции «Свадьба» и ее организатор на начальной стадии. Операция «Свадьба» – кодовое название для дерзкого плана по угону самолета с целью пересечения границы. Чтобы большая группа евреев, покупающих билеты на один рейс, не вызвала подозрений, была придумана легенда, что они летят на свадьбу.

вую и начинается датой 15 июня 1970 года [18]. В ней повествуется о событиях после ареста, следствии и суде. Являясь подозреваемым, а позже обвиняемым и заключенным, Бутман был убежден, что все приговоры были вынесены задолго до начала разбирательства и следователей и судей не интересовали факты и их правильная юридическая оценка. Автор отмечает, что весь процесс походил на инсценировку не лучшего качества.

В 2005 году в Париже был издан сборник, посвященный памяти российского издателя, публициста еврейского происхождения Владимира Ефимовича Аллоя⁵ «In memoriam» [19]. В сборник вошли воспоминания писателя о жизни в СССР и эмиграции, статьи и воспоминания о нем, а также публикации российских и зарубежных исследователей на разные темы. В. Аллой рассказывает о том, как решился на выезд из Советского Союза, как ожидали выезда его друзья, о работе в парижских издательствах и основании альманахов «Минувшее» и «Диаспора». Его воспоминания не слишком эмоциональны, но, главное, здесь из первых уст можно узнать об истории одних из главных исторических альманахов того времени, о вкладе евреев в развитие исторического знания России.

В 2016 году в израильском городе Хайфа вышла небольшая книга Абы и Иды Таратута⁶ «Негрустные воспоминания о нашей семье, жизни в Ленинграде и борьбе за выезд в Израиль» [20]. Она написана спустя более чем 20 лет после выезда и отличается от воспоминаний других «отказников», потому как имеет осмысленный взгляд на период жизни в Ленинграде, в частности на ожидание разрешения на выезд.

Это далеко не все воспоминания евреев-«отказников» Ленинграда, но, написанные с раз-

ных точек зрения, они позволяют создать картину жизни в «отказе» значительной группы советского общества. Несмотря на то, что в большинстве своем вышеназванные воспоминания являются необъективными, эмоциональными, героизирующими прошлое, их можно считать авторитетным свидетельством истории евреев города на Неве, достойным серьезного изучения.

Вторая группа источников, касающихся истории евреев Ленинграда, – еврейский самиздат, который активно процветал в 1980-е – начале 1990-х годов и до сих пор является ярким социокультурным феноменом. Это распространяемые копии исследований по истории и культуре евреев; литература по проблемам выезда из СССР; периодические издания литературной и публицистической направленности «Гарбут – Культура», «“Шалом”: общественно-политический и литературно-художественный журнал Еврейской культурной ассоциации» и ЛЕА; справочная и методическая литература по преподаванию иврита. Указанные материалы раскрывают все направления неподцензурной еврейской прессы и выступают важными источниками, отражающими историю движения евреев-«отказников» в городах Советского Союза, в частности Ленинграде.

Из всего обилия еврейской самиздатовской печати для рассматриваемой проблематики представляет интерес ЛЕА, выпускавшийся с 1982 по 1989 год. Журнал задумывался как вестник Ленинградского общества по изучению еврейской культуры с целью информировать еврейское население Ленинграда о проблемах национальной жизни и ее содержании. Но группа еврейских активистов, которая намеревалась зарегистрировать общество как легальное объединение культурных усилий со-

⁵Владимир Ефимович Аллой (07.06.1945–07.01.2001) – российский издатель, публицист, автор, деятель русской эмиграции. В 1975 году эмигрировал во Францию, где выпускал многотомные исторические альманахи «Память» и «Минувшее». В 1990-е годы вернулся в Петербург и организовал свой последний проект – альманах «Диаспора».

⁶Аба Таратута (06.09.1935–18.10.2023) – известный советский «отказник», преподаватель иврита, один из лидеров движения советских евреев за свободу выезда в Израиль. Он с семьей более 15 лет (с 1973 по 1988 год) ждал разрешения на выезд в Израиль.

ветских евреев, получила отказ от властей. Тем не менее осенью 1982 года вышел первый номер альманаха. Всего за период существования журнала вышло 19 номеров. На его страницах помимо ульпанов публиковались материалы квартирных семинаров, функционировавших в Ленинграде, нелегальных курсов еврейской кухни, произведения новых писателей и поэтов с выстраданным обращением к еврейской теме. Кроме заметок по истории и материалов семинаров появлялись различные публикации, отражающие положение дел в стране [21].

В 1988 году вышло два приложения к альманаху: сборник, посвященный истории Катастрофы европейского еврейства, и сборник «Современный еврейский фольклор», в который были включены ленинградские, московские и рижские квартирные пуримшпили.

В рамках настоящей статьи мы не будем анализировать каждый номер ЛЕА. Здесь имеет значение альманах сам по себе. Его публикации позволяют определить круг мировоззренческих интересов ленинградских евреев-«отказников», а сам журнал является уникальным источником информации о жизни советских евреев 1980-х годов, национального движения и проблемы развития еврейской культуры.

Научная литература по истории евреев Ленинграда немногочисленна. Большинство изданий в советское время печаталось за пределами Советского Союза, где они не прошли бы цензуру, т. к. считались сионистскими. В работах советских ученых еврейская тема звучала редко и вскользь.

С 1979 по 1984 год в Иерусалиме вышли три тома сборника «Антиеврейские процессы в Советском Союзе: документы и юридические комментарии», охватывающие период с 1969 по 1975 год [22]. В сборнике представлены ма-

териалы судебных процессов, проходивших в разных городах Советского Союза, в т. ч. Ленинграде, комментарии к процессам, биографические справки осужденных, адвокатов и судей.

Возможная причина отсутствия материалов о жизни ленинградских евреев раскрыта в книге советского и российского библиографа, историка книги и цензуры в России и СССР Арлена Блюма «Еврейский вопрос под советской цензурой, 1917–1991» [23]. Во время работы по сбору данных для книги по истории советской цензуры в архивах Петербурга и Москвы автор заметил, что «еврейские мотивы» очень часто встречаются в документах различных цензурных инстанций. Именно цензура, исполняющая «волю партии», установила атмосферу полнейшего молчания вокруг «неудобной» темы, которая была объявлена табуированной.

История самиздата Ленинграда и возникновения ЛЕА глазами одного из авторов и редакторов журнала, краеведа Михаила Бейзера, была представлена в сборнике материалов научной конференции «Российский сионизм: история и культура» [24], состоявшейся в октябре 2001 года. Имея прямое отношение к альманаху, Михаил Бейзер рассказывает об истории его появления в контексте политических и общественных процессов, происходивших в городе.

В 2003 году в Москве вышла в свет литературная энциклопедия «Самиздат Ленинграда. 1950-е – 1980-е» [25]. В ней, несмотря на значительный вклад ЛЕА в историю самиздата Ленинграда, приведены лишь краткие сведения о нем.

Наиболее полно жизнь евреев города на Неве раскрывает труд российского экономиста и историка Валерия Юльевича Гессена⁷ «К истории евреев: 300 лет в Санкт-Петербурге»

---

⁷Валерий Юльевич Гессен (род. 17.12.1927) – экономист по образованию. В 1980 году увлекся историческими проблемами – его интересовали история евреев Санкт-Петербурга и история рода Гессенов. С 1989 года он принимал активное участие в еврейской общественной жизни города, являлся одним из учредителей Санкт-Петербургской еврейской религиозной общины. После 1990 года получил возможность печататься. В 2000 году вышла в свет его первая монография «К истории Санкт-Петербургской еврейской общины. От первых евреев до XX века».

[26], вышедший в 2005 году в Санкт-Петербурге и посвященный деятельности Петербургской еврейской религиозной общины с 1901 по 2004 год. Являясь одним из ее учредителей, автор больше внимания уделяет именно религиозной истории евреев города и лишь затрагивает тему их участия в общероссийской жизни.

В 2008 году в сборнике материалов международной научной конференции вышла статья Т.М. Смирновой «Еврейские коллективы на сцене Ленинградского театра эстрады в 1960-е гг.» [27]. В первой части публикации дана история Ленинградского еврейского музыкально-драматического ансамбля, который существовал на протяжении 1950–1960-х годов. С 1960 года артисты ансамбля стали костяком Ансамбля водевиля и комедии Ленконцерта (на еврейском языке), работавшего на протяжении всех 1960-х. Т.М. Смирнова приводит состав ансамбля и программы концертов. Во второй части описаны концерты разных еврейских коллективов и исполнителей, которые до 1970 года проводились на сцене Театра эстрады. Данное исследование позволяет воссоздать картину легальной художественной жизни советских евреев.

В 2008 году в сборнике материалов Пятнадцатой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике, проходившей в Москве, была опубликована статья Златы Зарецкой «Театр отказников 1967–1989 гг. как путь к духовной самоидентификации» [28]. Автор рассматривает театр «отказников» в контексте еврейского театрального движения как одну из ярких форм внутреннего противостояния евреев советской власти и как форму духовного возрождения. На примере театров «отказников» Риги и Ленинграда З. Зарецкая показывает их значение как для политической, так и для национальной идентификации советских евреев.

В 2009 году по материалам Шестнадцатой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике, которую проводил Центр научных работников и преподавателей иудаики в вузах «Сэфер», был опубликован

сборник, включающий статью Михаила Бейзера «Отказническая жизнь в Ленинграде в 1980-е годы: по воспоминаниям самих отказников» [29]. Автор дает оценку воспоминаниям некоторых «отказников» Ленинграда, сравнивая их восприятия борьбы за выезд. Об объективности воспоминаний «отказников» он пишет следующее: «Объективны ли эти мемуары? Конечно, нет: последующая судьба бывших активистов (и персонажей их воспоминаний) – успех или неуспех, удовлетворение или недовольство израильской жизнью, индивидуальные черты характера налагают свой отпечаток. Одни романтизируют, другие подчеркивают свою роль, третьи сводят счеты. Самоцензура тоже влияет: мало кому хочется портить отношения с ныне живущими соратниками по борьбе» [29, с. 392].

В 2015 году Л.А. Королева и А.Н. Молькин обратились к проблемам национального движения евреев в СССР в 50–70-е годы XX века. Результатом их исследовательской работы стала статья «Еврейская оппозиция в СССР. 1950–1970-е гг.» [30], в которой авторы раскрыли причины возникновения и историю еврейского национального движения, его основные направления (например, за эмиграцию из страны и «культурническое», т. е. за отстаивание культурных и религиозных прав внутри СССР) и методы действия (распространение самиздата, подпольные кружки, семинары, демонстрации и т. д.) на примере крупных городов СССР – Москвы, Ленинграда, Риги, Киева и др. Кроме того, авторы вскользь упомянули Ленинградскую сионистскую организацию и нашумевшее «ленинградское самолетное дело» 1970 года.

К одному из направлений еврейского национального движения – «культурническому», или, как называли его члены сионистской организации, «распространению еврейской культуры для пробуждения национального самосознания», обратилась М.К. Кондратьева. В своей статье «Зарождение современной еврейской культуры Санкт-Петербурга – Ленинграда в 60–80-х годах XX века» [31], опубликованной в 2016 году, она рассматривает причины возник-

новения еврейской культуры города, ее путь из «подполья» в «свет».

По мнению автора, новый рассвет еврейской культуры, которая в большей степени была светской, чем религиозной, был вызван осознанием еврейской молодежью ограничения своих прав и как евреев, и как граждан страны, отсутствия перспектив развития. В связи с неофициальными национальными ограничениями многих евреев не принимали в высшие учебные заведения [31, с. 67]. Из-за невозможности реализовывать свой потенциал в предлагаемых Ленинградом условиях молодое поколение евреев стало организовывать различные кружки и искать ответы на вызовы социальной конъюнктуры. Автор статьи рассматривает подпольные ульпаны и домашние семинары, творческие кружки, занимавшиеся пуримшпилями, и курсы еврейской кухни, еврейский самиздат, а также историю создания Ленинградского общества еврейской культуры на фоне советской политики в отношении евреев.

В 2017 году в издательстве «Гешарим – Мосты культуры» (Иерусалим – Москва) вышел третий, последний том «Истории еврейского народа в России» [16], посвященный советскому периоду – от революции 1917 года до распада СССР. В контексте истории российских евреев прослеживается история евреев Ленинграда 1960–1980-х годов: политика государства в отношении еврейского меньшинства, демографические и социально-экономические процессы в еврейской среде города, еврейские общественные течения, включая ленинградскую подпольную сионистскую организацию, религиозная и культурная жизнь. Авторами тома являются ведущие исследователи Израиля, США и России.

Интерес к истории евреев Ленинграда прослеживается и в образовательной среде города. В 2016 году была выполнена выпускная квалификационная работа в Санкт-Петербургском государственном университете⁸, а в 2021 году – защищена кандидатская диссертация в Российском государственном педагогическом университете имени А.И. Герцена [32].

Также хотелось бы отметить два интернет-ресурса, посвященных истории евреев города. Это web-версия мультимедийного проекта «Евреи Петербурга. Три века истории»⁹, авторы которого представили историю евреев города, используя редкие архивные материалы, часть из них приводя впервые. Ресурс являет собой энциклопедию, где история петербургских евреев выстроена в хронологическом порядке от 1703 до 2000 года. Указанный период разделен на 16 структурных элементов. Внутри каждого отрезка времени наряду с описанием общей ситуации в стране, городе и городской общине представлены рассказы о наиболее значимых, по мнению авторов, событиях, касающихся российского (советского) еврейства в Санкт-Петербурге (Ленинграде) в частности и в стране в целом.

Второй интернет-ресурс – электронная энциклопедия «Еврейский Петербург»¹⁰ – является порталом одноименного энциклопедического проекта, где публикуются авторские статьи (на сегодняшний день насчитывается 631), фото-, аудио- и видеодокументы из государственных и личных архивов, содержащие информацию о евреях города. К работе над проектом привлечены признанные специалисты по иудаике и авторитетные исследователи истории и культуры города.

---

⁸Кубрина Д.Г. Проблема развития еврейской культуры в СССР в 1970–1980-е гг. (на примере исторических и историко-этнографических семинаров в Москве и Ленинграде): ВКР по направлению «Культурология». СПб., 2016. 67 с.

⁹Евреи Петербурга. Три века истории: web-версия компьютерного альбома. СПб.: Центр «ОТР-Гинцбург», 2003. URL: <http://www.jewhistory.ort.spb.ru/rus/main/s.php?id=1480> (дата обращения: 01.03.2024).

¹⁰Электронная энциклопедия «Еврейский Петербург». URL: <http://jewishspb.com/article/2272263> (дата обращения: 01.03.2024).

Можно сделать вывод, что на сегодняшний день история евреев Ленинграда 1965–1991 годов лишь фрагментарно представлена в увидевших свет работах. Преимущественно мы имеем дело с мемуарами, авторы которых, как справедливо отмечают современные историки, нередко излагают собственное, субъективное видение той или иной проблемы. Общей чертой мемуаров и немногочисленных научных публикаций является концентрация на узком круге вопросов: возрождение еврейского самосознания, «отказничество», борьба за выезд на историческую Родину.

Несмотря на освещенность отдельных аспектов жизни евреев Ленинграда, за рамками исследования остается повседневность пред-

ставителей характеризуемой этнической группы, которая была неотъемлемой частью жизни Ленинграда, во всей своей сложности и противоречивости.

Такие сюжеты обыденной жизни евреев Ленинграда, как быт и нравы, условия труда, профессиональные занятия, условия воспитания, материальное положение, семейные и межличностные взаимоотношения и т. д., рассматриваются вскользь и недостаточны для формирования общей картины.

Изучение повседневной жизни евреев Ленинграда 1965–1991 годов должно стать новым направлением исследовательской деятельности, в котором предстоит раскрыть многие сюжеты.

Список литературы

1. Документы по истории и культуре евреев в архивах Санкт-Петербурга: путеводитель: в 3 т. Т. 2. Региональные архивы / Рос. гос. гуманитар. ун-т и др., науч. ред.-сост. А.И. Иванов, М.С. Куповецкий. СПб.: Мирь, 2013. 585 с.
2. Гессен В.Ю. Соратник Петра I Петр Павлович Шафиров: государственная и предпринимательская деятельность // Клио. 2016. № 6(114). С. 158–169.
3. Бейзер М. Евреи в Петербурге. Иерусалим: Б-ка-Алия, 1990. 326 с.
4. Кандель Ф.С. Очерки времен и событий из истории российских евреев. Т. 6. История евреев Советского Союза (1945–1970) / науч. ред. М. Кипнис. М.: Мосты культуры, 2007. 560 с.
5. Юхнева Н.В. Минувшее проходит предо мною... // Нева. 2006. № 4. С. 180–197.
6. Крякин Е.Н. «Еврейам в Советском Союзе быть!» Проблема выбора жизненного пути советского еврейства в годы поздней перестройки // Ист. курьер. 2022. № 1(21). С. 217–225. <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2022-1-18>
7. Ульянова О.С. Отечественная историография евреев в России в XIX–XXI столетии // Молодой ученый. 2010. № 6(17). С. 273–279.
8. Документы по истории и культуре евреев в архивах Санкт-Петербурга: путеводитель: в 3 т. Т. 1. Федеральные архивы / Рос. гос. гуманитар. ун-т и др.; науч. ред.-сост. А.И. Иванов, М.С. Куповецкий, А.Е. Локшин. СПб.: Мирь, 2011. 636 с.
9. Литература о евреях на русском языке. 1890–1947. Книги, брошюры, отписки статей, органы периодической печати: библиогр. указ. / сост. В.Е. Кельнер, Д.А. Эльяшевич; ред. М.А. Бенина. СПб.: Гуманит. агентство «Акад. проект», 1995. 678 с.
10. История евреев в России: проблемы источниковедения и историографии: сб. науч. тр. / отв. ред. Д.А. Эльяшевич. СПб., 1993. 176 с.
11. Евреи в России: историографические очерки, 2-я половина XIX в. – XX в. / ред. М. Аграновская. М.: Еврейск. ун-т; Иерусалим: Гешарим, 2002. 256 с.

12. Книга о русском еврействе: от 1860-х годов до революции 1917 г. Иерусалим; М.: Гешарим – Мосты культуры; Минск: МЕТ, 2002. 600 с.

13. *Зомбарт В.* Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека: пер. с нем. / РАН, Ин-т социологии; изд. подгот. Ю.Н. Давыдов, В.В. Сапов. М.: Наука, 1994. 442 с.

14. *Дубнов С.М.* Краткая история евреев. Ростов н/Д.: Феникс, 1997. 576 с.

15. *Дубнов С.М.* Новейшая история еврейского народа: От французской революции до наших дней: в 3 т. Иерусалим; М.: Гешарим – Мосты культуры, 2002. Т. 1. Эпоха первой эмансипации (1789–1815). 350 с.; Т. 2. Эпоха первой реакции (1815–1848) и второй эмансипации (1848–1880). 416 с.; Т. 3. Эпоха антисемитской реакции и национального движения (1881–1914) с эпилогом (1914–1938). 488 с.

16. История еврейского народа в России: 3 т. Т. 3. От революций 1917 года до распада Советского Союза / под ред. М. Бейзера. Иерусалим; М.: Гешарим – Мосты культуры, 2017. 477 с.

17. *Бутман Г.И.* Ленинград – Иерусалим с долгой пересадкой / вступ. ст. А. Белова; ред. Р.А. Зернова. Иерусалим, 1981. 229 с. (Б-ка-Алия; 84).

18. *Бутман Г.И.* Время молчать и время говорить / ред. Ф. Розинер, предисл. А. Белова; рис. М. Дымшица. Иерусалим, 1984. 235 с. (Б-ка-Алия; 76).

19. In memoriam: сб. памяти Владимира Аллоя / сост. Т.Б. Притыкина, О.А. Коростелев. СПб.: Феникс; Париж: Atheneum, 2005. 600 с.

20. *Таратута А., Таратута И.* Негрустные воспоминания о нашей семье, жизни в Ленинграде и борьбе за выезд в Израиль. Хайфа: G.M.C., 2016. 180 с.

21. *Бернадский Э.А.* «Ленинградский еврейский альманах» в борьбе еврейских «отказников» Ленинграда 80-х гг. XX в. за национальное возрождение // Столица и провинции: взаимоотношения центра и регионов в истории России: материалы XIII Всерос. науч. конф. Вып. 13 / отв. ред. С.В. Степанов. СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2022. С. 77–81.

22. Антиеврейские процессы в Советском Союзе: док. и юрид. коммент.: в 3 т. / Еврейск. ун-т в Иерусалиме; Центр по исслед. и документации вост.-европ. еврейства; ред. А. Рожанский. Т. 1–2. 1969–1971. Иерусалим, 1979. 1128 с.; Т. 3. 1972–1975. Иерусалим, 1984. 308 с.

23. *Блюм А.В.* Еврейский вопрос под советской цензурой, 1917–1991 / отв. ред. Д.А. Эльяшевич. СПб.: Петерб. Еврейск. ун-т, 1996. 185 с. (Петерб. иудаика; Т. 1).

24. *Бейзер М.* Еврейский самиздат в Ленинграде в 1980 годах. Ленинградский еврейский альманах (ЛЕА) // Российский сионизм: история и культура: материалы междунар. науч. конф. / науч. ред. А.Е. Локшин. М.: Дом еврейск. кн., 2002. С. 292–299.

25. Самиздат Ленинграда. 1950-е – 1980-е: лит. энцикл. / под общ. ред. Д. Северюхина; авт.-сост. В.Э. Долинин, Б.И. Иванов, Б.В. Останин, Д.Я. Северюхин. М.: Новое лит. обозрение, 2003. 622 с.

26. *Гессен В.Ю.* К истории евреев: 300 лет в Санкт-Петербурге. СПб.: Нестор-История, 2005. 310 с.

27. *Смирнова Т.М.* Еврейские коллективы на сцене Ленинградского театра эстрады в 1960-е гг. // Евреи Европы и Ближнего Востока: культура и история, языки и литература: материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. М.О. Мельцин, С.Г. Парижский; Петерб. ин-т иудаики. СПб.: Алеф-Пресс, 2018. С. 230–237. (Тр. по иудаике. Сер.: История и этнография; Вып. 14).

28. *Зарецкая З.* Театр отказников 1967–1989 гг. как путь к духовной самоидентификации // Материалы Пятнадцатой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. Ч. 1. Государство Израиль: 60 лет истории / отв. ред. В. Мочалова. М.: Гриф и К, 2008. С. 313–325.

29. *Бейзер М.* Отказническая жизнь в Ленинграде в 1980-е годы: по воспоминаниям самих отказников // Материалы Шестнадцатой ежегодной международной междисциплинарной конференции по иудаике. Ч. 3. Еврейская культура и ее контексты / отв. ред. В. Мочалова. М.: Сэфер, 2009. С. 384–393.

30. *Королева Л.А., Молькин А.Н.* Еврейская оппозиция в СССР. 1950–1970-е гг. // Соврем. проблемы науки и образования. 2015. № 1-1. Ст. № 1633. URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18743&ysclid=m2k1ld275z455120619> (дата обращения: 19.11.2024).

31. *Кондратьева М.К.* Зарождение современной еврейской культуры Санкт-Петербурга – Ленинграда в 60–80-х гг. XX века // Науч. мнение. 2016. № 14. С. 67–72.

32. *Кондратьева М.К.* Социально-культурная специфика иудаизма в Санкт-Петербурге и Ленинградской области: дис. ... канд. филос. наук. СПб., 2021. 206 с.

References

1. Ivanov A.I., Kupovetskiy M.S. (eds.). *Dokumenty po istorii i kul'ture evreev v arkhivakh Sankt-Peterburga. T. 2. Regional'nye arkhivy* [Documents on Jewish History and Culture in the Archives of St. Petersburg. Vol. 2. Regional Archives]. St. Petersburg, 2013. 585 p.
2. Gessen V.Yu. Soratnik Petra I Petr Pavlovich Shafirov: gosudarstvennaya i predprinimatel'skaya deyatel'nost' [Colleague of Peter the Great P.P. Shafirov: State and Business Activities]. *Klio*, 2016, no. 6, pp. 158–169.
3. Beizer M. *Evrei v Peterburge* [Jews in St. Petersburg]. Jerusalem, 1990. 326 p.
4. Kandel F.S. *Ocherki vremen i sobytiy iz istorii rossiyskikh evreev. T. 6. Istoriya evreev Sovetskogo Soyuza (1945–1970)* [Essays of Times and Events. From the History of the Russian Jews. Vol. 6. The History of Jews in the Soviet Union (1945–1970)]. Moscow, 2007. 560 p.
5. Yukhneva N.V. Minuvshee prokhorit predi mnoyu... [The Past Unrolls Before Me]. *Neva*, 2006, no. 4, pp. 180–197.
6. Kryakin E.N. “Jews in the Soviet Union to Be!” The Problem of Choosing the Path of Life of Soviet Jewry in the Years of Late Perestroika. *Istoricheskiy kur'er*, 2022, no. 1, pp. 217–225 (in Russ.). <https://doi.org/10.31518/2618-9100-2022-1-18>
7. Ul'yanova O.S. Otechestvennaya istoriografiya evreev v Rossii v XIX–XXI stoletii [Russian Historiography of Jews in Russia in the 19th – 21st Centuries]. *Molodoy uchenyy*, 2010, no. 6, pp. 273–279.
8. Ivanov A.I., Kupovetskiy M.S., Lokshin A.E. (eds.). *Dokumenty po istorii i kul'ture evreev v arkhivakh Sankt-Peterburga. T. 1. Federal'nye arkhivy* [Documents on Jewish History and Culture in the Archives of St. Petersburg. Vol. 1. Federal Archives]. St. Petersburg, 2011. 636 p.
9. Kel'ner V.E., El'yashevich D.A. (comps.). *Literatura o evreyakh na russkom yazyke. 1890–1947. Knigi, broshyury, ottiski statey, organy periodicheskoy pechati* [Literature About Jews in Russian. 1890–1947. Books, Brochures, Article Reprints and Periodicals]. St. Petersburg, 1995. 678 p.
10. El'yashevich D.A. (ed.). *Istoriya evreev v Rossii: problemy istochnikovedeniya i istoriografii* [The History of Jews in Russia: Issues of Source Studies and Historiography]. St. Petersburg, 1993. 176 p.
11. Agranovskaya M. (ed.). *Evrei v Rossii: istoriograficheskie ocherki, 2-ya polovina XIX v. – XX v.* [Jews in Russia: Historiographic Essays, 2nd Half of the 19th – 20th Centuries]. Moscow, 2002. 256 p.
12. *Kniga o russkom evreytstve: ot 1860-kh godov do revolyutsii 1917 g.* [A Book on Russian Jewry: From the 1860s to the Revolution of 1917]. Jerusalem, 2002. 600 p.
13. Sombart W. *Der Bourgeois: Zur Geistesgeschichte des modernen Wirtschaftsmenschen*. Munich, 1913. 540 p. (Russ. ed.: Zombart V. *Burzhua: Etyudy po istorii dukhovnogo razvitiya sovremennogo ekonomicheskogo cheloveka*. Moscow, 1994. 442 p.).
14. Dubnov S.M. *Kratkaya istoriya evreev* [A Brief History of Jews]. Rostov-on-Don, 1997. 576 p.
15. Dubnov S.M. *Modern History of the Jewish People: From the French Revolution to the Present Day*. Jerusalem, 2002. Vol. 1. The First Jewish Emancipation (1789–1815). 350 p.; Vol. 2. The First Reaction (1815–1848) and Second Emancipation (1848–1880). 416 p.; Vol. 3. The Antisemitic Reaction and National Movement (1881–1914) with an Epilogue (1914–1938). 488 p. (in Russ.).
16. Beizer M. (ed.). *Istoriya evreyskogo naroda v Rossii. T. 3. Ot revolyutsiy 1917 goda do raspada Sovetskogo Soyuza* [History of the Jews in Russia. Vol. 3. From the Revolutions of 1917 to the Fall of the Soviet Union]. Moscow, 2017. 477 p.
17. Butman H. *Leningrad – Ierusalim s dolgoy peresadkoy* [Leningrad – Jerusalem. A Long Stop]. Jerusalem, 1981. 229 p.
18. Butman H. *Vremya molchat' i vremya govorit'* [A Time to Be Silent and a Time to Speak]. Jerusalem, 1984. 235 p.
19. Pritykina T.B., Korostelev O.A. (comps.). *In memoriam*. St. Petersburg, 2005. 600 p. (in Russ.).
20. Taratuta A., Taratuta I. *Negrustnye vospominaniya o nashey sem'e, zhizni v Leningrade i bor'be za vyezd v Izrail'* [Non-Depressing Memories of Our Family, Life in Leningrad and Struggle for the Right to Emigrate to Israel]. Haifa, 2016. 180 p.
21. Bernadskiy E.A. “Leningradskiy evreyskiy al'manakh” v bor'be evreyskikh “otkaznikov” Leningrada 80-kh gg. XX v. za natsional'noe vozrozhdenie [Leningrad Jewish Almanac in the Struggle of Jewish Leningrad Refuseniks for National Revival in the 1980s]. Stepanov S.V. (ed.). *Stolitsa i provintsii: vzaimootnosheniya tsentra i regionov v istorii Rossii* [The Capital and the Provinces: Relations Between the Centre and the Regions in the History of Russia]. Iss. 13. St. Petersburg, 2022, pp. 77–81.

22. Rozhanskiy A. (ed.). *Antievreyskie protsessy v Sovetskom Soyuze: Dokumenty i yuridicheskiy kommentariy* [Anti-Jewish Trials in the Soviet Union: Documents and Legal Commentary]. Vol. 1–2. 1969–1971. Jerusalem, 1979. 1128 p.; Vol. 3. 1972–1975. Jerusalem, 1984. 308 p.

23. Blyum A.V. *Evreyskiy vopros pod sovetской tsenzuroy, 1917–1991* [The Jewish Question Under Soviet Censorship, 1917–1991]. St. Petersburg, 1996. 185 p.

24. Beizer M. *Evreyskiy samizdat v Leningrade v 1980 godakh. Leningradskiy evreyskiy al'manakh (LEA)* [Jewish Samizdat in Leningrad in the 1980s. *Leningrad Jewish Almanac (LEA)*]. Lokshin A.E. (ed.). *Rossiyskiy sionizm: istoriya i kul'tura* [Russian Zionism: History and Culture]. Moscow, 2002, pp. 292–299.

25. Severyukhin D. (ed.). *Samizdat Leningrada. 1950-e – 1980-e* [Leningrad Samizdat. 1950s – 1980s]. Moscow, 2003. 622 p.

26. Gessen V.Yu. *K istorii evreev: 300 let v Sankt-Peterburge* [On the History of the Jews: 300 Years in St. Petersburg]. St. Petersburg, 2005. 310 p.

27. Smirnova T.M. *Evreyskie kollektivy na stsene Leningradskogo teatra estrady v 1960-e gg.* [Jewish Groups on the Stage of Leningrad Variety Theatre in the 1960s]. Mel'tsin M.O., Parizhskiy S.G. (eds.). *Evrei Evropy i Blizhnego Vostoka: kul'tura i istoriya, yazyki i literatura* [Jews of Europe and the Middle East: Culture and History, Languages and Literature]. St. Petersburg, 2018, pp. 230–237.

28. Zaretskaya Z. *Teatr otkaznikov 1967–1989 gg. kak put' k dukhovnoy samoidentifikatsii* [Underground Refusenik's Theatre in 1970s – 1980s]. Mochalova V. (ed.). *Materialy Pyatnadsatoy ezhegodnoy mezhdunarodnoy mezhdistsiplinarnoy konferentsii po iudaike. Ch. 1. Gosudarstvo Izrail': 60 let istorii* [Proceedings of the Fifteenth Annual International Conference on Jewish Studies. Pt. 1. State of Israel: 60 Years of History]. Moscow, 2008, pp. 313–325.

29. Beizer M. *Otkaznicheskaya zhizn' v Leningrade v 1980-e gody: po vospominaniyam samikh otkaznikov* [The Life of Leningrad Refuseniks as Reflected in Memoirs and Interviews]. Mochalova V. (ed.). *Materialy Shestnadsatoy ezhegodnoy mezhdunarodnoy mezhdistsiplinarnoy konferentsii po iudaike. Ch. 3. Evreyskaya kul'tura i ee konteksty* [Proceedings of the Sixteenth Annual International Conference on Jewish Studies. Pt. 3. Jewish Culture and Its Contexts]. Moscow, 2009, pp. 384–393.

30. Koroleva L.A., Mol'kin A.N. *Evreyskaya oppozitsiya v SSSR. 1950–1970-e gg.* [The Jewish Opposition in the USSR. 1950s – 1970s]. *Sovremennye problemy nauki i obrazovaniya*, 2015, no. 1-1. Art. no. 1633. Available at: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=18743&ysclid=m2k11d275z455120619> (accessed: 19 November 2024).

31. Kondrat'eva M.K. *Zarozhdenie sovremennoy evreyskoy kul'tury Sankt-Peterburga – Leningrada v 60–80-kh gg. XX veka* [The Origin of Modern Jewish Culture of Saint Petersburg – Leningrad in the 1960–1980s]. *Nauchnoe mnenie*, 2016, no. 14, pp. 67–72.

32. Kondrat'eva M.K. *Sotsial'no-kul'turnaya spetsifika iudaizma v Sankt-Peterburge i Leningradskoy oblasti* [Social and Cultural Specifics of Judaism in St. Petersburg and the Leningrad Region: Diss.]. St. Petersburg, 2021. 206 p.

Информация об авторе

Э.А. Бернадский – аспирант кафедры истории России Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина (адрес: 196605, Санкт-Петербург, г. Пушкин, Петербургское ш., д. 10).

Information about the author

Elmar A. Bernadskiy, Postgraduate Student, History Department, Pushkin Leningrad State University (address: Peterburgskoe sh. 10, Pushkin, 196605, St. Petersburg, Russia).

Поступила в редакцию 05.03.2024

Одобрена после рецензирования 01.10.2024

Принята к публикации 03.10.2024

Submitted 5 March 2024

Approved after reviewing 1 October 2024

Accepted for publication 3 October 2024

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 6. С. 17–27.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 6, pp. 17–27.

Научная статья
УДК 94(47).084.9:629.762
DOI: 10.37482/2687-1505-V389

Наш ответ «Минитмену» (о проведении летных испытаний межконтинентальной баллистической ракеты РТ-2П)

Александр Валентинович Толочко

Военно-космическая академия имени А.Ф. Можайского, Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: Zvezdny68@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-9292-0598>

Аннотация. В статье предпринимается попытка реконструкции государственных летно-конструкторских испытаний межконтинентальной баллистической ракеты РТ-2П 53-м Научно-исследовательским испытательным полигоном Министерства обороны СССР в 1969–1972 годах. Цель работы – рассмотреть создание испытательных формирований, экспериментальной испытательной базы и проведение испытаний ракеты как единый процесс летно-конструкторских испытаний посредством применения историко-системного и проблемно-хронологического методов исторических исследований. Использование мультидисциплинарного подхода позволило раскрыть процесс испытаний как единую систему «человек – машина – среда», функционирующую в СССР в период развитого социализма. Основу работы составили литература конструкторского бюро «Арсенал», архивные источники, документы испытательных воинских частей, а также воспоминания участников событий, в т. ч. не публиковавшиеся ранее. В статье приведены уточненные данные по созданию, совершенствованию и использованию экспериментальной испытательной базы, изменению структуры и состава испытательных формирований, результатам испытаний. Автор указывает, что экспериментальная испытательная база должна создаваться заблаговременно, с учетом уже существующих объектов, при непосредственном участии эксплуатирующих организаций. Структура и состав испытательных формирований в поисках оптимального применения могут находиться в динамике, при этом наиболее эффективной представляется их работа только с одним типом ракет. Итогом испытаний ракет РТ-2П стали принятие на вооружение первой межконтинентальной баллистической ракеты на твердом топливе и внесение изменений в систему эксплуатации ракетного вооружения в Ракетных войсках стратегического назначения. Результаты исследования могут быть использованы при написании детальной истории Ракетных войск стратегического назначения и военной летописи Архангельской области, а также при планировании испытаний перспективных образцов военной техники.

Ключевые слова: боевой ракетный комплекс, ракетное вооружение, межконтинентальная баллистическая ракета, твердое топливо, экспериментальная испытательная база, космодром Плесецк

Для цитирования: Толочко, А. В. Наш ответ «Минитмену» (о проведении летных испытаний межконтинентальной баллистической ракеты РТ-2П) / А. В. Толочко // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 6. – С. 17–27. – DOI 10.37482/2687-1505-V389.

Толочко А.В.

Наш ответ «Минитмену» (о проведении летных испытаний межконтинентальной баллистической ракеты РТ-2П)

Original article

Our Response to the Minuteman (on the Flight Tests of the RT-2P Intercontinental Ballistic Missile)

Aleksandr V. Tolochko

Mozhaisky Military Space Academy, St. Petersburg, Russia,

e-mail: Zvezdny68@mail.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0008-9292-0598>

Abstract. The article attempts to reconstruct the development flight tests of the RT-2P intercontinental ballistic missile that were performed at the 53rd Research Proving Ground of the USSR Ministry of Defence in 1969–1972. The paper aims to, through the use of the historical-systematic and problem-chronological methods, consider the creation of test formations and the experimental test base as well as the missile's flight tests as a single process of development flight testing. The use of a multidisciplinary approach allowed the author to view the testing process as a single man–machine–environment system that operated in the Soviet Union during the period of developed socialism. The study is based on the literature of Arsenal Design Bureau, archival sources, documents of military test units, as well as reminiscences of the participants in the events, including those that had not been published before. The paper provides updated information on the establishment, improvement and use of the experimental test base, changes in the structure and composition of test formations, as well as test results. The author points out that experimental test bases should be built in advance, taking into account the existing facilities, with the direct participation of operating organizations. While searching for optimal applications, the structure and composition of test formations can be dynamic; at the same time, working with just one type of missile appears to be the most effective way. The RT-2P missile tests resulted in the approval for service use of the first solid-fuel intercontinental ballistic missile and in the introduction of changes to the missile operating system in the Strategic Missile Forces. The findings can be used in writing a detailed history of the Strategic Missile Forces and a military chronicle of the Arkhangelsk Region, as well as in the planning of tests of promising military equipment.

Keywords: *combat missile system, missiles, intercontinental ballistic missile, solid fuel, experimental test base, Plesetsk Cosmodrome*

For citation: Tolochko A.V. Our Response to the Minuteman (on the Flight Tests of the RT-2P Intercontinental Ballistic Missile). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 6, pp. 17–27. DOI: 10.37482/2687-1505-V389

Введение. До начала 1990-х годов в СССР почти все, связанное с Ракетными войсками стратегического назначения (РВСН), было закрытой информацией. Более того, в открытой печати не могли появляться данные о носителях ядерного оружия – межконтинентальных баллистических ракетах (МБР). Политические изменения в стране, снятие ряда запретов и истечение сроков давности приоткрыли «секретный» занавес: стали известны имена конструкторов ракетно-ядерного оружия, трудовые коллективы, создававшие его,

и даже техническое устройство и места несения боевого дежурства МБР. Однако до настоящего времени проведение государственных летно-конструкторских испытаний МБР не являлось предметом исторических исследований.

Цель работы заключается в описании проведения испытаний МБР РТ-2П воинскими частями 53-го Научно-исследовательского испытательного полигона Министерства обороны СССР (г. Мирный Архангельской области) (53 НИИП) и подготовки к ним, в т. ч. создания эксперимен-

тальной испытательной базы (ЭИБ) и эволюции испытательных формирований.

Актуальность исследования обусловлена тем, что впервые показаны пути решения организационных и технических проблем, сопровождающих испытания ракет. Практическая значимость состоит в представлении данных, которые подтверждают, что задачи, стоящие перед современными испытателями, по сути, аналогичны решенным их предшественниками в 1970-е годы.

Центральный комитет КПСС и Совет Министров СССР постановлением № 1004-3 от 13 декабря 1968 года приняли на вооружение МБР РТ-2 и поставили задачу создать ее модернизированную версию – ракету РТ-2П, которая по тактико-техническим характеристикам (ТТХ) должна была сравняться с американской МБР «Минитмен-2» [1, с. 174].

Отдельных исследований, посвященных ракете РТ-2П, нет. Общие сведения об МБР РТ-2П (8К98П)¹ имеются в справочных изданиях, посвященных ракетно-космической технике [2]. Главный конструктор ракеты П.А. Тюрин указывает на некоторые проблемы при ее проектировании [3]. Создание ракеты и ее ТТХ описаны в работах конструкторского бюро «Арсенал» [1, 4], выпущенных для «внутреннего» обращения, – они малодоступны. Организации испытаний МБР РТ-2П уделено несколько строк в ведомственном труде РВСН о 4-м Центральном научно-исследовательском институте Министерства обороны [5]. Об эксплуатации ракеты в РВСН упоминают А.А. Ряжских [6] и Б.Е. Черток [7]. Пожалуй, наиболее полно информация о ракете РТ-2П представлена на сайте 44-го ракетного полка².

Вышеперечисленные работы не рассматривают испытания ракеты РТ-2П. Необходи-

мыми источниками для достижения цели исследования являются издания 53 НИИП [8–11]. В них помимо сведений об элементах ЭИБ, испытательных формированиях и результатах испытаний содержатся воспоминания тех, кто имел к этому отношение. Важными данными обладают опубликованные [12–18] и неопубликованные³ свидетельства участников испытаний. Для восполнения образовавшихся лагун в ходе исследования был проведен анализ сохранившихся документов испытательных частей 53 НИИП: приказов, штатов и книг алфавитного учета, в т. ч. из фондов филиала Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации (ЦАМО РФ) в пос. Власиха Московской области. Данные из фондов ранее не вводились в научный оборот.

Общее описание ракеты РТ-2П. Разработка ракеты РТ-2П была поручена ЦКБ-7 (конструкторское бюро «Арсенал»). Главным конструктором ракеты был назначен П.А. Тюрин. Новая ракета РТ-2П предназначалась для поражения крупных военных объектов, военно-промышленных и административно-политических центров, а также иных целей, имеющих стратегическое значение [4, с. 48]. Она обладала более мощной головной частью (ГЧ), комплексом средств преодоления противоракетной обороны и повышенной точностью стрельбы.

Сведения о ракете РТ-2П можно суммировать следующим образом: она была трехступенчатой твердотопливной баллистической – с последовательным расположением ступеней и моноблочной термоядерной ГЧ. Для управления полетом использовались управляющие сопла. Заряды топлива изготавливались из смесового состава на основе бутилкаучука. На ракете уста-

¹По договору СНВ (по сокращению стратегических наступательных вооружений): РС-12; по классификации НАТО: SS-13 mod.2 Savage («Дикий»).

²РТ-2 / РТ-2П / 8К98-SS-13 SAVAGE. URL: <http://militaryrussia.ru/blog/topic-867.html> (дата обращения: 12.09.2023).

³Личный архив автора. Воспоминания А.В. Баля, Н.В. Маданова, С.С. Торкева.

Толочко А.В.

Наш ответ «Минитмену» (о проведении летных испытаний межконтинентальной баллистической ракеты РТ-2П)

навливалась автономная инерциальная система управления, осуществлявшая управление ракетой от пуска до перехода к неуправляемому полету ГЧ. Полет ракеты осуществлялся по «свободной» траектории. Новая система дистанционного управления предусматривала возможность закладки двух полетных заданий и дистанционного переприцеливания.

Ключевые тактико-технические параметры ракет РТ-2 и РТ-2П, а также их «оппонентов» «Минитмен-1–3» приведены в *таблице*.

маршевый двигатель первой ступени запускался в шахте, горячая газовая струя превращала воду в пар, и образовавшаяся парогазовая смесь, как поршень, выталкивала ракету из нее. Время работы первой, второй и третьей ступеней ракеты – 75, 61 и 49 с соответственно. После прекращения работы двигателя третьей ступени ГЧ по баллистической траектории самостоятельно летела к цели.

ТТХ ракеты РТ-2П должны были обеспечить ее более эффективное боевое применение в сравнении с ракетами первого поколения. Так, вероят-

Основные тактико-технические характеристики ракет РТ-2, РТ-2П и «Минитмен-1–3»
Key tactical and technical characteristics of the RT-2, RT-2P and Minuteman 1–3 missiles

Параметр	«Минитмен-1» (LGM-30B)	«Минитмен-2» (LGM-30F)	РТ-2	«Минитмен-3» (LGM-30G)	РТ-2П
Год принятия на вооружение	1962	1965	1968	1970	1972
Дальность стрельбы, км	10 200	11 300	9600	13 000	10 200
Точность стрельбы, м	1200	500	1800–2000	180	1500
Мощность заряда ГЧ, кт	1200	1200	600	3·170	750
Масса ГЧ, кг	600	1200	500–600	1150	500–600
Стартовая масса ракеты, т	29,7	33,7	46,1–51,0	35,4	46,1–51,0
Длина ракеты, м	17,00	17,68	21,27	18,20	21,27

Ракета размещалась в защищенной шахтной пусковой установке типа «Отдельный старт», которая состояла из бетонного ствола, где располагались пусковой стакан с ракетой и системой амортизации, и цилиндрического оголовка, возведенного над стволом шахты. В оголовке размещались системы поддержания температурно-влажностного режима, подготовки и пуска ракеты. Ракета подвешивалась на амортизаторах над емкостью с водой. Сверху оголовок закрывался защитным устройством из железобетонной плиты, передвигающейся по рельсам. Готовность к пуску составляла 3–5 мин.

Пуск ракеты проводился из командного пункта по кабельным линиям связи. При пуске защитное устройство сдвигалось с помощью порохового аккумулятора давления, при этом

ность поражения одной ракетой РТ-2П военно-промышленных, административных центров и военно-морских баз составляла 0,64, 0,92 и 0,65 соответственно [19, с. 58].

Организация и обеспечение испытаний. Испытания МБР РТ-2П могли проводиться только на 53 НИИП, где имелись ЭИБ и испытательные формирования. Целью проведения этих испытаний была «проверка ракетного комплекса совместно с ракетами на соответствие всем тактико-техническим требованиям Министерства обороны» [20, с. 178]. Итогом испытаний должны были стать заключение (на основании которого ракета будет принята на вооружение), выявление всевозможных замечаний и подготовка предложений по их устранению [6, кн. 1, с. 178].

Для проведения испытаний ракеты РТ-2П использовались ЭИБ, инфраструктура и испытательные формирования, созданные во второй половине 1960-х годов для испытаний ракеты РТ-2. Для проведения пусков ракет РТ-2П была выбрана стартовая позиция № 161 «Заря»⁴ (с двумя пусковыми установками) в 74 км от г. Мирного, при этом ее пусковые установки необходимо было переоборудовать под ракету РТ-2П.

Поля падений отделяющихся частей ракет РТ-2П совпадали с полями падений ракет РТ-2. Их обнаружение и эвакуацию осуществляли отдельные научно-испытательные станции (в г. Мирном и, кроме того, в пос. Нижняя Пеша и с. Шойна Заполярного района Ненецкого автономного округа).

Для выполнения пусковых операций использовались пристартовый командный пункт стартовой позиции № 161 и унифицированный командный пункт на площадке № 165-2 «Ясное-2».

Подготовка ракет производилась в служебно-лабораторном и монтажно-испытательном корпусах технической позиции на площадке № 171 «Ледяное»⁵, а подготовка ГЧ – на специальной технической позиции площадки № 152 «Тихая».

Для телеметрических и траекторных измерений использовались отдельные измерительные пункты, располагавшиеся вдоль трассы полета ракет: в г. Мирном, на площадке № 122 «Ключевое», в г. Нарьян-Маре, на архипелаге Новая Земля и в пос. Железнодорожном (Коми АССР) [9, с. 34–35].

Пуски ракет могли проводиться на минимальную (в район г. Норильска), промежуточную (по мишенному полю «Кура» на п-ве Камчатка) и максимальную (в район Тихого океана) дальность [4, с. 57].

К началу проведения испытаний ракет РТ-2П необходимая инфраструктура уже была создана. В жилом городке на площадке № 122 (в 73 км от

г. Мирного) размещались войсковые части 01349 и 32523. К местам испытаний была проложена бетонная дорога.

Необходимые испытательные формирования были созданы на 53 НИИП в 1965–1966 годах и уже имели опыт испытательных работ. Эти формирования можно условно разделить на две группы: для первой испытания ракет РТ-2П были основным предназначением, для второй эти испытания не были основными. К первой группе относятся 4-е Испытательное управление (4 ИУ), войсковые части 01349 и 32523, ко второй – отдельные измерительные пункты, отдельные научные станции и ракетно-техническая база, «работавшая» с ГЧ ракет.

Сформированное в марте 1966 года 4 ИУ было предназначено для проверки и оценки летно-технических, боевых и эксплуатационных характеристик ракетных комплексов, оснащенных ракетами на твердом топливе [16, с. 94–95]. В рассматриваемый период его начальником являлся полковник П.П. Щербаков.

Основным подразделением 4 ИУ, организовавшим работы с ракетой РТ-2П, был отдел комплексных испытаний и пуска ракет на твердом топливе (первый отдел). Он состоял из трех отделений: комплексных испытаний и пуска (10 офицеров), автономных испытаний гиро- и бортовых счетно-решающих устройств (5 офицеров) и конструкции ракеты и двигательных установок (7 офицеров). К испытаниям привлекались и другие подразделения 4 ИУ: третий отдел (систем дистанционного управления, 14 офицеров), четвертый отдел (стационарного и подвижного оборудования ракетных комплексов, 20 офицеров), пятый отдел (бортовых измерительных средств, 20 офицеров), а также отдельные лаборатории: автоматических систем прицеливания (4 офицера) и дефектоскопии (7 офицеров)⁶.

⁴Далее в работе при первом упоминании о стартовых и технических позициях будет указываться ее строительный номер и личное название, а при последующих – только строительный номер.

⁵Приказ командира войсковой части 01349 «О закреплении сооружений площадок № 171, 122, 161, 165 за офицерами части» // Фил. ЦАМО РФ. Ф. 415. Оп. 18648. Д. 1. Л. 33–34.

⁶Штат 4 Испытательного управления // Фил. ЦАМО РФ. Ф. 470. Оп. 13822. Д. 4. Л. 300–315.

При проведении испытаний 4 ИУ являлось организующим и координирующим органом, а непосредственным исполнителем программы испытания – войсковая часть 01349, которая была сформирована 25 февраля 1965 года и изначально предназначалась для испытания ракетного комплекса с ракетой РТ-2. В период проведения испытаний ракеты РТ-2П этой воинской частью командовали полковники В.И. Шабаров (по август 1970 года) и М.М. Гладков⁷.

Основными подразделениями, непосредственно проводящими испытания, были стартовая и техническая группы. Стартовая группа (для ракет 8К98) предназначалась для подготовки ракет на стартовой позиции. В нее входили команда подготовки и пуска ракет и стартовая команда. Техническая группа (для ракет 8К98) предназначалась для подготовки ракет на технической позиции. В нее входили команды подготовки ракет и радиотелеметрических и внешнетраекторных измерений. Необходимо отметить, что испытательные подразделения «группа» и «команда» по организационно-штатной структуре соответствовали общевойсковым батальонам и ротам.

Технология подготовки твердотопливных ракет гораздо проще и безопасней, чем подготовка жидкостных [16, с. 97], поэтому штат испытательных подразделений войсковой части 01349 был небольшим.

В период проведения испытаний ракеты РТ-2П штаты 4 ИУ и войсковой части 01349 были изменены в «интересах» РТ-2П.

С июля 1971 года первый отдел 4 ИУ стал отделом комплексных испытаний и пуска твердотопливных ракет боевых ракетных комплексов «Отдельный старт». Названия, предназначение и состав первых двух его отделений были изменены: первое – автономных систем управления и регламентных проверок (9 офицеров), второе – комплексной оценки боевых и эксплуатационных свойств боевых ракетных комплексов (6 офицеров). И только название, предназначение и состав

третьего отделения остались прежними. Кроме того, изменения не коснулись третьего, четвертого и пятого отделов, а также отдельной лаборатории дефектоскопии 4 ИУ. Тем не менее был образован шестой отдел (систем автоматизации управления и передачи информации, 12 офицеров), а отдельная лаборатория автоматических систем прицеливания была развернута в седьмой отдел (10 офицеров)⁸.

Войсковая часть 32523 была сформирована в январе 1965 года для обеспечения измерениями пусков ракет по «боевой» тематике [21, с. 456]. В рассматриваемый период в ней проходили службу 30 офицеров, 17 сержантов и 71 солдат. Ее основным вооружением были телеметрические станции «Трал» и «БРС-4» и радиотехническая станция «Кама».

В «интересах» ракеты РТ-2П в ноябре 1971 года стартовая и техническая группы для ракет 8К98 были реформированы в стартовую и техническую для ракет 8К98 и 8К98П. Таким образом было «узаконено» выполнение новых задач: группы продолжали работать с ракетами РТ-2, но их состав увеличен не был.

Совершенствование ЭИБ для работы с ракетой РТ-2П началось в сентябре 1969 года. Как указывалось выше, местом для проведения испытаний ракет РТ-2П была определена стартовая позиция № 161, которая вплоть до конца 1969 года использовалась для проведения пусков ракет РТ-2. Позднее ее пусковые установки были переоборудованы под «изделие» РТ-2П. Ракеты имели аналогичные параметры, поэтому много времени для этого не потребовалось.

Ход выполнения работ по совершенствованию ЭИБ осуществлялся офицерами войсковой части 01349 под контролем инженеров-испытателей 4 ИУ, но основная нагрузка падала именно на офицеров. Они работали в тесном контакте со службами 53 НИИП, представителями конструкторских, монтажных и промышленных организаций, принимали новое оборудование и контролировали его монтаж [12, с. 7].

---

⁷Книга алфавитного учета офицеров войсковой части 01349 // Фил. ЦАМО РФ. Ф. 415. Оп. 13822. Д. 1. Л. 5, 30.

⁸Штат 4 Испытательного управления // Фил. ЦАМО РФ. Ф. 470. Оп. 13822. Д. 4. Л. 363–383.

Опытные (летные) образцы ракет РТ-2П изготавливались ленинградским заводом «Арсенал» и помимо серийного номера имели особый «летный» номер. Первая ракета, запущенная по программе испытаний, имела номер 3Л, а последняя – 17Л.

Проведение испытаний. В декабре 1969 года подготовка ЭИБ для испытаний ракеты РТ-2П была завершена. Тогда же начались комплексные испытания систем и агрегатов комплекса с технологическим макетом ракеты. Когда испытания были успешно завершены, технически все было готово для проведения первого испытательного пуска. После выполнения необходимых организационных мероприятий («закрытие» полей падения, эвакуация людей из опасных зон и т. п.) 53 НИИП был готов к первому пуску.

Первый пуск ракеты РТ-2П состоялся 16 января 1970 года из пусковой установки № 2 стартовой позиции № 161 и был признан успешным. В его проведении принял участие боевой расчет войсковой части 01349 под руководством полковника В.И. Шабарова (79 офицеров, 12 сержантов и 112 солдат), офицеры 4 ИУ и 53 НИИП, а также представители промышленности. В последующем пуски ракет РТ-2П по программе испытаний проводились до января 1972 года [11, с. 11].

Каждый пуск был важной вехой в испытаниях ракет, и это была яркая, но лишь видимая их сторона. После каждого из пусков, успешных или аварийных, инженеров-испытателей 53 НИИП ждали горы пленок с информацией, которую нужно было извлечь и расшифровать, а затем необходимо было сравнить реальные параметры работы систем ракеты с заданными характеристиками. На основании этих данных испытатели должны были подтвердить основные технические решения, заложенные в системы ракеты, выявить проблемные вопросы и предложить пути совершенствования систем ракеты и наземного оборудования [16, с. 99]. Но такая важная часть испытаний проводилась в тиши лабораторий, оставалась, как правило, «за кадром».

Проведение испытаний сопровождалось многочисленными бытовыми, транспортными и техническими проблемами.

Ежедневно, зимой и летом, в любую погоду, на автобусах (КАвЗах с фанерными кузовами) непосредственные исполнители работ – офицеры войсковой части 01349 и 4 ИУ – уезжали утром из г. Мирного на стартовую позицию № 161, а возвращались глубокой ночью, по окончании работ. Зимой температура в автобусах не поднималась выше -10°C , водители – солдаты срочной службы – были в валенках и меховых тулупах. «Пассажиры» автобуса обычно спали: утром – от недосыпа, вечером – от усталости. Как правило, офицеры войсковой части возвращались домой через два дня на третий, но никто не роптал и иногда в автобусах напевали песню, в которой были такие слова: «От “Зари” до “Зари”, от темна до темна...»⁹ Эти слова раскрывали организацию работ: автобус отъезжал от гостиницы «Заря» г. Мирного в 7 ч. 30 мин., а со стартовой позиции № 161, которая именовалась «Заря», уезжал уже ночью. До Мирного нужно было проехать 74 км...

Проблемы, связанные с технической готовностью ракеты, как правило, решались на уровне 4 ИУ и предприятий промышленности, при этом отделы и службы 53 НИИП оказывали максимально возможное содействие. Зачастую необходимые блоки и аппаратура доставлялись самолетами с предприятий промышленности, войсковой части 01349 необходимо было их принять и доставить к местам работ. «Бумажно-бюрократические» вопросы решались позднее¹⁰.

Многие незначительные, на первый взгляд, проблемы, но без решения которых проведение испытаний было бы невозможно, брала под контроль войсковая часть 01349. Так, генерал-майор Л.И. Долинов вспоминает об одном таком случае. В предпусковой день из строя вышел двигатель агрегата подвижного технологического оборудования. Ни на его ремонт в мастерских 53 НИИП, ни на доставку двигателя со склада времени не было – утром

⁹Личный архив автора. Воспоминания А.В. Баля. Л. 6.

¹⁰Личный архив автора. Воспоминания Н.В. Маданова. Л. 4.

пуск. Начальник расчета старший лейтенант Н.В. Пироженко едет за 40 км к военным строителям, «достает» у них двигатель и привозит. Офицеры части меняют двигатель, и к утру агрегат готов к работе. И все это было сделано ночью, в лютый мороз [15, с. 8].

Всего с 16 января 1970 года по 14 января 1972 года 53 НИИП выполнил 15 пусков ракет РТ-2П, 13 из которых стали полностью успешными. Три успешных пуска были проведены на максимальную дальность [10, с. 479].

После устранения замечаний, выявленных в ходе испытаний, 18 декабря 1972 года ракета РТ-2П была принята на вооружение [13, с. 7]. К этому времени на боевом дежурстве в Йошкар-Олинской дивизии уже находилось два ракетных полка с ракетами РТ-2. Во второй половине 1970-х годов они были перевооружены на ракеты РТ-2П, тогда же были развернуты еще 4 полка с ракетами РТ-2П.

С окончанием государственных летно-конструкторских испытаний ракеты РТ-2П ее «жизнь» и последующие испытания на 53 НИИП продолжались до середины 1990-х годов.

В 1970-е годы в СССР не было подтвержденных практикой сведений об изменениях характеристик твердого ракетного топлива, поэтому с начала 1973 года по октябрь 1975-го пусковые установки стартовых позиций № 162 «Озерки», № 164 «Лосиное», № 165-1 «Ясное-1», № 166 «Высокое», № 167 «Песчаное», № 169 «Лазурное» и № 170 «Горки» были переоборудованы под ракету РТ-2П¹¹. Затем войсковая часть 01349 приступила к выполнению программы «длительного хранения» ракет РТ-2П, рассчитанной на 10 лет. Для этого использовались перечисленные выше шахтные пусковые установки и унифицированный командный пункт [9, с. 40].

Регламентные работы с ракетами, техническими системами и технологическим оборудованием

пусковых установок и командного пункта сначала проводились через год, а начиная с 1977 года – через два. Пуски ракет осуществлялись по различным программам: установочные, контрольные, от «годовых» партий и после длительного хранения, а также по программам боевой подготовки. Всего был проведен 51 пуск [22, с. 479], подавляющее большинство из них было успешными, что подтверждало стабильность эксплуатационных и летно-технических характеристик ракеты.

Неудачные пуски анализировались, причины, приводящие к ним, устранялись. Большая часть аварий ракет РТ-2П была связана с разрушением графитовых вкладышей сопловых блоков¹². Так, в 1976 году было два аварийных пуска из-за прогаров сопловых двигателей второй ступени. Причину искали на заводе-изготовителе в Ленинграде и сборочном заводе в Перми, однако после прогара очередного блока во время стендовых испытаний было обнаружено, что графитовые заготовки для него были изготовлены из некачественного сырья. Руководство Московского электродного завода знало об этом, но молчало [17, с. 59]. Кроме того, на ленинградском заводе грубо нарушалась технология изготовления графитовых вкладышей сопловых блоков, а военная приемка этого не выявила [18, с. 239].

Испытание «длительным хранением» позволило увеличить срок нахождения на боевом дежурстве ракет РТ-2П с 7 до 18,5 лет [4, с. 177].

В силу ряда причин ракета РТ-2П не стала самой массовой в РВСН [6, кн. 2, с. 27]. Не смогла она сравниться по точности стрельбы и массе ГЧ со своим «оппонентом» – «Минитменом-3». Но высокие боевые и эксплуатационные характеристики, безопасность и надежность позволили ей находиться на боевом дежурстве вплоть до 1994 года. Именно она стала первым эффективным средством доставки ядерного оружия, выполненным на твердом топливе.

---

¹¹Приказ командира войсковой части 01349 от 11 августа 1975 года № 98 «О переоборудовании пусковых установок 15П798 площадок 166, 167, 169 объекта 9865 под изделия 8К98П» // Фил. ЦАМО РФ. Ф. 480. Оп. 13829. Д. 10. Л. 233.

¹²Личный архив автора. Воспоминания А.В. Баля. Л. 8.

Выводы

1. Для полигонных испытаний ракет необходимо заблаговременное создание ЭИБ и штатных испытательных формирований. Подразделения, проводившие испытания ракет РТ-2П, создавались в процессе, и их одновременная работа с различными «изделиями» негативно сказывалась на общем ходе испытаний и требовала от испытателей напряжения физических и моральных сил. При создании ЭИБ должна максимально использоваться уже имеющаяся полигонная база. Высокая степень унификации с предыдущим «изделием» позволила свести к минимуму расходы и время для подготовки ЭИБ для испытаний ракет РТ-2П. Создание ЭИБ должно проводиться при участии должностных лиц испытательных формирований.

2. Непосредственное испытание ракет в полигонных условиях требует создания надлежащих условий для испытателей и тесного взаимодей-

ствия испытательных формирований с предприятиями военно-промышленного комплекса. Оперативное решение проблем на предприятиях промышленности способствовало успешному испытанию ракет РТ-2П. Результаты испытаний ракет РТ-2П оказали влияние на систему эксплуатации твердотопливных ракет. Межрегламентные периоды и время общей эксплуатации ракет были увеличены, что способствовало экономии бюджетных средств.

3. Использование сохранившихся документов воинских частей, свидетельств непосредственных участников испытаний позволило дополнить официальные сведения о проведении испытаний организационными, техническими и социальными подробностями. В этом аспекте исследование показало необходимость сохранения и систематизации документов, связанных с проведением испытаний сложных технических систем.

Список литературы

1. Ковалев А.П., Беляев С.Г., Бубнов И.Л., Голосий А.С., Журавлев С.В. Конструкторское бюро «Арсенал». От артиллерийских орудий к космическим аппаратам / под общ. ред. А.Г. Мильковского. СПб.: КБ «Арсенал» им. М.В. Фрунзе, 2019. 315 с.
2. Карпенко А.В., Попов А.Д., Уткин А.Ф. Отечественные стратегические ракетные комплексы. СПб.: Нев. бастион – Гангут, 1999. 288 с.
3. Тюрин А.П. Воспоминания главного конструктора Петра Александровича Тюрин. [Б. м.]: Изд. решения (Ridero), 2021. 226 с.
4. Исторический обзор создания ракетно-космической техники на Санкт-Петербургском «Арсенале». СПб.: КБ «Арсенал», 2016. 298 с.
5. История 4 Центрального научно-исследовательского института Министерства обороны Российской Федерации (1946–2006) / под ред. проф. В.В. Василенко. М.: ЦИПК РВСН, 2006. 384 с.
6. Ряжских А.А. Оглянись назад и посмотри вперед. Записки военного инженера: в 2 кн. М.: Герои Отечества, 2006. Кн. 1. 596 с.; Кн. 2. 622 с.
7. Черток Б.Е. Ракеты и люди. Горячие дни холодной войны. 2-е изд. М.: Машиностроение, 1999. 398 с.
8. Полигон особой важности: кн.-альбом / подгот. А.В. Баль и др.; под общ. рук. Ю.М. Журавлева. М.: Со- гласие, 1997. 112 с.
9. Космодром «Плесецк» / ред. А.В. Потехина и др. М., 2002. 111 с.
10. Северный космодром России: в 2 т. / под ред. А.А. Башлакова. Мирный: Космодром «Плесецк», 2007. Т. 1. 566 с.
11. 55 лет на службе Отечеству! 1965–2020: Войсковая часть 01349: Страницы истории. Современность. Взгляд в будущее... Архангельск: Люция, 2020. 76 с.
12. Долинов Л.И. Испытатели // Ветеран-Ракетчик. 2009. № 7–8(79–80). С. 3; № 9–10(81–82). С. 3.
13. Долинов Л.И. Испытатели // Ветеран-Ракетчик. 2010. № 3–4(87–88). С. 7.
14. Долинов Л.И. Испытатели // Ветеран-Ракетчик. 2010. № 7–8(91–92). С. 7.
15. Долинов Л.И. Испытатели // Ветеран-Ракетчик. 2010. № 9–10(93–94). С. 8.
16. Долинов Л.И. Записки испытателя // Космодром «Плесецк» в воспоминаниях его ветеранов / сост. В.А. Воробьев. Ч. 1. Калуга: Гриф, 2003. С. 92–101.

Толочко А.В.

Наш ответ «Минитмену» (о проведении летных испытаний межконтинентальной баллистической ракеты РТ-2П)

---

17. Толстов А.С. Аварийные комиссии // Космодром «Плесецк» в воспоминаниях его ветеранов / сост. В.А. Воробьев. Ч. 1. Калуга: Гриф, 2003. С. 55–63.

18. Жолудев М.Д. Об отработке ракетных комплексов РВСН // Космодром «Плесецк» в воспоминаниях его ветеранов / сост. В.А. Воробьев. Ч. 2. Калуга: Облиздат, 2011. С. 235–240.

19. № 439. Доклад директора НИИ-88 Ю.А. Мазжорина от 13 марта о путях развития отечественных МКР // Становление ракетной мощи страны: из истории создания ракетно-ядерного оружия и Ракетных войск стратегического назначения (1960–1964 гг.): сб. док.: в 3 кн. / сост. В.И. Ивкин, Г.А. Сухина, М. Уль. М.: Ист. лит., 2019. Кн. 2 (1962–1963 гг.). С. 51–72.

20. № 773. Справка ГУРВО от 29 декабря 1964 г. о видах испытаний, которым подвергаются агрегаты и системы наземного оборудования и БРК в целом // Становление ракетной мощи страны: из истории создания ракетно-ядерного оружия и Ракетных войск стратегического назначения (1960–1964 гг.): сб. док.: в 3 кн. / сост. В.И. Ивкин, Г.А. Сухина, М. Уль. М.: Ист. лит., 2019. Кн. 3 (1964 г.). С. 176–180.

21. Войсковая часть 32523 (пл. «Ключевое») // Северный космодром России: в 2 т. / под ред. А.А. Башлакова. Мирный: Космодром «Плесецк», 2007. Т. 1. С. 456–459.

22. Ракетный комплекс шахтного базирования с первой межконтинентальной твердотопливной ракетой РС-12 // Северный космодром России: в 2 т. / под ред. А.А. Башлакова. Мирный: Космодром «Плесецк», 2007. Т. 1. С. 476–480.

References

1. Kovalev A.P., Belyaev S.G., Bubnov I.L., Golosiy A.S., Zhuravlev S.V. *Konstruktorskoe byuro "Arsenal". Ot artilleriyskikh orudiy k kosmicheskim apparatam* [Arsenal Design Bureau. From Artillery Guns to Spacecrafts]. St. Petersburg, 2019. 315 p.

2. Karpenko A.V., Popov A.D., Utkin A.F. *Otechestvennyye strategicheskie raketnye komplekсы* [Russian Strategic Missile Systems]. St. Petersburg, 1999. 288 p.

3. Tyurin A.P. *Vospominaniya glavnogo konstruktora Petra Aleksandrovicha Tyurina* [Memoir of Chief Designer Pyotr Tyurin]. Moscow, 2021. 226 p.

4. *Istoricheskiy obzor sozdaniya raketno-kosmicheskoy tekhniki na Sankt-Peterburgskom "Arsenale"* [Historical Overview of the Development of Rocket and Space Technology at Arsenal Design Bureau in St. Petersburg]. St. Petersburg, 2016. 298 p.

5. Vasilenko V.V. (ed.). *Istoriya 4 Tsentral'nogo nauchno-issledovatel'skogo instituta Ministerstva oborony Rossiyskoy Federatsii (1946–2006)* [History of the 4th Central Research Institute of the Ministry of Defence of the Russian Federation (1946–2006)]. Moscow, 2006. 384 p.

6. Ryazhskikh A.A. *Oglyanis' nazad i posmotri vpered. Zapiski voennogo inzhenera* [Look Back and Look Ahead. Notes of a Military Engineer]. Moscow, 2006. Book 1. 596 p.; Book 2. 622 p.

7. Chertok B.E. *Rakety i lyudi. Goryachie dni kholodnoy voyny* [Rockets and People. Hot Days of the Cold War]. Moscow, 1999. 398 p.

8. Bal' A.V. et al. *Poligon osoboy vazhnosti* [A Proving Ground of Special Importance]. Moscow, 1997. 112 p.

9. Potekhina A.V. et al. (eds.). *Kosmodrom "Plesetsk"* [Plesetsk Cosmodrome]. Moscow, 2002. 111 p.

10. Bashlakov A.A. (ed.). *Severnnyy kosmodrom Rossii* [Russia's Northern Cosmodrome]. Mirny, 2007. Vol. 1. 566 p.

11. *55 let na sluzhbe Otechestvu! 1965–2020: Voyskovaya chast' 01349: Stranitsy istorii. Sovremennost'. Vzglyad v budushchee...* [55 Years of Serving the Fatherland! 1965–2020: Military Unit No. 01349: Pages of History. Modernity. A Look into the Future...]. Arkhangelsk, 2020. 76 p.

12. Dolinov L.I. Ispytateli [Testers]. *Veteran-Raketchik*, 2009, no. 7–8, p. 3; no. 9–10, p. 3.

13. Dolinov L.I. Ispytateli [Testers]. *Veteran-Raketchik*, 2010, no. 3–4, p. 7.

14. Dolinov L.I. Ispytateli [Testers]. *Veteran-Raketchik*, 2010, no. 7–8, p. 7.

15. Dolinov L.I. Ispytateli [Testers]. *Veteran-Raketchik*, 2010, no. 9–10, p. 8.

16. Dolinov L.I. Zapiski ispytatelya [Notes of a Test Pilot]. Vorob'ev V.A. (comp.). *Kosmodrom "Plesetsk" v vospominaniyakh ego veteranov* [Plesetsk Cosmodrome as Remembered by Its Veterans]. Pt. 1. Kaluga, 2003, pp. 92–101.

17. Tolstov A.S. Avariynye komissii [Mishap Boards]. Vorob'ev V.A. (comp.). *Kosmodrom "Plesetsk" v vospominaniyakh ego veteranov* [Plesetsk Cosmodrome as Remembered by Its Veterans]. Pt. 1. Kaluga, 2003, pp. 55–63.

18. Zholudev M.D. Ob otrabotke raketnykh kompleksov RVSN [Testing the Missile Systems of the Strategic Missile Forces]. Vorob'ev V.A. (comp.). *Kosmodrom "Plesetsk" v vospominaniyakh ego veteranov* [Plesetsk Cosmodrome as Remembered by Its Veterans]. Pt. 2. Kaluga, 2011, pp. 235–240.

19. № 439. Doklad direktora NII-88 Yu.A. Mazzhorina ot 13 marta o putyakh razvitiya otechestvennykh MKR [No. 439. Report of Director of Research Institute-88 Yu.A. Mazzhorin Dated March 13 on the Development Strategy for Russian Intercontinental Missiles]. Ivkin V.I., Sukhina G.A., Ul' M. (comps.). *Stanovlenie raketnoy moshchi strany: iz istorii sozdaniya raketno-yadernogo oruzhiya i Raketnykh voysk strategicheskogo naznacheniya (1960–1964 gg.). Kn. 2 (1962–1963 gg.)* [Development of Russia's Missile Power: On the History of Creating Nuclear Missiles and Strategic Missile Forces (1960–1964). Book 2 (1962–1963)]. Moscow, 2019, pp. 51–72.

20. № 773. Spravka GURVO ot 29 dekabrya 1964 g. o vidakh ispytaniy, kotorym podvergayutsya agregaty i sistemy nazemnogo oborudovaniya i BRK v tselom [No. 773. Summary from the Main Missile Directorate Dated 29 December 1964 of the Types of Tests Performed on Units and Systems of the Ground Equipment and Operational Missile System as a Whole]. Ivkin V.I., Sukhina G.A., Ul' M. (comps.). *Stanovlenie raketnoy moshchi strany: iz istorii sozdaniya raketno-yadernogo oruzhiya i Raketnykh voysk strategicheskogo naznacheniya (1960–1964 gg.). Kn. 3 (1964 g.)* [Development of Russia's Missile Power: On the History of Creating Nuclear Missiles and Strategic Missile Forces (1960–1964). Book 3 (1964)]. Moscow, 2019, pp. 176–180.

21. Voyskovaya chast' 32523 (pl. "Klyuchevoe") [Military Unit No. 32523 (Klyuchevoe Pad)]. Bashlakov A.A. (ed.). *Severnyy kosmodrom Rossii* [Russia's Northern Cosmodrome]. Mirny, 2007. Vol. 1, pp. 456–459.

22. Raketnyy kompleks shakhtnogo bazirovaniya s pervoy mezhkontinental'noy tverdoplivnoy raketoy RS-12 [Silo-Based Missile System with the First Intercontinental Solid-Fuel Rocket RS-12]. Bashlakov A.A. (ed.). *Severnyy kosmodrom Rossii* [Russia's Northern Cosmodrome]. Mirny, 2007. Vol. 1, pp. 476–480.

Информация об авторе

А.В. Толочко – кандидат исторических наук, полковник запаса, преподаватель кафедры истории и философии Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского (адрес: 197198, Санкт-Петербург, ул. Ждановская, д. 13).

Information about the author

Aleksandr V. Tolochko, Cand. Sci. (Hist.), Retired Colonel, Lecturer at the Department of History and Philosophy, Mozhaisky Military Space Academy (address: ul. Zhdanovskaya 13, St. Petersburg, 197198, Russia).

Поступила в редакцию 01.02.2024

Одобрена после рецензирования 24.09.2024

Принята к публикации 30.09.2024

Submitted 1 February 2024

Approved after reviewing 24 September 2024

Accepted for publication 30 September 2024

Беспалько Г.Н.

Современная историография процессов организации советского оккупационного режима...

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 6. С. 28–39.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 6, pp. 28–39.

Обзорная статья
УДК 930(430)086+930(47)084.8
DOI: 10.37482/2687-1505-V386

Современная историография процессов организации советского оккупационного режима на территории Германии (1945–1949)

Григорий Николаевич Беспалько

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия,
e-mail: krzdrfr@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-6742-6556>

Аннотация. Автор статьи обращает внимание на незначительное количество трудов, посвященных непосредственно процессам формирования советскими функционерами, их ассистентами из числа немецких антифашистов и гражданского населения режима оккупации немецких территорий от Любекского залива до западной границы Тюрингии с Баварией, отмечает необходимость при осуществлении подобных изысканий рассматривать деятельность упомянутых лиц с учетом всех возможных аспектов. Указывая на отсутствие в историографии нижних и верхних хронологических рамок процессов организации советского оккупационного режима, автор выделяет таковые, приводя четыре аргумента в пользу соответствующего хронологического обозначения. Напоминая о выделении исследователями двух историографических этапов в изучении деятельности Советской военной администрации в Германии, автор вводит отсутствовавшую прежде классификацию и разъясняет важность современного этапа для объективного рассмотрения обозначенной проблематики. В статье показана деятельность отдельных структурных подразделений Советской военной администрации в Германии, Группы советских оккупационных войск в Германии исходя из анализа части современных (с 1991 года) отечественных и зарубежных сборников, историографических источников, посвященных организационным мероприятиям, сопутствующим формированию советского оккупационного режима на территории ряда бывших административно-территориальных единиц Германского рейха, вошедших в пределы советской оккупационной зоны. Историко-типологический метод позволил систематизировать значительный объем исследовательских трудов, раскрывающих отдельные краевые аспекты деятельности оккупационного режима: политико-правовой, идеолого-пропагандистский, экономический, социально-культурный и образовательный. Автор отмечает преимущественно неудачные результаты кропотливого труда советских функционеров и их ассистентов.

Ключевые слова: Советская военная администрация в Германии, советская оккупационная зона, советский оккупационный режим, постсоветская историография

Для цитирования: Беспалько, Г. Н. Современная историография процессов организации советского оккупационного режима на территории Германии (1945–1949) / Г. Н. Беспалько // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 6. – С. 28–39. – DOI 10.37482/2687-1505-V386.

© Беспалько Г.Н., 2024

Review article

Modern Historiography of the Establishment of the Soviet Occupation Regime in Germany (1945–1949)

Grigory N. Bespalko

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia,

e-mail: krzdrfr@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-6742-6556>

Abstract. There is a lack of research specifically addressing the processes of establishment by Soviet functionaries, their assistants from among the German anti-fascists and civilians of the occupation regime on the German territories from the Bay of Lübeck to the Thuringia–Bavaria border in the west. The author points out that when performing such studies, one should consider the work of the abovementioned groups of people in all possible aspects. Since the chronological framework of the organization of the Soviet occupation regime has not been established in historiography, the author determines its upper and lower boundaries while providing four arguments in favour of his reasoning. Scholars distinguish two historiographic stages in the study of the activities of the Soviet Military Administration in Germany (SMAD); the author introduces a new classification and elaborates on the importance of the modern stage for an objective consideration of the problems in question. The paper describes the activities of individual structural units of SMAD and the Group of Soviet Occupation Forces in Germany based on a summary analysis of some modern (since 1991) Russian and foreign collected papers and historiographic sources on the organizational work in the course of establishing the Soviet occupation regime on the territory of a number of former administrative units of the German Reich that were included in the Soviet occupation zone. The use of the typological historical method allowed the author to systematize a significant amount of research papers dealing with certain fundamental aspects of the occupation regime: political and legal, ideological and propagandistic, economic, sociocultural, and educational. The author notes that the painstaking work of Soviet functionaries and their assistants yielded mostly poor results.

Keywords: *Soviet Military Administration in Germany, Soviet occupation zone, Soviet occupation regime, post-Soviet historiography*

For citation: Bespalko G.N. Modern Historiography of the Establishment of the Soviet Occupation Regime in Germany (1945–1949). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 6, pp. 28–39. DOI: 10.37482/2687-1505-V386

Понятия «оккупация» и «оккупационный режим», находясь в диалектическом единстве, являются разными по своей функциональной нагрузке. Оккупация представляет собой сам процесс временного территориального отчуждения¹, тогда как оккупационный режим есть

совокупность средств и методов, необходимых для реализации органами оккупационной власти своих полномочий, соответствующих интересам государства-оккупанта [1, с. 61].

Таким образом, изучая деятельность Советской военной администрации в Германии (СВАГ),

¹Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / РАН. Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова. 4-е изд., доп. М.: А ТЕМП, 2006. С. 449.

Группы советских оккупационных войск в Германии (ГСОВГ), иных ведомств по формированию оккупационного режима на территории реорганизованных немецких административно-территориальных единиц к востоку от Любекского залива до западной границы Тюрингии с Баварией, необходимо рассматривать ее во всей приемлемой многоаспектности, анализируя исследования, относящиеся ко всем основным направлениям работы перечисленных военно-административных и иных органов власти.

Актуальность данной статьи заключается в том, что прежде ученые-историки не предпринимали попыток выделить нижние и верхние хронологические рамки характеризуемых процессов, а именно: когда, собственно, можно считать начатым и завершенным формирование оккупационного режима. Лишь малая часть исследований, предметом которых является деятельность властей советской оккупационной зоны Германии (СОЗ), описывает процессы ее формирования, но в полной мере не раскрывает сложившихся трудностей при реализации властных функций советскими управленцами и их ассистентами из числа немецких антифашистов и гражданского населения.

Постановлением Государственного комитета обороны СССР № 8377 от 2 мая 1945 года², за 6 дней до подписания окончательного акта о капитуляции германских вооруженных сил, были введены должности заместителей по управлению гражданскими делами при командующих фронтами, основной задачей которых стало непосредственное управление оккупированными территориями, тем самым была заложена основа для формирования будущей военной администрации. Обозначенный порядок сохранялся вплоть до 6 июня 1945 года, когда власть над занятой территорией (еще не включавшей в себя все определенные союзническими договоренностями земли СОЗ) по постановлению Совета народных комиссаров СССР перешла

к новообразованным органам СВАГ [2, с. 307]. Формальное создание ГСОВГ было завершено 9 июня 1945 года [3, с. 66]. Хотя на протяжении всей истории существования СВАГ и ГСОВГ обновление их структур происходило неоднократно, считаем необходимым определить верхнюю грань хронологических рамок организации советского оккупационного режима на территории Германии 31 января 1947 года. Во-первых, в указанную дату был издан приказ главномачальствующего СВАГ о проведении существенной реорганизации военной администрации [3, с. 30]. Во-вторых, к этому времени были сформированы основные управления и отделы СВАГ, с учетом реорганизаций просуществовавшие до 17 ноября 1949 года [3, с. 975–976]. В-третьих, к концу 1946 года структура ГСОВГ в результате проведенных Министерством вооруженных сил СССР передислокаций войск была существенно усилена, что впоследствии сыграло важную роль во время Первого Берлинского кризиса [3, с. 67]. Наконец, ввиду создания Социалистической единой партии Германии (СЕПГ) и последовавших за этим событий началась трансформация оккупационного режима, приведшая к образованию на территории СОЗ Германской Демократической Республики (ГДР).

Исследователи выделяют два историографических этапа в изучении деятельности советской оккупационной администрации: первый – с середины 1950-х по конец 1980-х годов, второй – с начала 1990-х по настоящее время [4]. Представляется возможным классифицировать первый этап как начальный, а второй – как современный. Последний является для автора наиболее значимым и заслуживающим внимания, поскольку с завершением холодной войны были раскочены важнейшие документы, позволяющие объективно оценить характеризующие события. Кроме того, на современном этапе практически отсутствует идеологическая ангажированность исследователей, рассматривающих тот или

---

²Об обеспечении успешного проведения в жизнь мероприятий советского военного командования по управлению территорией Германии: постановление ГКО СССР № 8377 от 2 мая 1945 г. // РГАСПИ (Рос. гос. арх. соц.-полит. истории). Ф. 644. Оп. 2. Д. 488. Л. 171–172.

иной аспект деятельности советских оккупационных властей на территории Германии.

Начиная с 1990-х годов появляются значимые труды по указанной проблематике, но к действительно фундаментальным, сводным в первую очередь следует отнести справочник научных статей и документов «Советская военная администрация в Германии, 1945–1949», базирующийся на первоисточниках и демонстрирующий читателю всю сложность функционирования структур оккупационного режима, созданного и управляемого преимущественно теми, кто прежде никогда не занимался смежной деятельностью [3].

Более того, некоторые авторы выделяют межведомственные противостояния, когда советские чиновники преследовали интересы собственных ведомств, нанося ущерб интересам оккупационной администрации [3, с. 40–45]. Я. Фойтцик отмечает постепенный процесс активной внутренней организационной оптимизации, дискуссии о которой на самом высоком уровне продолжались вплоть до 1947 года, и упоминает о немецких органах власти в СОЗ, их значимости в структуре оккупационного режима [3, с. 46–52].

В вышеназванном издании также перечислены советские оккупационные структуры, находившиеся вне юрисдикции СВАГ. К таковым, в частности, относилась и ГСОВГ, главнокомандующий которой являлся одновременно главноначальствующим СВАГ. Существенное, многоаспектное взаимодействие между двумя структурами, как подчеркивают М.Г. Лёшин, М. Уль и Я. Фойтцик, продолжалось вплоть до конца января 1947 года [3, с. 65–69]. И здесь упоминается проводимый с осени 1945 года процесс оптимизации, однако внешней, т. к. часть структур СВАГ и ГСОВГ по своему организационному и функциональному назначению нередко дублировала друг друга. Естественно, это не могло не влиять на плодотворность их работы.

Кроме того, авторы рассматривают деятельность правоохранительных и карательно-репрессивных органов [3, с. 79–84, 90–91], где в отличие от СВАГ и ГСОВГ, исходя из анализа представленных в справочнике материалов за

период со 2 мая 1945 года по 31 января 1947 года, отсутствовали привычные организационно-управленческие трудности (полагаем, в силу засекреченности основного массива документов, связанного с деятельностью органов государственной безопасности в рассматриваемый период). Отдел военной цензуры Министерства государственной безопасности (МГБ) на территории Германии, как указывает Н.В. Петров, на этапе формирования оккупационного режима выполнял функции идеологического надзора, осуществлять который вплоть до марта 1946 года активно помогали и немецкие антифашисты [3, с. 92–93].

В справочнике отсутствует информация, относящаяся к организации и функционированию на начальных этапах существования СОЗ общей пенитенциарной системы, однако Г.А. Кузнецова рассказывает об отделе специальных лагерей НКВД-МВД СССР в Германии [3, с. 100–105].

Затронута в работе и деятельность Особого комитета – одной из его основных задач был демонтаж промышленных сооружений. Б. Цисла подробно излагает итоги деятельности комитета, показывает, как мотивация и рвение его сотрудников при формировании оккупационного советского режима могли не только поставить немецкое население СОЗ на грань гуманитарной катастрофы, но и лишить снабжения части ГСОВГ [3, с. 107–115].

Следует уделить внимание опубликованным материалам проведенной 28–30 октября 2005 года конференции с участием российских и немецких исследователей, посвященной послевоенной истории Германии. Хотя массовая депортация немцев с перешедших к СССР территорий Восточной Пруссии началась в октябре 1947 года (т. е. за пределами рассматриваемого в статье периода), С.В. Кретьинин отмечает массовость схожего принудительного переселения и с территории Польской Республики уже с 1945 года [5, с. 46]. Катастрофические последствия подобных действий польских властей неизбежно повлияли на организационные мероприятия в формирующейся СОЗ: для оккупационных властей задача

усложнялась – они должны были обеспечить всем необходимым еще и спасавшихся беженцев. При этом Р.Ю. Болдырев упоминает об отчаянном положении сельского хозяйства в СОЗ в условиях послевоенного хаоса, о суровых последствиях для немецких крестьян при невыполнении плана заготовок [5, с. 58].

Превалирующая часть исследований по рассматриваемому вопросу относится к конкретной проблематике – краеугольным аспектам деятельности оккупационного режима: политико-правовому и идеолого-пропагандистскому. К таким, в частности, относится монография Н.М. Наймарка «The Russians in Germany: A History of the Soviet Zone of Occupation, 1945–1949». Автор затрагивает вопрос трудно складывавшихся, оказывавших негативное влияние на существование оккупационного режима взаимоотношений между представителями СВАГ, антифашистских организаций, политических партий и немецкого населения в период формирования СОЗ. По нашему мнению, доказательством, подтверждающим обозначенную проблему, является приводимая исследователем речь главначальствующего СВАГ В.Д. Соколовского, произнесенная, однако, на исходе существования советской администрации, в 1949 году. В.Д. Соколовский отмечает, что коменданты слишком часто вмешивались в гражданские дела, заявляет о необходимости прекратить практику командования немецкими коммунистами [6, с. 68].

Представлявшиеся продуктивными инициативы немцев в целом нередко отвергались сотрудниками СВАГ. Показателен пример с предложением В. Ульбрихта об обновлении судебной системы [6, с. 65–66], которое было отвергнуто начальником правового отдела Я.А. Карасевым с формулировкой о «недемократичности» подобной инициативы. Следует указать, что позднее, уже в 1948 году, деятельность Карасева была оценена самим советским правительством крайне негативно [7, с. 54].

Административно-юрисдикционные трудности, как отмечает Ф. Славески, наиболее

остро проявились в 1945–1946 годах. По мнению исследователя, чрезмерная усердность органов государственной безопасности, стоявших в складывавшейся управленческой неразберихе на «вершине иерархии», создавала массу препятствий для установления стабильных, конструктивных отношений между СВАГ и немецким населением [8, с. 24]. Обозначенные Славески доводы подтверждаются позднее зафиксированными фактами жалоб, поступавших от функционеров СВАГ, на «безрассудное вмешательство» представителей органов МГБ в деятельность руководства СЕПГ [9, с. 40].

Организация деятельности немецкой правоохранительной системы на завершающих стадиях формирования советского оккупационного режима, учреждение которой стало отправной точкой для последующего формирования органов народной полиции в ГДР, описана в коллективной монографии под редакцией Д. Хоффмана и Г. Венткера [10, с. 11–12].

Сравнительно мало исследований посвящено организационным мероприятиям в сельской местности СОЗ. Здесь представляет интерес монография С. Рика, который обстоятельно изучил формирование провинциальных административных учреждений, в частности трудности с подбором управленческих кадров в связи с проводимой политикой денацификации [11, с. 141–142]. При этом стоит учесть, что процесс денацификации в СОЗ осуществлялся в отсутствие формальных процедур, не носил системного характера вплоть до декабря 1946 года [12, с. 79]. Статистические данные денацификационных процессов на этапе организации оккупационного режима приведены в монографии С.П. Рамет [13, с. 125–127].

Еще менее изученной является тема правового статуса групп национальных меньшинств, представляющих свои интересы в пределах СОЗ на этапе ее формирования. Следует упомянуть, что наряду с Коммунистической партией Германии одной из первых организаций, получивших от советских властей разрешение на проведение политической деятельности, была «Domowina», созданная лужицкими сербами [14].

На современном этапе исследования утверждения, излагаемые в политизированной историографии периода социализма, воспринимаются критически – например, о бескорыстной поддержке СССР усилий немецкого населения, направленных на национальное воссоединение. По нашему мнению, наиболее близка к истине точка зрения В. Бенца, считающего проводимый советскими управленцами комплекс мероприятий политикой прагматиков, преследовавших собственные интересы [15, с. 78, 86]. Так, стоит отметить, поступали и остальные великие державы.

Деятельность управления пропаганды СВАГ обстоятельно исследована в диссертации С.Н. Мудрова – с момента его формирования и до 1947 года. Автор отмечает неудачи советских пропагандистов на первых этапах организации оккупационного режима, обусловленные непониманием немцами предлагаемых им концепций будущего, радикальностью идей немецких коммунистов [16, с. 84–89], которые были несопоставимы с мировоззрением рядовых граждан Германии, живших более 12 лет под давлением «пропагандистской машины» национал-социалистической диктатуры.

На основе целого пласта различных источников Р.Ю. Болдырев и Й. Морре детально анализируют формирование системы пропаганды в СОЗ [17]. Как и С.Н. Мудров, авторы отмечают недостаточную эффективность работы соответствующих органов, делают вывод о допущенной советскими пропагандистами ошибке при формировании информационной монополии.

«Молодежь – наша будущность, наша надежда», – провозглашал И.В. Сталин. И советские функционеры осознавали, что последующее формирование благонадежных социалистических обществ невозможно без соответствующей работы с подрастающим поколением.

Создание антифашистских молодежных организаций в СОЗ на этапе организации оккупационного режима, их роль в общем контексте проводимой новыми властями молодежной политики, фактическое формирование последней в условиях многопартийности исследовала в

своей диссертации С.В. Галдобина [18, с. 51, 124–129, 163–166].

Сталинские коммунисты проявляли свойственную им политическую осторожность, выражая опасения насчет исходящей от народных масс инициативы не без причины: существовавшие подпольные организации в послевоенные годы действовали против властей СОЗ методами террора. Р.Ю. Болдырев указывает на прецеденты стихийного возникновения групп и объединений молодежи, в основном созданных и управляемых бывшими активистами гитлерюгенда, пытавшимися тем не менее найти поддержку своей деятельности у советских военных комендатур [19, с. 8]. Эти события впоследствии окажут соответствующее влияние на монополизацию властями СОЗ молодежного политического спектра.

Заслуживающий внимания материал, относящийся к политико-правовому и идеолого-пропагандистскому вектору деятельности оккупационных властей на территории СОЗ, представлен в трудах Р.Ю. Болдырева [20], И.Д. Попова [21, с. 41–43], А.Я. Кодинцева, Д.Н. Шкаревского и В.В. Яноши [22, с. 135–142], Е.П. Тимошенко [23, с. 46–60], Р. Хюбша [24, с. 139–143], К.-Х. Хайны [25], А. Хильгера [26, с. 7–29].

Экономический потенциал является фундаментом благосостояния общества и политической стабильности, потому исследователи уделяют должное внимание экономическому функционированию СОЗ. В частности, диссертация Р.Ю. Болдырева об экономическом аспекте советской оккупационной политики охватывает весьма широкий спектр источников [27]. Автор отмечает чрезвычайное вмешательство новых властей во все сферы экономической жизни СОЗ; практически тотальное государственное регулирование с игнорированием советскими управленцами естественных рыночных законов развития сочеталось с внутренними, свойственными СОЗ межведомственными противостояниями.

Важной вехой для формирующейся СОЗ стало появление института экспроприации

собственности у наиболее материально обеспеченных слоев населения в рамках политики декартелизации Германии, заложившего основу новой экономической системы. В своей статье «*Enteignung der Kriegs- und Naziverbrecher*» В. Хальдер анализирует ход и итоги проведенного в июне 1946 года в Саксонии народного референдума об изъятии имущества у национал-социалистов и военных преступников [28].

Формирование оккупационного режима проходило в условиях послевоенного хаоса, сопряженного с недостатком продовольствия, предметов первой необходимости, обнищанием населения, поставленного обстоятельствами на грань выживания, притоком беженцев из Восточной Пруссии, Силезии, Судет. Представленный О. Шварцером анализ статистических данных и различных источников наглядно демонстрирует трагизм экономического положения, сложившегося в годы формирования СОЗ [29, с. 125–127]. Если говорить о властях четырех зон оккупации, то именно управленцы СОЗ были наиболее озабочены проблемами переселенцев, их трудоустройством, финансово-экономическим обеспечением. Как отмечает Дж. Рейниш, лишь в СОЗ было создано соответствующее управление (*Zentralverwaltung für deutsche Umsiedler, ZVU*) [30, с. 188].

Преодоление возникших после окончания Второй мировой войны экономических трудностей, «принудительное управление» экономикой, сочетаемое с выполнением требований СССР по выплате репараций, – такие основные отличительные черты экономического цикла в рассматриваемый период отмечает в монографии «*Aufbau und Krise der Planwirtschaft: Die Arbeitskräfteelenkung in der SBZ/DDR 1945 bis 1963*» Д. Хоффман [31]. Также автор детально раскрывает деятельность Немецкой экономической комиссии – центрального органа управления Германии в СОЗ.

Перечисленные исследования преимущественно характеризуют материальное положение и экономическую жизнь немецкого населения в СОЗ. Организация и роль комендантского снабжения в жизни советских функционеров, сотрудни-

ков СВАГ и иных ведомств, их потребительские практики исследованы В.А. Козловым и М.Е. Козловой. Особый интерес вызывают рассматриваемые авторами феномен теневой экономики в СОЗ и деятельность «черных рынков» в ее пределах [32, с. 322–340, 356–361]. Некоторые аспекты экономической политики советских властей на стадии организации оккупационного режима исследованы в работах Г. Билера [33, с. 19–20, 36–39] и Р. Карлша [34, с. 14–17].

Социально-культурная и образовательная политика новой власти формировалась в условиях крайне сложных трансформаций. Отныне соответствующие организации, институты, образовательные учреждения подчинялись диаметрально противоположной идеологической линии, чем та, в атмосфере которой они существовали на протяжении 12-летнего правления А. Гитлера.

Основным аспектам культурной политики, проводимой СВАГ на территории СОЗ в рассматриваемый период, посвящена диссертация В.В. Магдебурю. Несмотря на значительные старания и усилия, советских функционеров и здесь, в первую очередь из-за непонимания менталитета немецкого народа, ожидали неудачи и эфемерный успех [35, с. 153].

Трудно недооценить роль литературы в укреплении ценностей советского социализма в послевоенном немецком обществе. Основной вклад в реорганизацию и денацификацию немецких библиотек, изучение состояния библиотечных фондов на территории СОЗ внесло представительство Комитета по делам культурно-просветительских учреждений при СНК в Германии, чью работу обстоятельно изучила К.В. Ивина в своем исследовании «Библиотечно-библиографическая деятельность представительства Комитета по делам культурно-просветительских учреждений при СНК РСФСР в Германии (1945–1946 гг.)». Сотрудники представительства выступали основными консультантами по вопросам комплектования немецких библиотек. Следует отметить, что главными темами отбираемой для учреждений литературы были «сопротивление фашизму, Вторая мировая война, традиции и история рабочего движения» [36, с. 28].

Большой успех среди немецких жителей СОЗ имел советский кинематограф. Т. Шишкова подчеркивает, что фильмы из СССР демонстрировались в Берлине менее чем через неделю после подписания акта о капитуляции Германии. Однако нередко зрители покидали кинозал практически в полном составе – после увиденных в фильмах сцен учиненного немецкими солдатами насилия [37, с. 24]. И здесь можно указать на очевидное непонимание немецкого менталитета советскими функционерами.

В.А. Козлов и М.Е. Козлова отмечают откровенную абсурдность отдельных приказов советских комендантов, например изданного осенью 1945 года приказа комендатуры Нойегерсдорфа, принуждавшего немецкое население аплодировать танцующим советским офицерам в танцевальных залах [38, с. 49–50]. Подобное некомпетентное поведение чиновников из комендатур явно компрометировало в глазах немцев новую власть.

М.И. Семиряга кратко обобщает основные реформы в образовательной сфере в период организации СОЗ [39]. Процесс построения образовательной системы начинался практически с нуля, в условиях уничтоженной инфраструктуры и бегства преподавательских кадров на Запад.

В монографии Х. Бишпинка представлен процесс обновления школьной системы на при-

мере конкретной административной единицы – земли Мекленбург [40, с. 137–167]. Основа для развития народных университетов в СОЗ была заложена приказом № 22 от 23 января 1946 года, изданным главначальствующим СВАГ. Хотя первые инициативы по возрождению системы высшего образования, исходившие не от представителей новой власти, были предприняты, как указывает К. Опельт, еще в июне 1945 года [41, с. 137]. В дальнейшем народные университеты стали играть важную роль в общественной и культурной жизни СОЗ.

Таким образом, выделив и обосновав хронологические рамки начала и завершения процессов организации советского оккупационного режима на территории Германии, рассмотрев значительный объем современных исследований, посвященных различным аспектам проводимой властями СОЗ политики, что суммарно составляли шаткий фундамент единой квазигосударственной конструкции, мы отмечаем преимущественно и относительно неудачные исходы кропотливой деятельности советских управленцев и их немецких ассистентов. Кратко были обозначены отдельные причины допущенных провалов, особенно отмечена тяжесть сложившегося в послевоенной Германии политического, экономического и социального положения, но детальное, всеобъемлющее их изучение достойно отдельной научной публикации.

Список литературы

1. *Иванников И.А.* Режим оккупированной территории: моногр. М.: Юрлитинформ, 2012. 142 с. (Б-ка междунар. права).
2. Русский архив: Великая Отечественная. Т. 15(4–5). Битва за Берлин (Красная Армия в поверженной Германии): док. и материалы. М.: Терра, 1995. 616 с.
3. Советская военная администрация в Германии, 1945–1949: справ. / отв. ред. Я. Фойтцик, А.В. Доронин, Т.В. Царевская-Дякина; при участии Х. Кюнцель, Д.Н. Нохотович, пер. А.В. Доронина, Е. Арнда-Мюллера. М.: РОССПЭН, 2009. 1031 с.
4. *Калинин А.М.* Советская военная администрация в Германии и ее деятельность по демилитаризации советской зоны оккупации в 1945–1949 гг. (современная историография проблемы) // *Власть*. 2011. № 6. С. 161–163.
5. Послевоенная история Германии: российско-немецкий опыт и перспективы: материалы конф. рос. и нем. историков / под ред. Б. Бонвеча, А.Ю. Ватлина. М.: Директмедиа Паблишинг, 2007. 351 с.
6. *Naimark N.M.* The Russians in Germany: A History of the Soviet Zone of Occupation, 1945–1949. Cambridge: Harvard Univ. Press, 1995. 586 p.

7. *Ложкин А.Г.* Правовой отдел советской военной администрации в Германии: история создания и деятельности. 1945–1949 гг.: дис. ... канд. ист. наук. М., 2006. 199 с.
8. *Slaveski F.* The Soviet Occupation of Germany: Hunger, Mass Violence, and the Struggle for Peace, 1945–1947. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2013. 168 p.
9. *Foitzik J., Petrow N.W.* Die sowjetischen Geheimdienste in der SBZ/DDR von 1945 bis 1953. Berlin: De Gruyter, 2009. 527 S.
10. Das letzte Jahr der SBZ: Politische Weichenstellungen und Kontinuitäten im Prozeß der Gründung der DDR / hrsg. D. Hoffmann, H. Wentker. München: Oldenbourg, 2000. 289 S.
11. *Rick S.* Die Entwicklung der SED-Diktatur auf dem Lande. Die Landkreise Liebenwerda und Schweinitz in der Sowjetischen Besatzungszone 1945–1949. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2015. 586 S.
12. *Vogt T.R.* Denazification in Soviet-Occupied Germany: Brandenburg, 1945–1948. Cambridge: Harvard Univ. Press, 2000. 314 p.
13. *Ramet S.P.* Nonconformity, Dissent, Opposition, and Resistance in Germany, 1933–1990: The Freedom to Conform. Cham: Palgrave Macmillan, 2020. 279 p.
14. *Barker P.* The Birth of Official Policy Towards the Sorbian Minority in the Soviet Zone of Occupation in Germany (1945–1948) // Ger. Hist. 1996. Vol. 14, № 1. P. 38–54. <https://doi.org/10.1093/gh/14.1.38>
15. Deutschland unter alliierter Besatzung: 1945–1949/55 / hrsg. W. Benz. Berlin: Akad. Verl., 1999. 494 S.
16. *Мудров С.Н.* Деятельность Управления пропаганды Советской военной администрации в Германии в 1945–1947 гг.: дис. ... канд. ист. наук. Ярославль, 2010. 226 с.
17. *Болдырев Р.Ю., Морре Й.* Организация, каналы и методы пропагандистской работы органов Советской военной администрации в Германии в 1945–1949 годах // Вестн. Волгогр. гос. ун-та. Сер. 4: История. Регионоведение. Междунар. отношения. 2019. Т. 24, № 5. С. 205–221. <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.5.15>
18. *Галдобина С.В.* Молодежная политика Советской военной администрации в Германии в 1945–1949 гг. Историческое исследование: дис. ... канд. ист. наук. М., 2002. 228 с.
19. *Болдырев Р.Ю.* Деятельность детских и молодежных организаций в советской оккупационной зоне Германии, 1945–1949 // Вестн. Помор. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2010. № 2. С. 7–16.
20. *Болдырев Р.Ю.* Региональная политика советских оккупационных властей в Германии, 1945–1949: от федерализма к унитаризму // Вестн. Томск. гос. ун-та. История. 2019. № 57. С. 70–74. <https://doi.org/10.17223/19988613/57/12>
21. *Попов И.Д.* Региональная политика Западной и Восточной Германии 1945–1990 гг. в постсоветской историографии // Клио. 2019. № 4(148). С. 40–52.
22. *Кодинцев А.Я., Шкаревский Д.Н., Яноши В.В.* Органы специальной юстиции СССР в 1930–1950-е годы: коллектив. моногр. Сургут: Изд. центр СурГУ, 2016. 254 с.
23. *Тимошенкова Е.П.* «Германский вопрос» во внешней политике Советского Союза (1945–1955 гг.): дис. ... канд. ист. наук. М., 2007. 217 с.
24. „Hört die Signale!“ Die Deutschlandpolitik von KPD/SED und SPD 1945–1970 / ed. by R. Hübsch. Berlin: Akad. Verlag, 2002. 215 S.
25. *Hajna K.-H.* Die Landtagswahlen 1946 in der SBZ: Eine Untersuchung der Begleitumstände der Wahl. Mit dem Kapitel „Entzug des aktiven und passiven Wahlrechts“ von Britta Oltmer. Frankfurt a/M.: P. Lang, 2000. 257 S.
26. „Tod den Spionen!“ Todesurteile sowjetischer Gerichte in der SBZ/DDR und in der Sowjetunion bis 1953 / hrsgs. A. Hilger. Göttingen: V&R Unipress, 2006. 209 S.
27. *Болдырев Р.Ю.* Советская оккупационная политика в Восточной Германии (1945–1949 гг.): экономический аспект: дис. ... канд. ист. наук. Архангельск, 2004. 245 с.
28. *Halder W.* „Prüfstein ... für die politische Lauterkeit der Führenden“: Der Volksentscheid zur „Enteignung der Kriegs- und Naziverbrecher“ in Sachsen im Juni 1946 // Gesch. Ges. 1999. Vol. 25, № 4. S. 589–612.
29. *Schwarzer O.* Der Lebensstandard in der SBZ/DDR 1945–1989 // Jahrb. Wirtschaft. 1995. Vol. 2. S. 119–146. <https://doi.org/10.1524/jbwg.1995.36.2.119>
30. *Reinisch J.* Refugees and Labour in the Soviet Zone of Germany, 1945–9 // The Disentanglement of Populations: Migration, Expulsion and Displacement in Postwar Europe 1944–9 / ed. by J. Reinisch, E. White. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2011. P. 185–209.
31. *Hoffmann D.* Aufbau und Krise der Planwirtschaft: Die Arbeitskräftelenkung in der SBZ/DDR 1945 bis 1963. Veröffentlichungen zur SBZ-/DDR-Forschung im Institut für Zeitgeschichte. München: Oldenbourg, 2002. 586 S.

32. Козлов В.А., Козлова М.Е. Советские потребительские практики в «маленьком СССР», 1945–1949 (По материалам Советской военной администрации в Германии) // Русский сборник. Исследования по истории России. Т. XXVII. М.: Модест Колеров, 2020. С. 308–393. <http://dx.doi.org/10.17613/fjwn-zk82>
33. Biehler G. Die Bodenkonfiskationen in der Sowjetischen Besatzungszone Deutschlands 1945 nach Wiederherstellung der gesamtdeutschen Rechtsordnung 1990. Berlin: Duncker & Humblot, 1994. 261 S.
34. Karlsch R. „Ein Staat im Staate“. Der Uranbergbau der Wismut AG in Sachsen und Thüringen // Polit. Zeitgesch. 1993. Vol. 49–50. S. 14–23.
35. Магдебурга В.В. Деятельность Советской военной администрации в Германии в области культуры (1945–1949 гг.): историческое исследование: дис. ... канд. ист. наук. М., 2005. 291 с.
36. Ивина К.В. Библиотечно-библиографическая деятельность представительства Комитета по делам культурно-просветительных учреждений при СНК РСФСР в Германии (1945–1946 гг.): дис. ... канд. пед. наук. М., 2002. 163 с.
37. Шишкова Т. Внеждановщина. Советская послевоенная политика в области культуры как диалог с воображаемым Западом. М.: НЛЮ, 2023. 384 с. (Б-ка журн. «Неприкосновенный запас»).
38. Козлов В.А., Козлова М.Е. «Маленький СССР» и его обитатели. Очерки социальной истории советского оккупационного сообщества в Германии 1945–1949. М.: НЛЮ, 2021. 288 с. (Historia Rossica).
39. Семряга М.И. Как мы управляли Германией: политика и жизнь. М.: РОССПЭН, 1995. 400 с.
40. Bispinck H. Bildungsbürger in Demokratie und Diktatur: Lehrer an höheren Schulen in Mecklenburg 1918 bis 1961. München: Oldenbourg, 2011. 358 S.
41. Opelt K. Volkshochschule in der SBZ/DDR. Historische Quellenanalyse zur Strukturbildung. Opladen: Leske + Budrich, 2004. 255 S.

References

- Ivannikov I.A. *Rezhim okkupirovannoy territorii* [Regime on the Occupied Territory]. Moscow, 2012. 142 p.
- Russkiy arkhiv: Velikaya Otechestvennaya. T. 15(4–5). Bitva za Berlin (Krasnaya Armiya v poverzhennoy Germanii)* [Russian Archives: Great Patriotic War. Vol. 15(4–5). Battle of Berlin (the Red Army in the Defeated Germany)]. Moscow, 1995. 616 p.
- Foitzik J., Doronin A.V., Tsarevskaya-Dyakina T.V. (eds.). *Sovetskaya voennaya administratsiya v Germanii, 1945–1949* [Soviet Military Administration in Germany, 1945–1949]. Moscow, 2009. 1031 p.
- Kalinin A.M. *Sovetskaya voennaya administratsiya v Germanii i ee deyatel'nost' po demilitarizatsii sovetskoy zony okkupatsii v 1945–1949 gg. (sovremennaya istoriografiya problemy)* [Soviet Military Administration in Germany and Its Activities Aimed to Demilitarize the Soviet Occupation Zone in 1945–1949 (Modern Historiography of the Problem)]. *Vlast'*, 2011, no. 6, pp. 161–163.
- Bonvech B., Vatlin A.Yu. (eds.). *Poslevoennaya istoriya Germanii: rossiysko-nemetskiy opyt i perspektivy* [Post-War History of Germany: Russian-German Experience and Prospects]. Moscow, 2007. 351 p.
- Naimark N.M. *The Russians in Germany: A History of the Soviet Zone of Occupation, 1945–1949*. Cambridge, 1995. 586 p.
- Lozhkin A.G. *Pravovoy otdel sovetskoy voennoy administratsii v Germanii: istoriya sozdaniya i deyatel'nosti. 1945–1949 gg.* [Legal Department of the Soviet Military Administration in Germany: History of Establishment and Activities. 1945–1949: Diss.]. Moscow, 2006. 199 p.
- Slaveski F. *The Soviet Occupation of Germany: Hunger, Mass Violence, and the Struggle for Peace, 1945–1947*. Cambridge, 2013. 168 p.
- Foitzik J., Petrow N.W. *Die sowjetischen Geheimdienste in der SBZ/DDR von 1945 bis 1953*. Berlin, 2009. 527 p.
- Hoffmann D., Wentker H. (eds.). *Das letzte Jahr der SBZ: Politische Weichenstellungen und Kontinuitäten im Prozeß der Gründung der DDR*. Munich, 2000. 289 p.
- Rick S. *Die Entwicklung der SED-Diktatur auf dem Lande. Die Landkreise Liebenwerda und Schweinitz in der Sowjetischen Besatzungszone 1945–1949*. Göttingen, 2015. 586 p.
- Vogt T.R. *Denazification in Soviet-Occupied Germany: Brandenburg, 1945–1948*. Cambridge, 2000. 314 p.
- Ramet S.P. *Nonconformity, Dissent, Opposition, and Resistance in Germany, 1933–1990: The Freedom to Conform*. Cham, 2020. 279 p.

14. Barker P. The Birth of Official Policy Towards the Sorbian Minority in the Soviet Zone of Occupation in Germany (1945–1948). *Ger. Hist.*, 1996, vol. 14, no. 1, pp. 38–54. <https://doi.org/10.1093/gh/14.1.38>
15. Benz W. (ed.). *Deutschland unter alliierter Besatzung: 1945–1949/55*. Berlin, 1999. 494 p.
16. Mudrov S.N. *Deyatel'nost' Upravleniya propagandy Sovetskoy voennoy administratsii v Germanii v 1945–1947 gg.* [Activities of the Propaganda Division of the Soviet Military Administration in Germany in 1945–1947: Diss.]. Yaroslavl, 2010. 226 p.
17. Boldyrev R.Yu., Morré J. Organizational Structure, Channels and Methods of Propaganda Work of the Soviet Military Administration in Germany, 1945–1949. *Sci. J. Volgogr. State Univ. Hist. Area Stud. Int. Relat.*, 2019, vol. 24, no. 5, pp. 205–221 (in Russ.). <https://doi.org/10.15688/jvolsu4.2019.5.15>
18. Galdobina S.V. *Molodezhnaya politika Sovetskoy voennoy administratsii v Germanii v 1945–1949 gg. Istoricheskoe issledovanie* [Youth Policy of the Soviet Military Administration in Germany in 1945–1949. Historical Research: Diss.]. Moscow, 2002. 228 p.
19. Boldyrev R.Yu. Deyatel'nost' detskikh i molodezhnykh organizatsiy v sovetskoy okkupatsionnoy zone Germanii, 1945–1949 [Activity of Children's and Youth Organizations in the Soviet Occupation Zone of Germany, 1945–1949]. *Vestnik Pomorskogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2010, no. 2, pp. 7–16.
20. Boldyrev R.Yu. Regional'naya politika sovetskikh okkupatsionnykh vlastey v Germanii, 1945–1949: ot federalizma k unitarizmu [Regional Policy of Soviet Military Administration in Germany 1945–1949: From Federalism to Unitarianism]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya*, 2019, no. 57, pp. 70–74. <https://doi.org/10.17223/19988613/57/12>
21. Popov I.D. Regional'naya politika Zapadnoy i Vostochnoy Germanii 1945–1990 gg. v postsovetskoy istoriografii [Regional Policy of West and East Germany 1945–1990 in the Post-Soviet Historiography]. *Klio*, 2019, no. 4, pp. 40–52.
22. Kodintsev A.Ya., Shkarevskiy D.N., Yanoshi V.V. *Organy spetsial'noy yustitsii SSSR v 1930–1950-e gody* [Special Legal Bodies of the USSR in the 1930s – 1950s]. Surgut, 2016. 254 p.
23. Timoshenkova E.P. “*Germanskiy vopros*” vo vneshney politike Sovetskogo Soyuz (1945–1955 gg.) [The German Question in the Foreign Policy of the Soviet Union (1945–1955): Diss.]. Moscow, 2007. 217 p.
24. Hübsch R. (ed.). „*Hört die Signale!*“: *Die Deutschlandpolitik von KPD/SED und SPD, 1945–1970*. Berlin, 2002. 215 p.
25. Hajna K.-H. *Die Landtagswahlen 1946 in der SBZ: Eine Untersuchung der Begleitumstände der Wahl. Mit dem Kapitel „Entzug des aktiven und passiven Wahlrechts“ von Britta Oltmer*. Frankfurt am Main, 2000. 257 p.
26. Hilger A. (ed.). „*Tod den Spionen!*“: *Todesurteile sowjetischer Gerichte in der SBZ/DDR und in der Sowjetunion bis 1953*. Göttingen, 2006. 209 p.
27. Boldyrev R.Yu. *Sovetskaya okkupatsionnaya politika v Vostochnoy Germanii (1945–1949 gg.): ekonomicheskiy aspekt* [Soviet Occupation Policy in East Germany (1945–1949): An Economic Aspect: Diss.]. Arkhangelsk, 2004. 245 p.
28. Halder W. „Prüfstein ... für die politische Lauterkeit der Führenden“: Der Volksentscheid zur „Enteignung der Kriegs- und Naziverbrecher“ in Sachsen im Juni 1946. *Gesch. Ges.*, 1999, vol. 25, no. 4, pp. 589–612.
29. Schwarzer O. Der Lebensstandard in der SBZ/DDR 1945–1989. *Jahrb. Wirtsch.*, 1995, vol. 36, no. 2, pp. 119–146. <https://doi.org/10.1524/jbwg.1995.36.2.119>
30. Reinisch J. Refugees and Labour in the Soviet Zone of Germany, 1945–9. Reinisch J., White E. (eds.). *The Disentanglement of Populations: Migration, Expulsion and Displacement in Postwar Europe 1944–9*. Basingstoke, 2011, pp. 185–209.
31. Hoffmann D. *Aufbau und Krise der Planwirtschaft: Die Arbeitskräfteelenkung in der SBZ/DDR 1945 bis 1963. Veröffentlichungen zur SBZ-/DDR-Forschung im Institut für Zeitgeschichte*. Munich, 2002. 586 p.
32. Kozlov V.A., Kozlova M.E. Sovetskie potrebitel'skie praktiki v “malen'kom SSSR”, 1945–1949 (Po materialam Sovetskoy voennoy administratsii v Germanii) [Soviet Consumer Practices in the “Little USSR”, 1945–1949 (Based on the Materials of the Soviet Military Administration in Germany)]. *Russkiy sbornik. Issledovaniya po istorii Rossii* [Russian Collection. Studies on the History of Russia]. Vol. 27. Moscow, 2020, pp. 308–393. <http://dx.doi.org/10.17613/fjwn-zk82>
33. Biehler G. *Die Bodenkonfiskationen in der Sowjetischen Besatzungszone Deutschlands 1945 nach Wiederherstellung der gesamtdeutschen Rechtsordnung 1990*. Berlin, 1994. 261 p.
34. Karlsch R. „Ein Staat im Staate“. Der Uranbergbau der Wismut AG in Sachsen und Thüringen. *Polit. Zeitgesch.*, 1993, no. 49–50, pp. 14–23.

35. Magdebura V.V. *Deyatel'nost' Sovetskoy voennoy administratsii v Germanii v oblasti kul'tury (1945–1949 gg.): istoricheskoe issledovanie* [Activities of the Soviet Military Administration in Germany in the Sphere of Culture (1945–1949): Historical Research: Diss.]. Moscow, 2005. 291 p.

36. Ivina K.V. *Bibliotечно-bibliograficheskaya deyatelnost' predstavitel'stva Komiteta po delam kul'turno-prosvetitel'nykh uchrezhdeniy pri SNK RSFSR v Germanii (1945–1946 gg.)* [Library and Bibliographic Activities of the Representative Body of the Committee for Cultural and Educational Institutions Under the Council of People's Commissars of the Russian Soviet Federative Socialist Republic in Germany (1945–1946): Diss.]. Moscow, 2002. 163 p.

37. Shishkova T. *Vnezhdanovshchina. Sovetskaya poslevoennaya politika v oblasti kul'tury kak dialog s voobrazhaemym Zapadom* [Outside of the Zhdanovshchina. Soviet Postwar Cultural Policy as a Dialogue with an Imaginary West]. Moscow, 2023. 384 p.

38. Kozlov V.A., Kozlova M.E. *"Malen'kiy SSSR" i ego obitateli. Ocherki sotsial'noy istorii sovetskogo okkupatsionnogo soobshchestva v Germanii 1945–1949* [The "Little USSR" and Its Inhabitants. Essays on the Social History of the Soviet Occupation Community in Germany, 1945–1949]. Moscow, 2021. 288 p.

39. Semiryaga M.I. *Kak my upravlyali Germaniyey: Politika i zhizn'* [How We Ruled Germany: Politics and Life]. Moscow, 1995. 400 p.

40. Bispinck H. *Bildungsbürger in Demokratie und Diktatur: Lehrer an höheren Schulen in Mecklenburg 1918 bis 1961*. Munich, 2011. 358 p.

41. Opelt K. *Volkshochschule in der SBZ/DDR. Historische Quellenanalyse zur Strukturbildung*. Opladen, 2004. 255 p.

Информация об авторе

Г.Н. Беспалько – аспирант кафедры всеобщей истории Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (адрес: 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17).

Information about the author

Grigory N. Bespalko, Postgraduate Student, World History Department, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (address: nab. Severnoy Dviny 17, Arkhangelsk, 163002, Russia).

Поступила в редакцию 30.04.2024

Одобрена после рецензирования 09.10.2024

Принята к публикации 11.10.2024

Submitted 30 April 2024

Approved after reviewing 9 October 2024

Accepted for publication 11 October 2024

Голдин В.И.

Столетие Гражданской войны в России и историческая память

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 6. С. 40–51.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 6, pp. 40–51.

Научная статья
УДК 930(47):94(47).084
DOI: 10.37482/2687-1505-V387

Столетие Гражданской войны в России и историческая память¹

Владислав Иванович Голдин

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия,
e-mail: v.i.goldin@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1439-6267>

Аннотация. Статья посвящена итогам осмысления истории Гражданской войны в России в связи с ее столетием, описанию наиболее крупных и значимых российских и международных научных проектов и изданий, диалогу историков в рамках проведенных научных конференций. Характеризуется современное концептуальное понимание Гражданской войны в России как серии или комплекса войн, различных видов вооруженных и иных противостояний, как уникального глобального феномена в многообразии военных, политических, экономических, социально-классовых, социокультурных, культурно-религиозных, духовно-нравственных, национальных и межнациональных процессов, конфликтов и расколов, внутренних и международных столкновений и противоборств. Подчеркивается тесная и неразрывная связь Гражданской войны и иностранной военной интервенции. Анализируются проблемы исторической памяти о Гражданской войне и «битвы за память» о ней, происходившие в нашей стране и тесно связанные не только с событиями вековой давности, но и с современностью. Раскрывается, как проблемы исторической памяти и российской государственной политики в области памяти об этой войне интерпретируются за рубежом, какие усилия предпринимаются для воздействия на сознание россиян и граждан собственных стран и трансформации его в нужном направлении в интересах современной политики в отношении России. Показано, что зарубежные авторы и издатели предпринимают попытки снять со стран Запада ответственность за интервенцию в Россию, в частности в ее северный регион. Обращается внимание на стремление некоторых иностранных авторов дать ложную интерпретацию истории созданного интервентами концлагеря на Мудьюге и его деятельности, а также исказить события вооруженного противоборства на Севере и, следовательно, роль и предназначение образованного в последние годы мемориального комплекса «Юрьевский рубеж» в военно-историческом парке «Железнодорожный фронт».

Ключевые слова: *Гражданская война в России, столетие Гражданской войны, иностранная военная интервенция, российские научные проекты, международные научные проекты, историческая память*

Для цитирования: Голдин, В. И. Столетие Гражданской войны в России и историческая память / В. И. Голдин // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 6. – С. 40-51. – DOI 10.37482/2687-1505-V387.

© Голдин В.И., 2024

¹Статья подготовлена в рамках проекта Института российской истории РАН по написанию многотомного академического труда «История России». Публикуется в целях апробации.

Original article

Centenary of the Civil War in Russia and Historical Memory

Vladislav I. Goldin

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia,

e-mail: v.i.goldin@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1439-6267>

Abstract. The article dwells on the results of the reflection on the history of the Russian Civil War in view of its centenary. The paper describes the most significant Russian and international scientific projects and works as well as the dialogue of historians at scientific conferences. In addition, it characterizes the current conceptual understanding of the Civil War in Russia as a series of wars, various kinds of armed and other struggles, as a unique global phenomenon in the diversity of military, political, economic, class-related, socio-cultural, cultural and religious, spiritual and moral, national and interethnic processes, conflicts and divisions, as well as domestic and international clashes and confrontations. Further, the close and inseparable link between the Civil War and the Allied intervention is emphasized. The paper analyses the problems of historical memory about the Civil War and battles for its memory in Russia, which are strongly related not only to the events of a hundred years ago, but also to the present day. Further, it demonstrates how the issues of historical memory and Russian state policy on the war's memory are interpreted in other countries and what efforts the latter are making to manipulate the minds of Russians and their own citizens for the benefit of their current policy on Russia. The paper shows that foreign authors and publishers are trying to absolve the West from responsibility for the military intervention in Russia, its northern region in particular. Some foreign authors are keen to give false interpretations to the history of the concentration camp on Mudyug Island that was established by the interventionists, as well as distort the events of the armed confrontation in the North and, thereby, the role and purpose of the Yurievsky Frontier Memorial that has in recent years been created in the Railway Front Military Historical Park.

Keywords: *Civil War in Russia, centenary of the Civil War, foreign military intervention, Russian scientific projects, international scientific projects, historical memory*

For citation: Goldin V.I. Centenary of the Civil War in Russia and Historical Memory. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 6, pp. 40–51. DOI: 10.37482/2687-1505-V387

Столетие Гражданской войны в России, особой и глубоко драматической эпохи в истории не только нашей страны, но и мировой цивилизации, всколыхнуло историческую память о ней, вызвало живой интерес в российском обществе и за его пределами, активизировало дискуссии по данной тематике. Это вылилось в реализацию крупных научных проектов, проведение нескольких десятков научных конференций, публикацию сотен книг и многих тысяч статей.

Целью статьи является анализ наиболее значимых реализованных научных проектов и итогов научных конференций о российской Гражданской войне, а также исторической памяти о ней.

Комплексное раскрытие сложного и уникального феномена Гражданской войны в России, его истоков, характера, логики развития, исторических уроков и последствий является важнейшей задачей историков. В связи со столетием в Москве вышла в свет новая трехтомная энциклопедия, посвященная России в Гражданской войне [1].

Ее содержанию, анализу достоинств и недостатков посвящен ряд статей (см., например: [2, 3]). К числу очевидных недочетов относится отсутствие современного концептуального определения Гражданской войны в России, а также историографического обзора. Из энциклопедии оказалась полностью исключена тема иностранной интервенции в Россию. Это является совершенно непонятным, тем более в условиях современной ситуации острой конфронтации на международной арене, когда уроки борьбы с широкомасштабной иноземной военной интервенцией и иными формами вмешательства, попытками раскола общества и раздела российского постимперского пространства в годы Гражданской войны чрезвычайно актуальны. На страницах издания присутствует недостоверная информация, в частности об истории интервенции и Гражданской войны на Севере России [4, 5]. Характеризуемый трехтомник – это не первое подобное энциклопедическое издание, поэтому его сравнение с ранее опубликованными энциклопедиями о Гражданской войне представляется полезным, тем более что современное издание по ряду позиций уступает, например, энциклопедии, изданной в 80-е годы минувшего века [6].

На протяжении последнего десятилетия реализуется международный научно-издательский проект под названием «Великая война и Революция в России», предполагающий публикацию 11 томов материалов [7]. Проект охватывает период с 1914 по начало 1920-х годов, и, таким образом, российская Гражданская война является его частью. По замыслу англо-американских руководителей, в проекте должны были участвовать более 250 ведущих специалистов со всего мира, в т. ч. из России. К осени 2023 года в Блумингтоне, в издательстве Индианского университета (США), вышло в свет 10 томов, включающих 19 книг. Завершение проекта ожидается в конце 2024 года выпуском 11 томов и 22 книг.

Инициаторы данного проекта намеревались в результате его реализации фундаментально трансформировать понимание «континуума кризиса» в России 1914–1922 годов, но анализ изданных томов свидетельствует, что говорить об этом вряд ли

возможно, ибо опубликованные материалы крайне разнородны и существенно различаются по ценности и новизне. Российской Гражданской войне посвящены две книги 5-го тома анализируемого проекта [8, 9], участником которого стал и автор настоящей статьи. Материалы по истории этой войны можно найти и в ряде других томов.

Третьим, наиболее масштабным научным проектом по истории Гражданской войны в России является 12-й том 20-томной академической «Истории России» – «Гражданская война в России. 1917–1922 годы» (в двух книгах). В состав авторского коллектива входят около 40 ведущих исследователей России, Украины и Белоруссии. Первая книга называется «Военное и политико-дипломатическое противоборство». В ней раскрываются процессы вооруженной борьбы на фронтах (внешних и внутренних) Гражданской войны, военное строительство, а также международные отношения участников конфликта 1918–1922 годов. В этой книге 7 частей. Вторая книга под названием «Власть. Общество. Экономика. Культура» состоит из 9 частей, в которых рассматриваются ключевые проблемы жизни страны: государственность, спецслужбы и репрессивно-карательные системы, политические партии, экономика, общественная жизнь, социально-демографические и национальные процессы, культура, церковно-религиозные отношения. Несколько парадоксально, но первой в июне 2024 года вышла в свет вторая книга указанного тома [10], а первая книга опубликована в конце ноября 2024 года. В Московском педагогическом государственном университете 2 декабря состоялась презентация 12-го тома.

Основные концептуальные и содержательные идеи этого тома получили апробацию на страницах научной печати в виде статей руководителей данного проекта – В.И. Голдина и В.В. Кондрашина [11, 12]. Гражданская война в России рассматривается как серия или комплекс войн, различных видов вооруженных и иных противостояний, как уникальный феномен, носивший глобальный и тотальный характер среди многообразия военных, политических, эконо-

мических, социально-классовых, социокультурных, культурно-религиозных, духовно-нравственных, национальных и межнациональных процессов, конфликтов и расколов, разнообразных внутренних и международных столкновений и противоборств. Добавим, что этот том является своего рода «работой над ошибками», допущенными авторами вышеуказанной трехтомной энциклопедии.

В нашей стране в связи со столетием Гражданской войны в России состоялось 20 международных и всероссийских научных конференций с широкой географией. Их материалы опубликованы. Упомянем и несколько десятков конференций межрегионального и регионального уровней, по итогам которых также выходили сборники материалов. Прошедшие конференции стали важной трибуной для дискуссий, обмена мнениями исследователей, представления новых знаний. Особо отметим несколько международных научных конференций, проведенных в Санкт-Петербурге под руководством профессора В.В. Калашникова [13–16]. В рамках одной из них 25 ведущих ученых (18 россиян и 7 зарубежных исследователей из США, Канады и Великобритании) дали ответы на ключевые вопросы истории российской Гражданской войны, которые были оформлены в виде контент-анализа ее новейшей историографии [13, с. 8–252]. Советская и постсоветская историография революции и Гражданской войны в России в вопросах и ответах отражена на страницах сборника, вышедшего в свет в Санкт-Петербурге в конце 2023 года [16, с. 17–117].

Международный научный диалог по проблемам истории Гражданской войны в России неизмеримо обогатил представления об этом историческом явлении, хотя в последние годы он постепенно сворачивался в связи с растущей конфликтностью на мировой арене, что негативно сказывалось на академическом сотрудничестве.

Среди острых проблем нынешних дискуссий – события на Украине 1917–1920 годов, что обуславливается и современностью. Новейшая украинская историография в духе современной политической конъюнктуры фактически отказалась от термина «гражданская война» в контексте

событий «Украинской революции 1917–1920 годов»: доказывается, что на Украине не было масштабных внутренних войн на идеологической почве, но Украинская Народная Республика вела военные действия на своей территории против вооруженной экспансии армий с преимущественно инонациональным составом, и имели место три украинско-большевистские, или украинско-советские, войны [17]. Несмотря на это, на Украине есть и авторитетные исследователи, например член-корреспондент Национальной академии наук Украины В.Ф. Солдатенко, который последовательно отстаивает концепцию Гражданской войны на Украине со всеми имманентными ее природе проявлениями [18, 19].

Предметом активного диалога и дискуссий историков являются роль иностранного вмешательства в развязывании Гражданской войны в России и история международной военной интервенции, которая в последние годы приобрела особую актуальность, что воплотилось в серию книг, опубликованных в России и за рубежом [20–23]. В марте 2024 года в Российском историческом обществе в Москве состоялся круглый стол по этой теме с участием ведущих российских исследователей.

Автор статьи имеет давний плодотворный опыт сотрудничества с ведущими зарубежными историками в изучении иностранной интервенции в Россию и на Русский Север, к тому же за рубежом сохранилась более обширная источниковая база по этой теме, нежели в нашей стране. Совместно с американским профессором Дж. Лонгом в 1997 году была опубликована книга мемуаров и документов «Заброшенные в небытие» об интервенции Антанты на Север России [24]. С 2018 года автор реализует задуманный многотомный проект «Русский Север в эпоху великих потрясений. 1900–1920», в рамках которого уже выпущено несколько монографий [25, 26]. Введение иностранными коллегами в научный оборот ранее секретных британских документов [27, 28] помогло раскрыть историю преступной химической войны, которую вела Великобритания на Русском Севере в 1919 году [29].

Однако идеализировать деятельность иностранных коллег на поприще изучения истории Гражданской войны в России и на Русском Севере не приходится. В качестве примера приведем публикацию издательством «Нестор-История» книги израильского историка Л.Г. Прайсмана о событиях 1917–1920 годов на Русском Севере [30]. Для него это стало продолжением исследования темы так называемого третьего пути в российской Гражданской войне. К сожалению, книга выполнена на узкой базе литературы и источников, а автор, никогда не бывавший на Севере и слабо понимающий жизнь и традиции его обитателей, судит о многом поверхностно. В этом издании была предпринята попытка оправдать интервенцию стран Антанты на Север России. Не случайно специальный параграф, охватывающий период с конца мая по август 1918 года, назван Прайсманом «Освобождение Русского Севера». И уже совсем удивительной выглядит заключительная ремарка: автор удивляется, почему подавляющее большинство российских историков, пишущих о Гражданской войне на Севере, и в основном местных жителей, считает союзников интервентами. Да именно потому, что эти авторы в отличие от самого Прайсмана прекрасно знают, что творилось в их родном краю в период интервенции, как действовал оккупационный режим и какую политику террора и грабежа проводили «союзники». В результате Архангельская губерния по масштабам потерь оказалась на третьем месте в стране.

Напомним не знающему даже опубликованных источников израильскому коллеге, что командующий войсками и член Временного правительства Северной области генерал В.В. Марушевский писал, находясь уже в эмиграции, о ситуации здесь так: «Чтобы охарактеризовать создавшееся положение, проще всего считать его “оккупацией”. Исходя из этого, все отношения с иностранцами делаются понятными и объяснимыми» [31, с. 340]. Ему вторил председатель комитета внешней торговли Северной области П.Г. Калинин, называя действия «союзников»

«вакханалией вывоза», а систему внешнеэкономических связей – «колониальным завоеванием»². Критический анализ легковесного «сочинения» израильского автора дан в статье журнала «Вопросы истории» [32].

Столетие Гражданской войны характеризовалось и дискуссиями об исторической памяти о ней. Дело в том, что в основе каждой культуры лежит память, а история как совокупность представлений о прошлом есть память культуры, и она является механизмом настоящего, во многом создающим основы культурного генотипа нации. Без памяти о прошлом общество превращается в людей без корней, в Иванов, не помнящих родства. Эта тема стала предметом осмысления ряда научных конференций, где обсуждались взаимодействие историков, представителей государства, общественных организаций, СМИ, проблемы мемориализации истории российской Гражданской войны, ее событий и участников [33, 34].

К теме исторической памяти о Гражданской войне и государственной политики в области памяти о ней активно обращаются и зарубежные исследователи [35, 36]. К числу проблем, особенно их интересующих, относятся: красный террор и дискредитация советского лагеря; Белое движение – культурный ренессанс и попытки юридической реабилитации; иностранная интервенция и ее оправдание; национальные отношения и деятельность антибольшевистских национальных правительств; поиск противоречий в российских правящих элитах и в окружении президента В.В. Путина, в отношении трактовок Российской Революции, Гражданской войны, эмиграции, патриотизма и др. Особая ставка зарубежными россиеведами делается на раскол современного российского общества на «белых» и «красных», по национальному принципу и др. Большое внимание уделяется связи истории с современностью.

В феврале 2023 года в ходе рабочей встречи губернатора Архангельской области А.В. Цыбульского с президентом России В.В. Путиным обсуждались и проблемы исторической памяти

²ГАРФ (Гос. арх. Рос. Федерации). Ф. 3694. Оп. 1. Д. 13. Л. 17 об., 19 об., 20.

об интервенции на Север России. В частности, шла речь о развитии центров историко-патриотического туризма на о. Мудьюг в Белом море, где оккупантами был создан концлагерь, и на Юрьевском рубеже, в районе Московской железной дороги, где были остановлены интервенты, рвавшиеся к Москве в 1918 году. При этом Цыбульский отметил схожесть событий интервенции стран Антанты на Русский Север столетней давности с современностью.

Данное обсуждение стало предметом интервью и комментариев профессора истории Университета Тромсё (Норвегия) К. Миклебуст изданию «The Varents Observer», которые, будучи опубликованными, стали известны российским исследователям и вызвали активный обмен мнениями в историческом сообществе. Миклебуст заявила, в частности, что в последние годы историческая память о союзной интервенции на Север России используется российскими властями в их политике памяти для усиления восприятия угроз и антизападных настроений в российском обществе. При этом она утверждала, что существует много «белых пятен» и неизвестных фактов в истории российской Гражданской войны, а сохранившиеся источники скудны. Это, по мнению Миклебуст, «открывает возможности для спекуляций и политизированных интерпретаций» [37].

Последними утверждениями она, никогда не занимавшаяся данной тематикой, обнаружила профессиональную некомпетентность. Дело в том, что термин «белые пятна» активно использовался в конце 80-х – начале 90-х годов XX века, и в связи с этим ставился вопрос о необходимости их «заполнения». Рассекречивание документов российских архивов и ввод их в научный оборот в 1990-е и последующие годы характеризовались понятием «архивная революция», а публикация сотен сборников документов по разнообразной тематике и изучение на протяжении нескольких десятилетий всего спектра проблем, ранее относимых к категории «белых пятен», сняли возникшие вопросы с повестки дня. Ошибочным является и утверждение Миклебуст о скудности сохранившихся источников, ибо в распоряжении историков

находится сегодня обширнейшая источниковая база по истории Гражданской войны в России.

Далее Миклебуст объявила в интервью, что «тюремный лагерь» («prison camp») на о. Мудьюг в действительности был не концентрационным лагерем, но действовал на основе Гаагских конвенций о законах и обычаях войны, предписывавших правила обращения с военнопленными, а тема Мудьюга как «острова смерти» является «мифом советской эры» [37].

Комментируя это утверждение, начнем с того, что лагерь, учрежденный союзной контрразведкой на о. Мудьюг в Белом море в августе 1918 года формально для содержания военнопленных, на деле предназначался для других целей, а именно для заключения активных деятелей и сторонников советской власти. Военнопленные же концентрировались главным образом в других местах и лагерях на территории Северной области. Мудьюг, находившийся под контролем союзной контрразведки и охраной французских военных моряков, был закрыт для русских властей Северной области. Известны лишь два случая, когда прокурор И.В. Дуброво и член Временного правительства Северной области, управляющий отделом внутренних дел В.И. Игнатьев получили разрешение от союзной контрразведки посетить этот лагерь в сопровождении ее офицеров.

В отношении оказавшихся на Мудьюге заключенных не действовали никакие Гаагские конвенции. Они содержались здесь бессрочно, в холоде и на голодном пайке (2–4 галеты в день), под постоянной угрозой смерти, что и стало реальностью для многих, скончавшихся здесь в результате непосильного труда, инфекций, болезней, холода, голода и репрессий.

Один из уцелевших узников Мудьюга П.П. Расказов так вспоминал о нем: «Представление о Мудьюге неразрывно связано с представлением о высшем страдании, о высшей человеческой жестокости и неизбежной мучительной смерти. Это пугало было для северян куда страшнее, чем “ад кромешный” для религиозного фанатика. Кто попал на Мудьюг, тот живой труп, тот уже не вернется к жизни» [38, с. 32].

Побывавший на Мудьюге зимой 1919 года уже упомянутый член Временного правительства Северной области В.И. Игнатъев следующим образом описывал узников: «Живые мертвецы, ждущие своей очереди» [39, с. 153].

Летом 1919 года в связи с эвакуацией французских интервентов концлагерь на Мудьюге был передан властям Северной области и приобрел статус «ссылно-каторжной тюрьмы», что стало продолжением истории этого ада на северной земле. Добавим, что с эвакуацией интервентов более 100 узников Мудьюга были вывезены на Запад в качестве заложников, содержались уже в западных тюрьмах, прежде чем часть уцелевших удалось вернуть на родину.

В нашу историческую память Мудьюг вошел как остров смерти, место скорби и мученичества. Существовавший здесь с 1934 до 1990-х годов музей вел большую историко-краеведческую, поисковую и патриотическую работу, а прекращение его деятельности стало серьезной потерей, поэтому представители музейного, краеведческого и академического исторического сообщества активно выступают за воссоздание этого музея.

Обратимся к теме Юрьевского рубежа, который Миклебуст охарактеризовала, не представляя, что это такое, как процветающее место сражения, демонстрирующее «освобождение от иностранных захватчиков», и добавила, что в действительности Гражданская война в России была прежде всего битвой между белыми и красными. И здесь снова полное непонимание феномена российской Гражданской войны, которая на деле, как уже указывалось выше, была серией или комплексом разных войн, военных и иных противоборств. Так вот, белые как актер вооруженного противоборства и их армия появились на Севере лишь к весне 1919 года. До этого наступательные действия и бои против красных велись главным образом силами интервентов, ибо добровольческий призыв, а затем мобилизация в

вооруженные силы Северной области не давали сколько-нибудь значительных результатов. Наступление на Железнодорожном направлении, где ныне создан Юрьевский мемориал, велось в августе и осенью 1918 года британскими, французскими и американскими солдатами.

Само возникновение мемориального комплекса «Юрьевский рубеж» в военно-историческом парке «Железнодорожный фронт», на буквально залитом кровью месте, где осенью 1918 года примерно в 150 км от Архангельска, между станциями Обозерская и Емца, красноармейцы Юрьевского полка остановили войска захватчиков, стало результатом многолетней поисковой работы здесь мемориальной группы военных археологов под руководством А. Сухановского и ее инициативой. Мемориал был открыт в сентябре 2020 года и явился завершающим мероприятием в рамках проходившей тогда в Архангельске международной научной конференции «Международная интервенция и Гражданская война в России и на Русском Севере»³. Отметим, что многолетняя работа военных археологов в зоне боев на Железнодорожном фронте, который в августе 1919 года стал местом и массового применения британского химического оружия, вылилась в книгу, подготовленную А. Сухановским и опубликованную в 2020 году [38].

Сегодня «Юрьевский рубеж» – один из самых ярких и интересных мемориальных комплексов эпохи интервенции и Гражданской войны на Севере, созданных общими усилиями северян при поддержке правительства Архангельской области.

Что же касается связи истории с современностью, о чем пыталась рассуждать Миклебуст, то она несомненна, ибо выражается в патриотизме северян и россиян в целом, их готовности встать на защиту Отечества. А попытки сыпать соль на исторические раны, не зажившие и сегодня, – дело неблагодарное.

В завершение статьи коснемся сюжета, также связанного с исторической памятью и попытками

³Селиванов Д. В Архангельской области на месте оборонительного комплекса 1918 года появился мемориал. URL: <https://dvina29.ru/v-arhangelskoj-oblasti-na-meste-oboronitel'nogo-kompleksa-1918-goda-pojavilsja-memorial/> (дата обращения: 15.04.2024).

навязать зарубежные трактовки истории интервенции и Гражданской войны в России и на Русском Севере. В 2022 году в Москве вышла в свет книга автора этих строк «Арктическая жемчужина империи», которая стала результатом сотрудничества с Российским военно-историческим обществом (РВИО) и была опубликована в рамках создаваемой обществом исторической библиотеки. Продолжением сотрудничества стала новая книга автора под названием «Анатомия интервенции, или Кто и как развязал Гражданскую войну на Севере России». В начале сентября 2022 года рукопись из РВИО взяло для публикации упоминавшееся выше издательство «Нестор-История». В апреле 2023 года, когда книга уже была подписана в печать, из издательства со ссылкой на некоего «внутреннего» рецензента поступила просьба переформулировать некоторые выделенные места во введении и заключении книги. Ознакомление с этими комментариями показало, что речь идет о принципиальных моментах, связанных с аргументацией оправдания за рубежом иностранных интервенций в прошлом и настоящем, со снятием ответственности с интервентов за развязывание Гражданской войны на Русском Севере и за реализовавшуюся на Севере колониальную стратегию и тактику оккупантов, когда они, руководствуясь принципом «разделяй и властвуй», пытались использовать северян как пушечное мясо в развязываемой войне.

Создается впечатление, что в действиях издательства «Нестор-История» (директор – С.Е. Эрлих) присутствовали попытки политико-идеологической цензуры (в направлении соответствия зарубежным установкам), что недопустимо. Учитывая вышеизложенное, автор этих строк изъял рукопись своей книги из названного учреждения, и монография вышла в свет при поддержке фонда «История Отечества» в другом авторитетном российском издательстве [40].

Завершая тему исторической памяти о российской Гражданской войне, хотелось бы подчеркнуть для всех, кто обращается к данной проблематике, сколь она сложна и деликатна. И здесь важно не допустить нового раскола общества по принципу симпатий и антипатий к ее событиям и участникам, но способствовать его примирению

и консолидации на основе уважения к родной истории и патриотизма.

Важным историческим уроком является то, что во внутривосточной борьбе нельзя прибегать к помощи других государств, которые, вмешиваясь, обычно стремятся к достижению собственных целей и реализации своих интересов. Не случайно особенно важной для современного Запада выступает тема оправдания своих неоднократных вооруженных вторжений в Россию – а военная интервенция 1917–1922 годов была крупнейшей по масштабам после вторжения фашистской Германии в СССР. В интервенции приняли участие около 20 государств Четверного союза, Антанты и не только, а на территории России находились (хотя и не одновременно) около 1,5 млн иностранных солдат. И это без учета, например, сотен тысяч польских солдат, которые начиная с воссоздания Польши осенью 1918 года вели в течение двух лет войну против украинцев, белорусов, литовцев и, наконец, Советской России, стремясь к созданию так называемой великой Польши от моря до моря. Подобные же аннексионистские действия предпринимала Румыния, захватив в начале 1918 года Бессарабию. Руководство буржуазной Финляндии заявляло о претензиях на обширные территории Северной России и с весны 1918 года предпринимало неоднократные военные рейды туда. В 1919 году оно обсуждало с англичанами и русскими белогвардейцами не только планы совместных боевых действий на Русском Севере, но и замыслы военного похода на Петроград, что в силу противоречий сторон не стало реальностью. В целом же, в результате иностранного вмешательства в вооруженной и других формах наша страна понесла огромные материальные и человеческие потери.

Сохранение памяти о Гражданской войне и иностранной военной интервенции в Россию как глубоко драматической и судьбоносной эпохе национальной истории означает извлечение из нее исторических уроков ради сплочения российского общества на началах патриотизма, укрепления народовластия и гражданственности с учетом готовности к защите Отечества.

Список литературы

1. Россия в Гражданской войне. 1918–1922: энцикл.: в 3 т. / отв. ред. А.К. Сорокин. М.: Полит. энцикл., 2021. Т. 1. А – З. 847 с.; Т. 2. И – П. 878 с.; Т. 3. Р–Я. 826 с.
2. Кондрашин В.В. Россия в Гражданской войне. 1918–1922: энцикл.: в 3 т. / отв. ред. А.К. Сорокин. М.: Полит. энцикл., 2021. Т. 1–3 // Вестн. Рос. фонда фундам. исслед. Гуманит. и обществ. науки. 2021. № 3(105). С. 154–159.
3. Калашников В.В. О некоторых трактовках истории Гражданской войны в новейшей историографии // К 100-летию окончания Гражданской войны и образования СССР. Проблемы истории и историографии: сб. докл. междунар. науч. конф. СПб.: ЛЭТИ, 2022. С. 134–169.
4. Голдин В.И. Россия в Гражданской войне: северное региональное измерение // Уч. зап. Петрозав. гос. ун-та. 2023. Т. 45, № 1. С. 106–113. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2023.860>
5. Голдин В.И. Север на страницах энциклопедических изданий о Гражданской войне в России: проблемы интерпретации и репрезентации // Арктика и Север. 2023. № 50. С. 234–248. <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2023.50.234>
6. Гражданская война и военная интервенция в СССР: энцикл. / гл. ред. С.С. Хромов. Изд. 2-е. М.: Сов. энцикл., 1987. 720 с.
7. Russia's Great War and Revolution Series. URL: <https://slavica.indiana.edu/books/series/russias-great-war-and-revolution/> (дата обращения: 09.11.2024).
8. Military Affairs in Russia's Great War and Revolution, 1914–22. Book 2. The Russian Civil War: Campaigns and Operations / ed. by D.R. Stone et al. Bloomington: Slavica Publ., 2021. 302 p.
9. Military Affairs in Russia's Great War and Revolution, 1914–22. Book 3. The Russian Civil War: Military and Society / ed. by D.R. Stone et al. Bloomington: Slavica Publ., 2021. 317 p.
10. История России: в 20 т. Т. 12. Гражданская война в России. 1917–1922 годы. Кн. 2. Власть. Экономика. Общество. Культура. М.: Наука, 2024. 919 с.
11. Голдин В.И. Гражданская война в истории России: историография, современные подходы, подготовка нового академического издания // Новейшая история России. 2019. Т. 9, № 3. С. 758–774. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.314>
12. Кондрашин В.В. Уроки Гражданской // Историк. 2020. № 11(71). С. 38–45.
13. Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии / отв. ред. В.В. Калашников; под ред. Д.Н. Меньшикова. СПб.: ЛЭТИ, 2018. 407 с.
14. Эпоха Революции и Гражданской войны в России. Проблемы истории и историографии / отв. ред. В.В. Калашников; под ред. Д.Н. Меньшикова. СПб.: ЛЭТИ, 2019. 432 с.
15. К 100-летию окончания Гражданской войны и образования СССР. Проблемы истории и историографии: сб. докл. междунар. науч. конф. / отв. ред. В.В. Калашников; под ред. Д.Н. Меньшикова. СПб.: ЛЭТИ, 2022. 395 с.
16. Россия в эпоху революции и Гражданской войны: советская и постсоветская историография: сб. материалов конф. / отв. ред. В.В. Калашников; под ред. Д.Н. Меньшикова. СПб.: ЛЭТИ, 2023. 323 с.
17. Солдатенко В.Ф. Гражданская война в Украине в современном историографическом дискурсе // Россия в годы Гражданской войны, 1917–1922 гг.: власть и общество по обе стороны фронта: материалы междунар. науч. конф. / отв. ред. Ю.А. Петров. М.: ГЦМСИР, 2018. С. 32–42.
18. Солдатенко В.Ф. В горниле революций и войн: Украина в 1917–1920 гг.: историко-историографические эссе. М.: РОССПЭН, 2018. 670 с.
19. Солдатенко В.Ф. Украинско-российские взаимоотношения в 1917–1924 гг.: обрушение старого и обретение нового. Краткий историко-историографический очерк: в 2 т. М.; Берлин: Директмедиа Паблишинг, 2021. Т. 1. 464 с.; Т. 2. 464 с.
20. Галин В.В. Интервенция. Как Запад хотел поделить и ограбить Россию. М.: Родина, 2018. 416 с.
21. Бодров А.В., Магадеев И.Э., Павлов А.Ю., Феськова Е.П. Враг, противник, союзник? Россия во внешней политике Франции в 1917–1924 гг.: коллектив. моногр.: в 2 т. / отв. ред. А.Ю. Павлов. СПб.: Изд-во РХГА, 2021. Т. 1. 705 с.; Т. 2. 892 с.

22. Ланник Л.В. После Российской империи. Германская оккупация 1918 г. СПб.: Евразия, 2020. 528 с.
23. Wright D. Churchill's Secret War with Lenin: British and Commonwealth Military Intervention in the Russian Civil War, 1918–20. Solihull: Helion & Company Limited, 2017. 576 p.
24. Зброшенныя в небытие. Интервенция на Русском Севере (1918–1919) глазами ее участников / сост. В.И. Голдин. Архангельск: Правда Севера, 1997. 505 с.
25. Голдин В.И. Север России на пути к Гражданской войне: Попытки реформ. Революции. Международная интервенция. 1900 – лето 1918: моногр. Архангельск: САФУ, 2018. 619 с.
26. Голдин В.И. Север России в огне Гражданской войны. Иностранная интервенция и ее последствия. Август–декабрь 1918 г.: моногр. Архангельск: Дапринт, 2021. 660 с.
27. Milton G. Winston Churchill's Shocking Use of Chemical Weapons // The Guardian. 2013. 1 Sept. URL: <https://www.theguardian.com/world/shortcuts/2013/sep/01/winston-churchill-shocking-use-chemical-weapons> (дата обращения: 10.08.2018).
28. Kinvig C. Churchill's Crusade: The British Invasion of Russia, 1918–1920. London: Hambledon Continuum, 2006. 373 p.
29. Голдин В.И. Химическая война на Севере России // Защитники Отечества. Вып. 15. Материалы научных конференций: XXXV, XXXVI, XXXVII, XXXVIII общественно-научных чтений по военно-исторической тематике 2016, 2017, 2018, 2019 гг. Архангельск: Лоция, 2019. С. 207–213.
30. Прайсман Л.Г. 1917–1920. Огненные годы Русского Севера. СПб.: Нестор-История, 2019. 400 с.
31. Марушевский В.В. Год на Севере (август 1918 г. – август 1919 г.) // Белый Север. 1918–1920 гг.: мемуары и документы. Вып. 1 / сост. В.И. Голдин. Архангельск: Правда Севера, 1993. С. 170–341.
32. Голдин В.И., Соколова Ф.Х., Шапаров А.Е. Гражданская война и международная интервенция на Русском Севере: критическое суждение о книге израильского историка // Вопр. истории. 2020. № 10-4. С. 265–272.
33. Международная интервенция и Гражданская война в России и на Русском Севере: ключевые проблемы, историческая память и уроки истории: сб. материалов междунар. науч. конф. / сост. В.И. Голдин, Г.С. Рагозин. М.: Пятый Рим (ООО «Бестселлер»), 2020. 366 с.
34. Человек, общество и власть в эпоху «Русской Смуты» 1917–1920: память, осмысление, примирение: материалы науч. конф. Симферополь, 2020. 256 с.
35. Laruelle M., Karnysheva M. Memory Politics and the Russian Civil War: Reds versus Whites. London: Bloomsbury Acad., 2021. 155 p.
36. Laruelle M., Karnysheva M. Rediscovering Russia's White Movement: Politics, Culture and Memory Today. London: Bloomsbury Acad., 2021. 144 p.
37. Staalesen A. Amid Bloody Onslaught on Ukraine, Putin Is Reminded About a Western Intervention in Northern Russia // The Barents Observer. 2023. 15 Febr.
38. Сухановский А.Ф. Штык решает. War Diary. Фронтовой дневник. Архангельск: СК – Россия: СК-Столица, 2020. 485 с.
39. Игнатъев В.И. Некоторые факты и итоги 4 лет гражданской войны (1917–1921 гг.). Ч. 1 // Белый Север. 1918–1920 гг.: мемуары и документы. Вып. 1 / сост. В.И. Голдин. Архангельск: Правда Севера, 1993. С. 99–157.
40. Голдин В.И. Анатомия интервенции, или Кто и как развязал Гражданскую войну на Севере России: моногр. М.: Кучково поле, 2024. 336 с.

References

1. Sorokin A.K. (ed.). *Rossiia v Grazhdanskoy voyne. 1918–1922* [Russia in the Civil War. 1918–1922]. Moscow, 2021. Vol. 1. A – Z. 847 p.; Vol. 2. I – P. 878 p.; Vol. 3. R–Ya. 826 p.
2. Kondrashin V.V. Russia in the Civil War. 1918–1922: Encyclopedia: In 3 Volumes / Ed. A.K. Sorokin. Moscow: Political Encyclopedia, 2021. Vol. 1–3. *Vestnik Rossiyskogo fonda fundamentalnykh issledovaniy. Gumanitarnye i obshchestvennyye nauki*, 2021, no. 3, pp. 154–159 (in Russ.).
3. Kalashnikov V.V. O nekotorykh traktovkakh istorii Grazhdanskoy voyny v noveyshey istoriografii [On Some Interpretations of the History of the Civil War in Modern Historiography]. *K 100-letiyu okonchaniya Grazhdanskoy*

voyny i obrazovaniya SSSR. Problemy istorii i istoriografii [To the 100th Anniversary of the End of the Civil War and the Establishment of the USSR]. St. Petersburg, 2022, pp. 134–169.

4. Goldin, V.I. Russia in the Civil War: Northern Regional Dimension. *Proc. Petrozavodsk State Univ.*, 2023, vol. 45, no. 1, pp. 106–113 (in Russ.). <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2023.860>

5. Goldin V.I. The North on the Pages of Encyclopedic Editions on the Civil War in Russia: Problems of Interpretation and Representation. *Arktika i Sever*, 2023, no. 50, pp. 234–248 (in Russ.). <https://doi.org/10.37482/issn2221-2698.2023.50.234>

6. Khromov S.S. (ed.). *Grazhdanskaya voyna i voennaya interventsia v SSSR* [The Russian Civil War and Allied Intervention in the Soviet Union]. Moscow, 1987. 720 p.

7. *Russia's Great War and Revolution Series*. Available at: <https://slavica.indiana.edu/books/series/russias-great-war-and-revolution/> (accessed: 9 November 2024).

8. Stone D.R. et al. (eds.). *Military Affairs in Russia's Great War and Revolution, 1914–22. Book 2. The Russian Civil War: Campaigns and Operations*. Bloomington, 2021. 302 p.

9. Stone D.R. et al. (eds.). *Military Affairs in Russia's Great War and Revolution, 1914–22. Book 3. The Russian Civil War: Military and Society*. Bloomington, 2021. 317 p.

10. *Istoriya Rossii. T. 12. Grazhdanskaya voyna v Rossii. 1917–1922 gody. Kn. 2. Vlast'. Ekonomika. Obshchestvo. Kul'tura* [History of Russia. Vol. 12. The Civil War in Russia. 1917–1922. Book 2. Power. Economy. Society. Culture]. Moscow, 2024. 919 p.

11. Goldin V.I. The Civil War in the History of Russia: Historiography, Modern Approaches, Conception, New Edition. *Mod. Hist. Russ.*, 2019, vol. 9, no. 3, pp. 758–774 (in Russ.). <https://doi.org/10.21638/11701/spbu24.2019.314>

12. Kondrashin V.V. Uroki Grazhdanskoy [Lessons of the Civil War]. *Istoriik*, 2020, no. 11, pp. 38–45.

13. Kalashnikov V.V. (ed.). *Grazhdanskaya voyna v Rossii: vzglyad cherez 100 let. Problemy istorii i istoriografii* [The Russian Civil War: A Century Later. Problems of History and Historiography]. St. Petersburg, 2018. 407 p.

14. Kalashnikov V.V. (ed.). *Epokha Revolyutsii i Grazhdanskoy voyny v Rossii. Problemy istorii i istoriografii* [The Era of the Revolution and the Russian Civil War. Problems of History and Historiography]. St. Petersburg, 2019. 432 p.

15. Kalashnikov V.V. (ed.). *K 100-letiyu okonchaniya Grazhdanskoy voyny i obrazovaniya SSSR. Problemy istorii i istoriografii* [To the 100th Anniversary of the End of the Civil War and the Establishment of the USSR]. St. Petersburg, 2022. 395 p.

16. Kalashnikov V.V. (ed.). *Rossiya v epokhu revolyutsii i Grazhdanskoy voyny: sovetskaya i postsovetskaya istoriografiya* [Russia in the Era of Revolution and Civil War: Soviet and Post-Soviet Historiography]. St. Petersburg, 2023. 323 p.

17. Soldatenko V.F. Grazhdanskaya voyna v Ukraine v sovremennom istoriograficheskom diskurse [Civil War in Ukraine in Modern Historiographic Discourse]. Petrov Yu.A. (ed.). *Rossiya v gody Grazhdanskoy voyny, 1917–1922 gg.: vlast' i obshchestvo po obe storony fronta* [Russia During the Civil War, 1917–1922: Authorities and Society on Both Sides of the Front]. Moscow, 2018, pp. 32–42.

18. Soldatenko V.F. *V gornile revolyutsiy i voyn: Ukraina v 1917–1920 gg.* [In the Crucible of Revolutions and Wars: Ukraine in 1917–1920]. Moscow, 2018. 670 p.

19. Soldatenko V.F. *Ukrainsko-rossiyskie vzaimootnosheniya v 1917–1924 gg.: obrushenie starogo i obretenie novogo* [Ukrainian-Russian Relations in 1917–1924: The Collapse of the Old and the Acquisition of the New]. Moscow, 2021. Vol. 1. 464 p.; Vol. 2. 464 p.

20. Galin V.V. *Interventsiya. Kak Zapad khotel podelit' i ograbit' Rossiyu* [The Intervention. How the West Intended to Divide and Rob Russia]. Moscow, 2018. 416 p.

21. Bodrov A.V., Magadeev I.E., Pavlov A.Yu., Fes'kova E.P. *Vrag, protivnik, soyuznik? Rossiya vo vneshney politike Frantsii v 1917–1924 gg.* [Enemy, Adversary, Ally? Russia in the Foreign Policy of France, 1917–1924]. St. Petersburg, 2021. Vol. 1. 705 p.; Vol. 2. 892 p.

22. Lannik L.V. *Posle Rossiyskoy imperii. Germanskaya okkupatsiya 1918 g.* [After the Russian Empire. The German Occupation of 1918]. St. Petersburg, 2020. 528 p.

23. Wright D. *Churchill's Secret War with Lenin: British and Commonwealth Military Intervention in the Russian Civil War, 1918–20*. Solihull, 2017. 576 p.

24. Goldin V.I. (comp.). *Zabroshennye v nebytie. Interventsiya na Russkom Severe (1918–1919) glazami ee uchastnikov* [Sent to the Middle of Nowhere. The North Russia Intervention (1918–1919) Through the Eyes of Its Participants]. Arkhangelsk, 1997. 505 p.

25. Goldin V.I. *Sever Rossii na puti k Grazhdanskoy voyne: Popytki reform. Revolyutsii. Mezhdunarodnaya interventsia. 1900 – leto 1918* [North Russia on the Way to the Civil War: Attempts of Reforms. Revolutions. Allied Intervention. 1900 – Summer 1918]. Arkhangelsk, 2018. 619 p.

26. Goldin V.I. *Sever Rossii v ogne Grazhdanskoy voyny. Inostrannaya interventsia i ee posledstviya. Avgust–dekabr' 1918 g.* [North Russia in the Flames of the Civil War. The Allied Intervention and Its Consequences. August–December 1918]. Arkhangelsk, 2021. 660 p.

27. Milton G. Winston Churchill's Shocking Use of Chemical Weapons. *The Guardian*, 1 September 2013. Available at: <https://www.theguardian.com/world/shortcuts/2013/sep/01/winston-churchill-shocking-use-chemical-weapons> (accessed: 10 August 2018).

28. Kinvig C. *Churchill's Crusade: The British Invasion of Russia, 1918–1920*. London, 2006. 373 p.

29. Goldin V.I. Khimicheskaya voyna na Severe Rossii [Chemical Warfare in North Russia]. *Zashchitniki Otechestva* [Defenders of the Fatherland]. Iss. 15. Arkhangelsk, 2019, pp. 207–213.

30. Praysman L.G. *1917–1920. Ognennye gody Russkogo Severa* [1917–1920. North Russia: Years in Flame]. St. Petersburg, 2019. 400 p.

31. Marushevskiy V.V. God na Severe (avgust 1918 g. – avgust 1919 g.) [A Year in the North (August 1918 – August 1919)]. Goldin V.I. (comp.). *Belyy Sever. 1918–1920 gg.* [The White North. 1918–1920]. Iss. 1. Arkhangelsk, 1993, pp. 170–341.

32. Sokolova F.Kh., Shaparov A.E. Grazhdanskaya voyna i mezhdunarodnaya interventsia na Russkom Severe: kriticheskoe suzhdenie o knige izrail'skogo istorika [Civil War and International Intervention in the Russian North: A Critical Review of the Book by an Israeli Historian]. *Voprosy istorii*, 2020, no. 10-4, pp. 265–272.

33. Goldin V.I., Ragozin G.S. (comps.). *Mezhdunarodnaya interventsia i Grazhdanskaya voyna v Rossii i na Russkom Severe: klyuchevye problemy, istoricheskaya pamyat' i uroki istorii* [Allied Intervention and Civil War in the Russian North: Key Problems, Historical Memory and Lessons of History]. Moscow, 2020. 366 p.

34. *Chelovek, obshchestvo i vlast' v epokhu "Russkoy Smuty" 1917–1920: pamyat', osmyslenie, primirenje* [Human, Society and Power During the "Russian Time of Troubles", 1917–1920: Memory, Contemplation, Reconciliation]. Simferopol, 2020. 256 p.

35. Laruelle M., Karnysheva M. *Memory Politics and the Russian Civil War: Reds versus Whites*. London, 2021. 155 p.

36. Laruelle M., Karnysheva M. *Rediscovering Russia's White Movement: Politics, Culture and Memory Today*. London, 2021. 144 p.

37. Staalesen A. Amid Bloody Onslaught on Ukraine, Putin Is Reminded About a Western Intervention in Northern Russia. *The Barents Observer*, 15 February 2023.

38. Sukhanovskiy A.F. *Shtyk reshaet. War Diary. Frontovoy dnevnik* [The Bayonet Decides: War Diary]. Arkhangelsk, 2020. 485 p.

39. Ignat'ev V.I. *Nekotorye fakty i itogi 4 let grazhdanskoy voyny (1917–1921 gg.). Ch. 1* [Some Facts and Results of Four Years of the Civil War (1917–1921). Pt. 1]. Goldin V.I. (comp.). *Belyy Sever. 1918–1920 gg.* [The White North. 1918–1920]. Iss. 1. Arkhangelsk, 1993, pp. 99–157.

40. Goldin V.I. *Anatomiya interventsii, ili Kto i kak razvyazal Grazhdanskuyu voynu na Severe Rossii* [The Anatomy of Intervention, or Who and How Unleashed the Civil War in North Russia]. Moscow, 2024. 336 p.

Информация об авторе

В.И. Голдин – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (адрес: 163002, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 2).

Information about the author

Vladislav I. Goldin, Dr. Sci. (Hist.), Prof., Prof. at the Department of Regional Studies, International Relations and Political Sciences, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (address: prosp. Lomonosova 2, Arkhangelsk, 163002, Russia).

Поступила в редакцию 11.06.2024

Одобрена после рецензирования 18.09.2024

Принята к публикации 20.09.2024

Submitted 11 June 2024

Approved after reviewing 18 September 2024

Accepted for publication 20 September 2024

Тимошина И.А.

Естественное воспроизводство населения на Европейском Севере России в период с 1980 по 1990 год...

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 6. С. 52–62.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 6, pp. 52–62.

Научная статья
УДК 94(47).084.9«1979/1989»:314.186.3
DOI: 10.37482/2687-1505-V388

Естественное воспроизводство населения на Европейском Севере России в период с 1980 по 1990 год (по материалам Архангельской и Вологодской областей)

Ирина Андреевна Тимошина

Вологодский государственный университет, Вологда, Россия,

e-mail: irinatomoshina@bk.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2672-3923>

Аннотация. Архангельская и Вологодская области входят в состав Европейского Севера России, располагаются в его центральной части и отличаются от остальных административно-территориальных образований региона схожестью этнодемографических процессов. Цель работы – определить основные тенденции и факторы рождаемости, смертности, естественного прироста населения Архангельской и Вологодской областей с 1980 по 1990 год. Методологической основой исследования послужил институциональный подход, который позволил выявить влияние государственных и социально-экономических институтов на демографические процессы. Для решения исследовательской задачи были изучены статистические и делопроизводственные материалы (архивные и опубликованные), содержащие данные о рождаемости, смертности населения Архангельской и Вологодской областей в частности и страны в целом в период с 1980 по 1990 год. Показано, что рост рождаемости на территории изучаемых областей в рассматриваемое десятилетие обуславливался увеличением численности женщин детородного возраста, государственными мерами поддержки семьи, введенными в 1981 году, и действием антиалкогольной кампании. В то же время росла смертность и менялась ее структура: повышались удельный вес алкоголь-ассоциированных причин смерти и доля смертности от внешних причин, что было связано с социально-экономической ситуацией в стране второй половины 1980-х годов. Как совокупный итог рождаемости и смертности естественный прирост населения после активной динамики роста в первой половине периода с 1987 по 1990 год под воздействием системного кризиса сократился до минимального уровня. Сравнивая показатели естественного прироста в характеризуемых областях с аналогичными по субъектам Центральной России, автор приходит к выводу, что население Архангельской и Вологодской областей не вступило в стадию депопуляции к концу изучаемого периода, тогда как, например, в Костромской и Владимирской областях депопуляционные процессы начались во второй половине 1980-х.

© Тимошина И.А., 2024

Ключевые слова: демография РСФСР, воспроизводство населения Европейского Севера России, демографические процессы в 1980-е годы, рождаемость, смертность, естественный прирост, Архангельская область, Вологодская область

Для цитирования: Тимошина, И. А. Естественное воспроизводство населения на Европейском Севере России в период с 1980 по 1990 год (по материалам Архангельской и Вологодской областей) / И. А. Тимошина // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 6. – С. 52-62. – DOI 10.37482/2687-1505-V388.

Original article

Natural Reproduction of the Population in the European North of Russia in 1980–1990 (Based on the Materials from the Arkhangelsk and Vologda Regions)

Irina A. Timoshina

Vologda State University, Vologda, Russia,

e-mail: irinatimoshina@bk.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-2672-3923>

Abstract. The Arkhangelsk and Vologda regions are located in the central part of the European North of Russia and are distinguished from other constituent territories by similarity of their ethnodemographic processes. This paper aims to identify the main trends and factors of birth rate, mortality, and rate of natural increase in the Arkhangelsk and Vologda regions from 1980 to 1990. The methodological basis of the study is the institutional approach, which allows one to identify the influence of state and socio-economic institutions on the demographic processes. The author studied statistical materials and records (archival and published) containing data on birth rate and mortality in the European North of Russia and country as a whole during the period of 1980–1990. It is demonstrated that the increase in birth rate in the Arkhangelsk and Vologda regions during the decade in question was caused by a growing number of women of reproductive age, government measures to support families introduced in 1981, and the effect of the anti-alcohol campaign. At the same time, mortality in the European North of Russia was growing and its structure was changing: the proportion of alcohol-related deaths and that of deaths from external causes increased, which was associated with the changing economic situation in the second half of the 1980s. As a cumulative result of birth rate and mortality, under the influence of the systemic crisis the rate of natural increase (after its active growth in the first part of the period) from 1987 to 1990 reached a minimum level. Having compared the rates of natural increase in the regions under study with those in Central Russia, the author came to the conclusion that the population of the Arkhangelsk and Vologda regions had not entered the depopulation stage by the end of the period in question, whereas in Central Russia, e.g. the Kostroma and Vladimir regions, depopulation began in the second half of the 1980s.

Keywords: demographics of the RSFSR, reproduction of the population in the European North of Russia, demographic processes in the 1980s, birth rate, mortality, rate of natural increase, Arkhangelsk Region, Vologda Region

For citation: Timoshina I.A. Natural Reproduction of the Population in the European North of Russia in 1980–1990 (Based on the Materials from the Arkhangelsk and Vologda Regions). *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 6, pp. 52–62. DOI: 10.37482/2687-1505-V388

Введение. Демографическая повестка остается сегодня одной из наиболее актуальных. С начала 1990-х годов население большинства регионов России находится в стадии естественной убыли вследствие сокращения естественного прироста как совокупного результата рождаемости и смертности населения. Период с 1980 по 1990 год явился переломным в динамике воспроизводства населения страны. Если его начало было отмечено ростом рождаемости и увеличением естественного прироста населения, то во второй половине демографическая ситуация ухудшилась, появились первые признаки демографического кризиса [1].

Демографическая политика – действенный механизм компенсации естественной убыли населения, но ее необходимо проводить исходя из долговременных особенностей государственного и регионального развития, учитывая влияние демографических волн и национального состава.

Архангельская и Вологодская области располагаются в центральной части Европейского Севера России. Доля русского населения в обеих областях, согласно данным переписей населения, более 90 %, что говорит об этнической однородности населения [2]. Этническая однородность влияет на особенности рождаемости и смертности [3], что в совокупности с общностью историко-культурного развития дает основания для изучения динамики естественного воспроизводства населения в обобщенном регионе Архангельской и Вологодской областей.

Цель исследования – определить основные тенденции естественного воспроизводства населения в Архангельской и Вологодской областях с 1980 по 1990 год. Для этого необходимо проанализировать уровень рождаемости, структуру смертности населения, определить факторы развития демографических процессов. Научная новизна работы заключается в представлении динамики региональных процессов естественного воспроизводства населения с 1980 по 1990 год, теоретическая значимость состоит в проведении подробного статистического анализа рождаемости, смертности и есте-

ственного прироста населения Архангельской и Вологодской областей, включающего их периодизацию и структурные изменения.

Обзор литературы. В отечественной историографии сложился ряд подходов к изучению естественного воспроизводства населения. Изменение основных демографических характеристик населения в XX веке и переход от традиционного к современному типу воспроизводства А.Г. Вишневецкий рассматривает через призму теории демографической модернизации как среза общей модернизации общества [4]. В подобном ключе демографическое развитие страны в 1980–1990-е годы представлено в коллективной монографии «Население России в XX веке: исторические очерки» [5].

В концепцию демографической модернизации общества включают две связанные друг с другом теории – демографического и эпидемиологического переходов. Демографический переход определяется как переход от традиционного к современному типу воспроизводства населения. Все чаще в историографии употребляется термин «демографическая революция» – по аналогии с промышленной и аграрной – для представления масштаба изменений [6]. Демографический переход в России имел прерывистый характер [7]. В.Б. Жиромская, характеризуя демографическое развитие страны в XX веке, отмечает, что в общих чертах первый демографический переход завершился к 1980-м годам [8]. Рост рождаемости в первой половине 1980-х и некоторое сокращение смертности в 1985–1987 годах В.Е. Поплаухин и Ю.В. Латов связывают с результатами активной демографической политики государства [9]. Однако О.Л. Рыбаковский и О.А. Таюнова, исследуя демографические волны, пришли к выводу, что именно влияние демографической волны (увеличение численности женщин детородного возраста) обеспечило рост рождаемости в начале 1980-х [10].

Эпидемиологический переход подразумевает изменения в количестве и структуре смертности. А.Г. Вишневецкий называет основным индикатором данного перехода уровень младенческой смертности, рост которой в 1970-е и стагнация

в 1980-е отразили незавершенность процесса [11]. Общий уровень смертности населения России в 1980–1990-е годы имел также неблагоприятную тенденцию, на которую влияли ухудшение экологии и качества медицинского обслуживания, алкоголизация общества [12].

Говоря об изучении динамики демографических характеристик населения России в 1980–1990-е годы, необходимо упомянуть институциональный подход. По мнению М.А. Клупта, значительное влияние на демографические процессы оказывают трансформация государственных институтов, изменение социально-экономической ситуации и реакция населения на происходящее в стране. В отличие от теории демографической модернизации данный подход позволяет рассмотреть влияние моральных факторов на демографическую динамику, в частности в период реформ 1985–1991 годов [13].

Особенности естественного воспроизводства, структуру смертности населения Архангельской области, в т. ч. в период 1980–1990-х, раскрывает К.В. Шельгин [14]. Кроме того, он анализирует общую динамику смертности населения в 1975–2010 годах [15]. Проблему естественного воспроизводства в Вологодской области с позиции медико-демографических особенностей населения с 1897 по 1996 год описывает Ю. Жаворонков. Также он рассматривает территориальную распространенность заболеваний, определявших структуру смертности населения области в период 1979–1989 годов, связывая рост заболеваемости с ухудшением экологии [16].

Несмотря на ряд общих выводов о динамике указанных процессов в обобщенном регионе, вопрос естественного воспроизводства населе-

ния в рамках Архангельской и Вологодской областей с 1980 по 1990 год системно не изучен, что делает данную тему не только актуальной, но и историографически обоснованной.

Материалы и методы. Источниками для исследования послужили статистические данные о составе, численности населения Вологодской области за 1965–1988 годы¹, о рождаемости и смертности (из отчетов департамента здравоохранения² и служебных записок о состоянии системы здравоохранения Вологодской области³), об алкоголизации населения⁴. Абсолютные показатели рождаемости и смертности населения Архангельской области за период с 1979 по 1990 год были предоставлены по запросу исследователя архивом Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Архангельской области (Архангельскстат). Для представления динамики изучаемых процессов в рамках не только рассматриваемых субъектов, но и страны автор изучил аналитические записки о численности и составе населения России второй половины XX века⁵, данные Росстата о естественном движении населения России в 1970–2022 годах⁶.

Методологической основой исследования послужил институциональный подход, согласно которому демографическое поведение населения формируется под влиянием различных социально-экономических и государственных институтов. Данная концепция позволяет выявить зависимость уровней рождаемости и смертности не только от демографических особенностей поколения и общих законов демографической динамики, но и от развития социально-экономической ситуации в государстве.

¹ГАВО (Гос. арх. Волог. обл.). Ф. П-9746. Оп. 2. Д. 247.

²Там же. Ф. Р-1637. Оп. 20. Д. 3560а.

³Там же. Ф. Р-1703. Оп. 21. Д. 8694.

⁴О работе по преодолению пьянства и алкоголизма в Вологодской области. Вологда: НСБ ГАВО, 1989. 112 с.

⁵РГАЭ (Рос. гос. арх. экономики). Ф. Р-1562. Оп. 67. Д. 49.

⁶Рождаемость, смертность и естественный прирост населения по регионам Российской Федерации. URL: https://rosstat.gov.ru/bgd/regl/b03_13/IssWWW.exe/Stg/d010/i010700r.htm (дата обращения: 20.05.2024).

Для достижения цели исследования использованы как демографические, так и исторические методы. При составлении динамического ряда коэффициентов рождаемости, смертности и естественного прироста населения Архангельской и Вологодской областей с одной стороны и РСФСР с другой был применен метод стандартизации показателей, т. к. за некоторые годы они в источниках отсутствовали. Анализ временных рядов дал возможность определить частоту колебаний изучаемых процессов во времени. Историко-сравнительный анализ помог сопоставить динамику естественного воспроизводства населения и его подпроцессов в Архангельской и Вологодской областях по отношению к другим субъектам РСФСР. Историко-генетический метод позволил выявить причины сокращения естественного прироста

населения в регионе. Историко-описательный метод способствовал общей систематизации сведений.

Результаты. Показатели естественного воспроизводства населения изучаемых субъектов РСФСР представлены в *табл. 1*.

Рождаемость в России в середине 1970-х и начале 1980-х годов была на уровне 15,8 ‰, к концу 1980-х она сократилась до 13,4 ‰⁸. Из данных таблицы видно, что в середине 1970-х рождаемость в изучаемых областях была ниже общероссийской: в Архангельской области – на 3,2 ‰, в Вологодской – на 6,3 ‰, но уже в 1980 году она стала выше: в Архангельской области – на 13,3 ‰, в Вологодской – на 2,5 ‰. По сравнению с серединой 1970-х годов рождаемость в 1980 году в обеих областях выросла на 17,0 и 9,5 ‰ соответственно.

Таблица 1

Естественное воспроизводство населения в Архангельской и Вологодской областях в 1975 и 1980–1995 годах, ‰⁷

Natural reproduction of the population in the Arkhangelsk and Vologda regions in 1975 and 1980–1995, ‰

Год	Архангельская область			Вологодская область		
	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост	Рождаемость	Смертность	Естественный прирост
1975	15,3	8,5	6,8	14,8	10,7	4,1
1980	17,9	10,4	7,5	16,2	12,0	4,2
1981	17,2	9,7	7,5	16,3	11,6	4,7
1982	18,6	9,8	8,8	17,2	11,4	5,8
1983	19,7	11,2	8,5	17,8	12,2	5,6
1984	17,6	10,4	7,2	16,6	12,4	4,2
1985	17,7	10,4	7,3	17,7	12,7	5,0
1986	17,5	8,9	8,6	17,2	10,4	6,8
1987	17,7	9,2	8,5	17,4	11,4	6,0
1988	16,6	9,4	7,2	15,8	11,5	4,3
1989	16,9	9,4	7,5	14,6	10,4	4,2
1990	13,5	9,8	3,7	13,4	11,9	1,5
1995	8,9	15,0	-6,1	8,7	16,4	-7,7

⁷Составлено и рассчитано по: ГАВО. Ф. П-9746. Оп. 2. Д. 247. Л. 13–15; Ф. Р-1637. Оп. 20. Д. 3560а. Л. 36; Ф. Р-1703. Оп. 21. Д. 8694. Л. 120–132; Данные о рождаемости и смертности населения Архангельской области с 1979 по 1990 год Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Архангельской области; Рождаемость, смертность и естественный прирост населения по регионам Российской Федерации...

⁸ГАВО. Ф. П-9746. Оп. 2. Д. 247. Л. 13.

В Архангельской области рождаемость увеличивалась до 1983 года (тогда она достигла максимального значения), затем в 1988-м, после стагнации в 1984–1987 годах, стал наблюдаться спад. В итоге в 1990 году уровень рождаемости в сравнении с серединой 1970-х был ниже на 12 %. В Вологодской области рост числа рождений пришелся на 1982–1983 годы, стагнация – на 1985–1987 годы, когда показатель был таким же, как в соседней области. Далее последовал спад, и к 1990 году рождаемость в обеих областях находилась на уровне 13,5 ‰, что было ниже показателей середины 1970-х годов на 9,5 %. В середине 1990-х рождаемость в изучаемых субъектах сократилась до 8,8 ‰, тогда как в целом по стране показатель держался на уровне 9,3 ‰⁹.

Динамика рождаемости с 1980 по 1990 год была обусловлена рядом факторов, один из которых – увеличение количества молодых женщин по сравнению с 1970-ми годами как результат действия демографической волны. В 1982–1987 годах в активный детородный возраст вступило поколение женщин, родившееся в конце 1950-х – первой половине 1960-х, называемое «вторым гребнем демографической волны послевоенного периода». Особенности демографического поведения этого поколения были такими же, как у поколения предвоенной пятилетки. Оно характеризовалось большим по сравнению с военным поколением и поколением «эха войны» 1967–1970-х годов количеством детей [10, с. 59]. В 1980–1985 годах в Вологодской области доля женщин в возрасте 25–39 лет увеличилась с 17 до 21 %¹⁰, рождаемость выросла на 9,3 %.

Еще один фактор роста рождаемости – меры государства. В 1980-е годы активно раз-

вивался государственный институт поддержки семьи. С ноября 1981 года были введены оплачиваемый отпуск по уходу за ребенком до 1 года, единовременное пособие на первого и второго ребенка и ряд других мер, которые способствовали увеличению количества вторых и третьих детей в семьях [17, с. 70]. Согласно официальным данным Государственного комитета СССР по статистике, в 1980 году на 1 тыс. женщин 20–29 лет в РСФСР приходилось 300,60 родившихся детей, а в 1986 году – 326,20 детей. Повышение рождаемости происходило за счет роста числа детей, родившихся вторыми и третьими. Число родившихся четвертыми и пятыми не менялось¹¹.

В Архангельской и Вологодской областях в 1980–1985 годах шел аналогичный процесс интенсификации рождаемости в возрасте 25–39 лет за счет роста вторых и третьих рождений. В Архангельской области в 1980 году было рождено 13 042 чел. первых детей, 9671 чел. вторых, 2394 чел. третьих, 1319 чел. четвертых и последующих детей. В 1985 году число первых детей по сравнению с 1980 годом сократилось на 16,6 %, число вторых, третьих, четвертых и последующих выросло на 7,33, 25 % соответственно¹².

Стабилизацию рождаемости в 1985–1987 годах связывают с успехами антиалкогольной кампании. Е.М. Андреев отмечает, что пьянство негативно сказывается на отношениях в семье и, вероятно, после сокращения употребления алкоголя общая атмосфера во многих семьях наладилась, что отразилось на общем количестве рождений [17, с. 71–72]. После 1987 года количество рождений как в стране, так и в Архангельской и Вологодской областях сокращалось вследствие изменения демографического поведения под воздействием

⁹Рождаемость, смертность и естественный прирост населения по регионам Российской Федерации...

¹⁰ГАВО. Ф. Р-1637. Оп. 20. Д. 3560а. Л. 36.

¹¹РГАЭ. Ф. Р-1562. Оп. 67. Д. 49. Л. 5.

¹²Данные о рождаемости населения Архангельской области с 1979 по 1990 год Территориального органа федеральной службы государственной статистики по Архангельской области.

социально-экономического кризиса [5, с. 57]. М.А. Клулт предполагает, что снижению рождаемости в конце 1980-х способствовал «дефицит солидарности» – когда из-за общей ситуации в стране один из супругов, чаще жена, не может положиться на спутника жизни в финансовом плане, в плане воспитания детей, не уверен в завтрашнем дне [13, с. 146].

Смертность в период с 1980 по 1990 год имела ряд негативных тенденций и развивалась в условиях незавершенности эпидемиологического перехода. В РСФСР коэффициент смертности в начале 1980-х вырос по сравнению с серединой 1970-х с 9,8 до 11,0 ‰, или на 12,3 %. В 1989 году он составил 11,2 ‰¹³. Согласно данным *табл. 1*, смертность жителей Архангельской области увеличивалась до 1983 года, достигнув максимального значения в 11,2 ‰, а затем, спустя год действия антиалкогольной кампании, в 1986-м, сократилась до 8,9 ‰. С 1987 года показатель практически не менялся, колеблясь на уровне 9,4 ‰. В 1990 году смертность вновь начала расти, но ее уровень был ниже, чем в целом по стране, на 12,5 %.

В Вологодской области смертность была выше, чем в Архангельской области и РСФСР, на протяжении всего десятилетия. С 1980 по 1985 год фиксировалось 12 случаев смерти на 1 тыс. чел. в год. Сократившись в 1986 году до 10,4 ‰, смертность вновь выросла, приблизившись в 1990 году к своему уровню начала 1980-х.

К середине 1990-х коэффициент смертности в стране достиг 15 ‰¹⁴. В Архангельской области данный показатель с 1980 по 1990 год был ниже общего по России, но в 1995 году ухудшился и сравнялся с общероссийским. В Вологодской области к середине 1990-х си-

туация со смертностью населения стала еще острее – она была на 10 % выше, чем по стране.

В структуре причин смерти с 1980 по 1990 год отмечались следующие изменения. В Архангельской области смертность от инфекционных заболеваний снизилась на 40 %, от болезней органов дыхания – на 38 %. Смертность от болезней системы кровообращения выросла на 10 %, ее доля среди всех причин смерти к 1989 году составила 55 %. Доля смертности от внешних причин – травм и отравлений – в 1980 году равнялась 20 %, к 1985-му сократилась до 15,5 %. После начала действия антиалкогольной кампании, в 1986 и 1987 годах, она оставалась на уровне 10,6 %, а с 1988 года вновь начала расти. В 1989 и 1990 годах смертность от несчастных случаев, травм и отравлений в Архангельской области находилась на уровне 13 %¹⁵.

На Вологодчине, как и в Архангельской области, к 1989 году на первое место в структуре причин смерти вышли болезни системы кровообращения (64 % от всех умерших). Кроме того, в Вологодской области росла доля смертей, вызванных внешним воздействием (с 8,4 % в 1988-м до 9 % в 1989-м¹⁶), но она была на 30 % ниже, чем в Архангельской области.

Изменение структуры причин смерти было тесно связано с уровнем употребления алкоголя, т. к. смертность от болезней системы кровообращения, отравлений и травм алкоголь-ассоциирована. По оценкам К.В. Шельгина, алкоголизация населения Европейского Севера России была выше, чем в целом по стране [15, с. 39].

В Архангельской и Вологодской областях смертность населения от случайных отравлений алкоголем была ниже, чем в других административно-территориальных образованиях Европейского Севера России (*табл. 2*).

¹³Рождаемость, смертность и естественный прирост населения по регионам Российской Федерации...

¹⁴Там же.

¹⁵Данные о смертности населения Архангельской области с 1979 по 1990 год Территориального органа Федеральной службы государственной статистики по Архангельской области.

¹⁶Численность, естественное движение населения Вологодской области в 1988 году. Вологда: Волог. обл. упр. статистики, 1989. С. 37.

Таблица 2

Смертность от случайных отравлений алкоголем
(на 100 тыс. населения) в 1984–1988 годах, чел.¹⁷

Mortality due to accidental alcohol poisoning
(per 100,000 population) in 1984–1988, people

Территория	1984	1985	1986	1987	1988
РСФСР	19,6	16,4	9,3	8,0	7,8
Архангельская область	18,5	12,8	6,4	5,7	5,2
Вологодская область	25,1	24,4	11,9	9,3	7,4
Мурманская область	29,2	24,6	13,2	8,5	18,3
Карельская АССР	33,6	30,5	10,5	9,8	8,2
Коми АССР	29,3	27,5	13,7	12,4	9,0

В 1988 году, после трех лет действия антиалкогольной кампании, смертность от случайных отравлений алкоголем в Вологодской области сократилась в 3,3 раза, в Архангельской – в 2,5 раза. При этом употребление абсолютного алкоголя уменьшилось в 2 раза, но в 1988 году постепенно начало увеличиваться (табл. 3).

Таблица 3

Употребление абсолютного алкоголя
на душу населения в 1984–1988 годах, л¹⁸

Absolute alcohol consumption per capita in 1984–1988, l

Территория	1984	1985	1986	1987	1988
РСФСР	10,45	8,80	5,20	3,90	4,40
Архангельская область	11,80	9,80	5,90	4,40	4,70
Вологодская область	11,70	10,00	5,80	4,00	4,30

Сопоставляя данные табл. 1 и 3, можно заметить, что в 1986 году, когда употребление алкоголя по сравнению с 1985 годом в Архангельской области сократилось в 1,6 раза, в Вологодской – в 1,7 раза, смертность населения уменьшилась на 14 и 18 % соответственно. Эффект от мер антиалкогольной кампании был моментальным, но краткосрочным: в 1987 году употребление алкоголя достигло минимального значения за весь период, но из-за усиления социально-экономического кризиса уровень смертности по сравнению с 1986 годом в Архангельской области возрос на 3 %, в Вологодской – на 9 %. М.А. Клупт утверждает, что увеличение количества смертей от внешних причин, алкоголизация населения во второй половине 1980-х связаны с высоким уровнем аномии – состояния общества при дезорганизации социальных норм и институтов, увеличении численности людей, попавших в кризисные ситуации [13, с. 146].

Говоря о смертности населения с 1980 по 1990 год, необходимо затронуть тему детской смертности. На фоне роста общей смертности она, преодолев период стагнации, к 1989 году постепенно стала снижаться, что было достигнуто за счет мер, направленных на мониторинг беременностей, улучшение качества врачебного ухода за новорожденными¹⁹.

Как совокупный результат рождаемости и смертности естественный прирост в РСФСР в 1975 году составил 5,9 ‰, а к 1980 году сократился на 17 ‰. С 1980 по 1989 год естественный прирост увеличился с 4,9 до 5,3 ‰, а в 1990-м резко упал до 2,2 ‰ – стал ниже в 2,7 раза по сравне-

¹⁷Составлено по: О работе по преодолению пьянства и алкоголизма в Вологодской области. С. 12–13.

¹⁸Составлено по данным того же источника.

¹⁹Подробный анализ детской смертности в изучаемый период представлен в статье: Тимошина И.А. Младенческая смертность на Европейском Севере России в 1980-е гг. (по материалам Архангельской и Вологодской областей) // Устойчивость демографического развития: детерминанты и ресурсы: сб. науч. ст. Екатеринбург: Ин-т экономики УрО РАН, 2024. С. 155–163.

нию с 1980 годом²⁰. В Архангельской области естественный прирост населения в 1975 году был выше общероссийского на 50 %, в 1980-м – на 27 %, в 1990-м – на 68 %. Но с 1980 по 1990 год, несмотря на период увеличения рождаемости, он сократился в 2 раза. В Вологодской области уровень естественного прироста в 1975–1990 годах был ниже, чем по стране и в Архангельской области, за счет более высоких показателей смертности населения. С 1980 по 1990 год естественный прирост на Вологодчине сократился в 3 раза.

Хотя естественный прирост и уменьшился, в 1990 году ни Архангельская, ни Вологодская область не вступила в стадию депопуляции населения в отличие от регионов Центральной России. В частности, в Костромской и Владимирской областях уже в 1985 году естественный прирост отмечался на уровне 0,7 и 2,2 ‰, а в 1990-м естественное воспроизводство населения сократилось до –0,4 и –0,8 ‰ соответственно²¹.

В середине 1990-х естественный прирост в России был отрицательным (–5,7 ‰). В обобщенном регионе естественная убыль населения была выше, чем по стране: в Архангельской области – на 7 %, в Вологодской – на 35 %. Если сравнивать с Центральной Россией, то демографический провал в исследуемых субъектах был не таким глубоким, как в Костромской и Владимирской областях, где естественный прирост населения в 1995 году составил –9,1 и –8,8 ‰ соответственно²².

Заключение. Рассмотрев показатели естественного воспроизводства населения в исследуемых субъектах, можем определить его основные тенденции и факторы в период с 1980 по 1990 год. Если в середине 1970-х годов рождаемость в изучаемых субъектах была ниже общероссийской, то с 1980 по 1990 год она выросла и превысила показатель по стране. До 1989 года рождаемость в Архангельской об-

ласти была выше, чем в Вологодской, к 1990 году уровень рождаемости в обеих областях выровнялся, затем, к середине 1990-х, последовал спад ниже общероссийского уровня.

В динамике рождаемости Архангельской и Вологодской областей можно выделить периоды. В обоих субъектах рождаемость увеличивалась до 1985 года. Пик рождений в Архангельской области пришелся на 1983 год, в Вологодской – на 1985-й. Повышение рождаемости было связано с увеличением численности женщин детородного возраста в 1980–1985 годах, демографическое поведение которых отличалось большей детностью. Немаловажными факторами интенсификации рождаемости являлись меры государства, направленные на поддержку семьи, и антиалкогольная кампания, благодаря которым уровень рождаемости в 1985–1987 годах оставался стабильно высоким. Позднее, под воздействием глубокого социально-экономического кризиса в стране и ее регионах, негативно влиявшего на демографическое поведение населения, рождаемость в обеих областях сократилась до минимального уровня, а уже в середине 1990-х стала ниже, чем по стране.

Смертность населения Архангельской и Вологодской областей развивалась в условиях незавершенности эпидемиологического перехода. Но если в Архангельской области уровень смертности был ниже, чем по стране, то в Вологодской области данный показатель превышал общероссийский и был выше, чем в соседней области, на 20 %. Благоприятным в плане сокращения количества умерших можно назвать период активного действия антиалкогольной кампании (1986–1987 годы), когда смертность в обобщенном регионе была ниже, чем в 1980–1985 годах, но с 1988 года она вновь увеличилась. В середине 1990-х годов смертность населения Архангельской области сравнивалась с общероссийским показателем, а Вологодской – превысила его.

---

²⁰ГАВО. Ф. П-9746. Оп. 2. Д. 247. Л. 12.

²¹Рождаемость, смертность и естественный прирост населения по регионам Российской Федерации...

²²Там же.

Незавершенность эпидемиологического перехода, сопряженная с разложением общественных институтов, отражалась на структуре причин смерти. На первом месте оказались болезни системы кровообращения. В период действия антиалкогольной кампании доля смертности от внешних причин сократилась, но позднее она снова увеличилась, что было связано с высокой алкоголизацией населения Архангельской и Вологодской областей. Единственным положительным моментом было сокращение младенческой смертности, обусловленное улучшением перинатального мониторинга младенцев.

Естественный прирост населения, хоть и был положительным, в Архангельской обла-

сти сократился за десятилетие в 2 раза, в Вологодской – в 3 раза. Таким образом, несмотря на достаточно высокий по сравнению с общероссийским уровень естественного воспроизводства населения с 1980 по 1990 год, в конце периода – в 1990 году – из-за нарастания неблагоприятных тенденций в рождаемости и общей смертности изучаемые субъекты приблизились к порогу депопуляции. В то же время в Центральной России депопуляционные процессы начались уже в середине 1980-х годов, активно проявились в 1990-м, а демографический провал середины 1990-х был глубже, чем в Архангельской и Вологодской областях.

Список литературы

1. Рыбаковский О.Л. Депопуляция в регионах России: итоги за 1992–2022 гг. и компоненты // *Народонаселение*. 2023. Т. 26, № 2. С. 4–17. <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.2.1>
2. Шабаетов Ю.П. «Новый» Русский Север: историческая провинция в тисках социальных и политических проблем // *Вестн. РУДН. Сер.: Политология*. 2022. Т. 24, № 4. С. 757–778. <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-757-778>
3. Устинкин С.В., Кукольников П.И. Социально-демографические процессы в субъектах РФ с различной этнической структурой: направленность и специфика (на примере Приволжского федерального округа) // *Власть*. 2021. Т. 29, № 3. С. 164–174. <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i3.8176>
4. Демографическая модернизация России, 1900–2000 / под ред. А. Вишневого. М.: Новое изд-во, 2006. 601 с.
5. Население России в XX веке. Исторические очерки: в 3 т. / отв. ред. Ю.А. Поляков. Т. 3, кн. 2. 1980–1990 гг. М.: РОССПЭН, 2011. 295 с.
6. Иванов С.Ф. Центральный механизм демографического перехода // *Демогр. обозрение*. 2022. Т. 9, № 3. С. 4–23. <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i3.16467>
7. Латов Ю.В., Латова Н.В. Скрытая дилемма российской социально-экономической политики стимулирования рождаемости // *Журн. экон. теории*. 2021. Т. 18, № 3. С. 389–402. <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-3.5>
8. Жиромская В.Б. Основные тенденции демографического развития России в XX веке. М.: Кучково поле, 2012. 320 с.
9. Поплаухин В.Е., Латов Ю.В. Смена моделей воспроизводства населения в России XX в. // *Ист.-экон. исслед.* 2009. Т. 10, № 2. С. 63–99.
10. Рыбаковский О.Л., Таюнова О.А. Рождаемость населения России и демографические волны // *Народонаселение*. 2017. № 4(78). С. 56–66.
11. Вишневский А.Г. Эпидемиологический переход и его интерпретации // *Демогр. обозрение*. 2020. Т. 7, № 3. С. 6–50. <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i3.11635>
12. Затравкин С.Н., Вишленкова Е.А. Ухудшение здоровья советских людей в эпоху застоя // *Проблемы соц. гигиены, здравоохранения и истории медицины*. 2021. Т. 29, № 2. С. 359–368. <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-2-359-368>
13. Клупт М.А. Теория демографического развития: институциональная перспектива // *Обществ. науки и современность*. 2005. № 2. С. 139–149.
14. Шельгин К.В. Основные эволюции естественного движения населения Архангельской области // *Экология человека*. 2009. № 10. С. 36–43.
15. Шельгин К.В. Смертность от инсультов и алкоголизация населения Европейского Севера России // *Экология человека*. 2012. № 9. С. 38–41.
16. Жаворонков Ю. Медико-демографические особенности населения Вологодской области (экология человека) // *Сборник научных работ студентов и аспирантов ВГПУ. Вып. 5. Вологда: ВГПУ: Русь, 1997. С. 209–212.*

17. Андреев Е.М. Конечный эффект мер демографической политики 1980-х в России // Мир России. Социология. Этнология. 2016. Т. 25, № 2. С. 68–97.

References

1. Rybakovsky O.L. Depopulation in the Regions of Russia: Results for 1992–2022 and Components. *Narodonaselenie*, 2023, vol. 26, no. 2, pp. 4–17 (in Russ.). <https://doi.org/10.19181/population.2023.26.2.1>
2. Shabaev Yu.P. 'New' Russian North: The Historical Province Amidst of Social and Political Problems. *RUDN J. Polit. Sci.*, 2022, vol. 24, no. 4, pp. 757–778 (in Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-1438-2022-24-4-757-778>
3. Ustinkin S.V., Kukonkov P.I. Social and Demographic Processes in Subjects of the Russian Federation with Different Ethnic Structures: Orientation and Specificity. *Vlast'*, 2021, vol. 29, no. 3, pp. 164–174 (in Russ.). <https://doi.org/10.31171/vlast.v29i3.8176>
4. Vishnevskiy A. (ed.). *Demograficheskaya modernizatsiya Rossii, 1900–2000* [The Demographic Modernization of Russia, 1900–2000]. Moscow, 2006. 601 p.
5. Polyakov Yu.A. (ed.). *Naselenie Rossii v XX veke. Istoricheskie ocherki. T. 3, kn. 2. 1980–1990 gg.* [The Population of Russia in the 20th Century. Historical Essays. Vol. 3, Book 2. Years 1980–1990]. Moscow, 2011. 295 p.
6. Ivanov S. The Central Mechanism of the Demographic Transition. *Demogr. Rev.*, 2022, vol. 9, no. 3, pp. 4–23 (in Russ.). <https://doi.org/10.17323/demreview.v9i3.16467>
7. Latov Y.V., Latova N.V. Russian Pro-Natalist Policy and Its Hidden Dilemma. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii*, 2021, vol. 18, no. 3, pp. 389–402 (in Russ.). <https://doi.org/10.31063/2073-6517/2021.18-3.5>
8. Zhiromskaya V.B. *Osnovnye tendentsii demograficheskogo razvitiya Rossii v XX veke* [Key Trends in the Demographic Development of Russia in the 20th Century]. Moscow, 2012. 320 p.
9. Poplaukhin V.E., Latov Yu.V. Smena modeley vosproizvodstva naseleniya v Rossii XX v. [Changing Models of Reproduction of the Population in Russia in the 20th Century]. *Istoriko-ekonomicheskie issledovaniya*, 2009, vol. 10, no. 2, pp. 63–99.
10. Rybakovsky O.L., Tayunova O.A. Fertility in Russia and Demographic Waves. *Narodonaselenie*, 2017, no. 4, pp. 56–66 (in Russ.).
11. Vishnevskiy A. Epidemiologic Transition and Its Interpretations. *Demogr. Rev.*, 2020, vol. 7, no. 3, pp. 6–50 (in Russ.). <https://doi.org/10.17323/demreview.v7i3.11635>
12. Zatravkin S.N., Vishlenkova E.A. Deterioration of Soviet People's Health in an Era of Stagnation. *Problemy sotsial'noy gigieny, zdravookhraneniya i istorii meditsiny*, 2021, vol. 29, no. 2, pp. 359–368 (in Russ.). <http://dx.doi.org/10.32687/0869-866X-2021-29-2-359-368>
13. Klupt M.A. Teoriya demograficheskogo razvitiya: institutsional'naya perspektiva [Theory of Demographic Development: An Institutional Perspective]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, 2005, no. 2, pp. 139–149.
14. Shelygin K.V. Osnovnye evolyutsii estestvennogo dvizheniya naseleniya Arkhangel'skoy oblasti [Main Evolutions of Natural Population Movement in Arkhangelsk Region]. *Ekologiya cheloveka*, 2009, no. 10, pp. 36–43.
15. Shelygin K.V. Smertnost' ot insul'tov i alkogolizatsiya naseleniya Evropeyskogo Severa Rossii [Stroke Mortality and Alcoholization Among the Population in the European North of Russia]. *Ekologiya cheloveka*, 2012, no. 9, pp. 38–41.
16. Zhavoronkov Yu. Mediko-demograficheskie osobennosti naseleniya Vologodskoy oblasti (ekologiya cheloveka) [Medical and Demographic Characteristics of the Vologda Region's Population (Human Ecology)]. *Sbornik nauchnykh rabot studentov i aspirantov VGPU* [Collected Papers of Students and Postgraduate Students of Vologda State Pedagogical University]. Iss. 5. Vologda, 1997, pp. 209–212.
17. Andreev E.M. The Final Effects of Russia's Demographic Policies of the 1980s. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya*, 2016, vol. 25, no. 2, pp. 68–97 (in Russ.).

Информация об авторе

И.А. Тимошина – аспирант кафедры отечественной истории Вологодского государственного университета (адрес: 162012, г. Вологда, Советский просп., д. 68/48).

Information about the author

Irina A. Timoshina, Postgraduate Student, Department of National History, Vologda State University (address: Sovetskiy prosp. 68/48, Vologda, 162012, Russia).

Поступила в редакцию 02.04.2024
Одобрена после рецензирования 17.09.2024
Принята к публикации 20.09.2024

Submitted 2 April 2024
Approved after reviewing 17 September 2024
Accepted for publication 20 September 2024

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 6. С. 63–72.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 6, pp. 63–72.

Научная статья
УДК 81'42+81'23
DOI: 10.37482/2687-1505-V390

Вербализация эмоций в королевском дискурсе: гендерный аспект

Олеся Анатольевна Ивашкина

Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации, Москва, Россия,
e-mail: oaivashkina@fa.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0229-444X>

Аннотация. Настоящая статья посвящена изучению гендерного аспекта англоязычного королевского дискурса на эмотивном уровне. Рассматривается специфика публичных выступлений членов королевских семей в контексте их роли в качестве номинальных политических фигур, символизирующих традиции и ценности государства. Автор обращается к лингвостилистическим, синтаксическим и гендерным особенностям речей монарших особ, выделяя общечеловеческие эмоции, проявляющиеся через выбор лексики и структуру высказываний. Эмоциональный и эмотивный потенциалы языковых единиц реализуются в речевой деятельности и могут быть представлены как приоритетные для выявления доминантных черт королевской языковой личности. В работе раскрываются способы вербализации базовых эмоций «радость», «грусть», «страх», «гнев» в мужской и женской речи на примере официальных заявлений принцессы Дианы Уэльской и принца Гарри, которые объединены общей тематикой. Анализ эмотивности в королевской речи направлен, в частности, на обнаружение языковых единиц, имеющих эмотивный компонент, на лексическом и синтаксическом уровнях. Отмечается, что в мужской речи эмоции выражаются эксплицитно, а в женской – имплицитно. Рассматриваются эмоциональные акценты и определяется уникальность их вербализации отдельным оратором. Исследование гендерных различий в коммуникативном поведении представителей британской королевской династии позволяет понять специфику их ценностных ориентаций. Делается вывод о том, что мужская речь преисполнена желанием служения обществу, которому препятствуют рамки устоявшихся королевских традиций. В ней проявляется решимость преодолеть страх и осуществить перемены с целью обретения новых способов самореализации и идентификации. В то же время женское выступление отличает превалирование семейных ценностей над общественными обязательствами. Результаты исследования могут быть полезны для дипломатов, лингвистов, политологов, специалистов в области межкультурной коммуникации и преподавателей английского языка при определении стратегий эффективного межкультурного взаимодействия и формировании принципов сотрудничества с учетом выявленных особенностей.

Ключевые слова: гендерная лингвистика, вербализация эмоций, коммуникативное поведение, эмотивность, монархический дискурс, британская королевская династия

Для цитирования: Ивашкина, О. А. Вербализация эмоций в королевском дискурсе: гендерный аспект / О. А. Ивашкина // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 6. – С. 63-72. – DOI 10.37482/2687-1505-V390.

© Ивашкина О.А., 2024

Original article

Verbalization of Emotions in Royal Discourse: A Gender Aspect

Olesya A. Ivashkina

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russia,

e-mail: oaivashkina@fa.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0229-444X>

Abstract. This article dwells on the gender aspect of the English-language royal discourse at the emotive level. The specifics of public speeches of members of royal families are considered in the context of their role as nominal political figures symbolizing the country's traditions and values. The author addresses linguistic, stylistic, syntactic and gender-related peculiarities of royal speeches, emphasizing universal emotions manifested through the choice of vocabulary and syntactic structures. The emotional and emotive potential of language units is unlocked in speech and can be considered crucial for identifying the dominant features of the royal linguistic personality. The paper examines how basic emotions such as happiness, sadness, fear, and anger are verbalized in male and female speech using the example of official statements by Princess Diana and Prince Harry on a similar topic. The analysis of emotiveness in royal speech is aimed to identify language units having emotive components at the lexical and syntactic levels. It is pointed out that in male speech emotions are explicit, while in female, implicit. Further, emotive emphasis is considered and the uniqueness of its verbalization by an individual speaker is determined. The study of gender-related differences in the communicative behaviour of members of the British royal family sheds some light on the specifics of their value orientations. A conclusion is drawn that speeches of male royals are filled with a desire to serve society, which is hindered by the framework of established royal traditions, as well as determination to overcome fear and find new ways of self-realization and identification. At the same time, speeches of female royals are distinguished by the prevalence of family values over social obligations. The results of the study can be of use for diplomats, linguists, political scientists, specialists in intercultural communication and English teachers in determining strategies for effective cross-cultural interaction and formulating principles of cooperation taking into account the identified specific features.

Keywords: *gender linguistics, verbalization of emotions, communicative behaviour, emotivity, royal discourse, British royal family*

For citation: Ivashkina O.A. Verbalization of Emotions in Royal Discourse: A Gender Aspect. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 6, pp. 63–72. DOI: 10.37482/2687-1505-V390

Введение. Роль эмоций в жизни человека невозможно переоценить. Все, с чем сталкивается человек в процессе своей жизни, вызывает у него определенную реакцию, а значит, те или иные эмоции. Умение определять собственные эмоции, распознавать эмоции других людей, понимать их состояние и действовать на основе этих знаний помогает человеку лучше взаимодействовать в обществе, выполнять совместную

деятельность и выстраивать эффективное общение. Очевидна причина, по которой, согласно исследованиям, эмоциональный интеллект является одним из популярных понятий настоящего времени и считается одним из наиболее важных над-профессиональных навыков современности¹. А изучение эмоциональных состояний человека и способов их выражения вызывает интерес у разных специалистов, в т. ч. лингвистов.

---

¹The Top 10 In-Demand Soft Skills to Learn in 2024. URL: <https://www.forbes.com/sites/rachelwells/2024/02/07/the-top-10-in-demand-soft-skills-to-learn-in-2024-based-on-research/?sh=81ed3c62b98b> (дата обращения: 08.11.2024).

Именно экстенсивное общение входит в обязанности представителей европейских королевских семей, поскольку роль многих монархий в настоящее время заключается в олицетворении традиций, семейных устоев и ценностей. В их задачи входят участие в многочисленных встречах, патронаж благотворительных фондов и другие виды взаимодействия. Адекватная вербализация эмоций является одним из ключевых аспектов коммуникации. От речевого поведения представителей королевских семей зависят эффективность выполнения функциональных обязанностей и успешность монархии в глазах общественности.

Цель настоящего исследования заключается в определении языковых средств выражения эмоций в публичных речах представителей британской королевской династии и выявлении гендерных особенностей их речевого поведения в рамках выступлений. Для достижения цели были поставлены следующие задачи:

– рассмотреть существующие характеристики вербализации эмоций в современной лингвистике;

– раскрыть гендерные особенности средств репрезентации эмоционального состояния в речах принцессы Дианы и принца Гарри;

– проанализировать гендерные особенности лексических единиц, имеющих эмотивный компонент, в лексико-синтаксической структуре текста.

Актуальность данного исследования обусловлена недостаточной степенью изученности публичных речей членов королевских семей с точки зрения гендерных особенностей вербализации эмоций. Внимание фокусируется на определении возможности транслирования субъективных эмоциональных переживаний в протокольных речах и публичных выступлениях, т. е. в условиях, требующих сдержанности, следования определенным нормам поведения, демонстрации миролюбия.

Обзор литературы. В научной парадигме представлено множество классификаций эмоций, но до сих пор нет единого мнения о количестве фундаментальных эмоций (деляют от 4 до 12). Однако в 2014 году группа

ученых из Университета Глазго в ходе эксперимента пришла к выводу, что базовыми (обеспечивающими выживание субъекта) можно считать только 4: радость, грусть, страх и гнев [1].

Понятие «эмоциональность» на уровне языка трансформируется в термин «эмотивность». Такое мнение высказывает В.И. Шаховский, детерминируя эмотивность как «имманентно присущее языку семантическое свойство выражать системой своих средств эмоциональность как факт психики» [2, с. 24]. Это означает, что язык обладает средствами, при помощи которых человек выражает субъективные чувства и эмоции.

Существуют различные подходы к описанию и определению типов эмотивной лексики. В.И. Шаховский делит эмотивную лексику на три группы с учетом семантики эмотивной единицы: логико-предметный компонент лексики с номинативной функцией; эмотивный компонент лексики со значением эмоционального отношения; функционально-стилистический компонент лексики со значением эмоциональной характеристики [3].

Как утверждает Л.Г. Бабенко, при изучении эмотивной лексики учитываются такие категории, как экспрессивность, образность и оценочность [4]. При этом одни ученые отождествляют эмотивность и экспрессивность (Ш. Балли [5]), считают эмотивность и оценочность единичными категориями (В.И. Шаховский [3], Н.А. Лукьянова [6]), а другие настаивают на дифференцировании понятий «эмоциональный» и «экспрессивный» (Е.М. Галкина-Федорук [7]).

Очевидно, что выражение эмоций субъективно и зависит от множества факторов, включая культурные, социальные и биологические. Природно обусловленные концепты «феминность» и «маскулинность» рассматриваются в рамках гендерной лингвистики и не теряют значимости.

Авторы ряда работ, посвященных репрезентации гендерных особенностей эмоциональной сферы личности в языке [8], проявлению эмоций в мужской и женской речи в телевизионном дискурсе [9], печатных СМИ [10], новых

медиа [11, 12] и художественной литературе [13], определяют средства и особенности вербализации эмоций в речи мужчин и женщин. В исследованиях подчеркивается, что женщины проявляют большую эмоциональность и открыто выражают свои чувства. Им свойственно употребление синонимических рядов и метафор для усиления эмоциональной выразительности высказывания, в то время как у мужчин наблюдается более сдержанная экспликация чувств, что может выражаться в использовании меньшего количества лексических единиц с эмоциональной окраской и склонности скрывать свои эмоции за метафорическими выражениями. Женская речь характеризуется большим разнообразием лексических единиц, которые детерминируют степень экспрессивности, а также включает восклицательные предложения и междометия. Мужскую речь, в свою очередь, отличают специализированные термины и профессиональная лексика. Отмечается, что женщины чаще используют прилагательные с положительной оценкой, различные формы хеджирования и эвфемизмы. Мужчины для выражения положительных эмоций могут прибегать к жаргонизмам, а с помощью обценной лексики проявлять крайнюю степень раздражения.

Манифестация эмоций в текстах официальных речей представителей королевских династий не подвергалась детальному анализу с точки зрения гендерной маркированности. Целесообразным видятся рассмотрение публичных выступлений членов королевских семей как отдельного дискурсивного пространства и выявление обозначенности гендера в вербальных проявлениях чувств и эмоций.

Материалы и методы. В качестве объекта проводимого исследования выступают две публичные речи членов британской королевской семьи – “Time and Space” принцессы Дианы² и “Exit Speech” принца Гарри³. В декабре 1993 го-

да принцесса Уэльская заявила о намерении сократить количество выполняемых ею официальных обязанностей, а в январе 2020 года принц Гарри прокомментировал свое намерение сложить королевские полномочия. Отличающиеся единой тематикой, принадлежностью обоих ораторов к королевской семье и противоположному полу, тексты выступлений могут послужить релевантным материалом исследования для достижения заявленной цели. Корпус методов, применяемых в работе при анализе, классификации и описании материала, включает в себя: метод теоретического исследования, метод параметрического исследования коммуникативного поведения, метод лингвистического наблюдения над функционированием языковых средств в королевском дискурсе, метод контекстуального анализа.

Результаты. В речи принцессы присутствует большое количество существительных-эмотивов, репрезентирующих разнообразную палитру чувств: *love, affection, pleasure, desire, disappointment, kindness, gratitude, hope*. В речи принца наблюдается скромный набор существительных с прямой номинацией: *love, happiness, sadness*. Отметим лексические компоненты, связанные с концептом «мужественность»: *respect, pride, honour, courage* [14].

Несомненно, в условиях современной лингвистической парадигмы невозможно изучать язык без учета личности говорящего. Ю.Н. Караулов утверждает, что «за каждым текстом стоит языковая личность, владеющая системой языка» [15, с. 27]. В.В. Виноградов подчеркивает, что «слово переливает экспрессивными красками социальной среды. Отражая личность (индивидуальную и коллективную) субъекта речи, характеризуя его оценку действительности, оно квалифицирует его как представителя той или иной общественной группы» [16, с. 21]. Отдельный субъект наделяет каждое сло-

---

²Diana, Princess of Wales Speech (Time and Space). URL: http://www.chakra.co.uk/diana_mental_health.htm (дата обращения: 08.11.2024).

³Prince Harry’s Exit Speech (There Was No Other Option). URL: <https://edition.cnn.com/2020/01/20/uk/transcript-prince-harry-speech-intl-gbr/index.html> (дата обращения: 08.11.2024).

во значением сообразно эмоциональному состоянию, сложившейся атмосфере, контексту: «Экспрессия всегда субъективна, характерна и лична» [16, с. 21]. Рассмотрим языковые манифестации ключевых эмоций в королевском дискурсе.

Радость (*happiness*). Согласно определению, которое предлагает Collins Dictionary⁴, *happiness* – это удовольствие (*pleasure*), которое возникает обычно потому, что произошло что-то приятное (*nice*), или потому, что человек чувствует удовлетворенность (*satisfaction*) своей жизнью.

В речи принцессы и принца выражения, имеющие устойчивый компонент «радость», сопряжены с удовольствием от взаимодействия и единения с общественностью, служения своему народу:

“It is a *pleasure* to be here with you again...” (*Time and Space*);

“It has been our *privilege* to serve you...” (*Exit Speech*).

Обращает на себя внимание выбор лексики *privilege* для выражения эмоции «радость». Она соответствует второй дефиниции, приведенной в Cambridge Dictionary⁵ (*an opportunity to do something special or enjoyable*). Это осознанный выбор представителя мужского пола. Это не простое счастье, это исключительная возможность, доставляющая особую радость.

Радость от любви к женщине находит отражение в выступлении принца:

“...as you saw me find the *love* and *happiness* that I had hoped for all my life. Finally, the second son of Diana got hitched, *hurray!*”

В следующем примере радость за сына, переживаемая принцем, усиливается от разделения этого чувства с другими людьми, что находит подтверждение в повторении слова *privilege*, которое упоминалось ранее в ином контексте:

“It has also been a *privilege* to meet so many of you, and to *feel your excitement* for our son Archie, who saw snow for the first time the other day and thought it was *bloody brilliant!*”

В выражении *bloody brilliant* наречие выступает интенсификатором и контекстуально подчеркивает эмоциональный восторг и восхищение. Однако стоит отметить, что подобные слова не типичны для официальной речи.

Удовлетворение (*satisfaction*) как компонент рассматриваемой эмоции сопряжено с успехом и чувством гордости за достигнутые результаты [17]. В Cambridge Dictionary находим определение слова *pride* («гордость»): это чувство удовлетворения (*satisfaction*) от достижений собственных или людей, связанных с тобой. *Honour* («честь») в том же словаре объединяется с чувством гордости и уважением (*respect*).

Оба представителя британской монархии вербализуют чувство удовлетворения от исполнения королевских обязанностей в единении с народом с помощью прилагательных и существительных:

“I’m so *proud* of the work you’ve achieved” (*Time and Space*);

“I was born into this life, and it is a *great honour* to serve my country and the Queen” (*Exit Speech*).

Источником радости может служить *любовь*. Любовь, находим в определениях Collins Dictionary, возникает от ощущения, что счастье другого человека или успешность дела являются важными (*important*) и могут порождать доброту (*kindness*) и заботу (*care*). Это чувство сопряжено с желанием защищать (*protect*) и поддерживать (*support*).

В речи принцессы понятие «любовь» отражено в лексических единицах, передающих отношение к своим детям и рабочим инициативам:

“My *first priority* will continue to be our children, who deserve as much *love*, and *care*, and *attention* as I am able to give”.

Несмотря на то, что речь принца была официальным объявлением о прекращении выполнения королевских обязанностей, она пронизана желанием показать общественности, что его

⁴Collins Dictionary. URL: <https://www.collinsdictionary.com> (дата обращения: 08.11.2024).

⁵Cambridge Dictionary. URL: <https://www.dictionary.cambridge.org> (дата обращения: 08.11.2024).

любовь к стране остается неизменной и участие в жизни британского общества имеет для него огромное значение. Он говорит об этом в финале своей речи, используя идиоматическое выражение со значением *revere* и прилагательное с усиливающим наречием:

“I will continue to be the same man who *holds his country dear* and dedicates his life to supporting the causes, charities and military communities that are *so important to me*”.

Благодарность общественности и главенствующей королевской чете за любовь, заботу, оказанное доверие, доброе расположение и поддержку Диана передает с помощью ряда существительных, прилагательных и фразового глагола (*kindness, generous affection, full understanding, support, carried me through*).

Чувство благодарности к общественности за одобрение и поддержку наблюдается и в коммуникации принца – он употребляет глагольные формы и идиомы, с помощью которых повышается экспрессивность высказываний:

“I have grown up feeling *supported* from so many of you, and I watched as you *welcomed Meghan with open arms*...”;

“When I lost my mum 23 years ago, you *took me under your wing*”.

Грусть (*sadness*). Эта эмоция имеет полярное значение по отношению к базовому концепту «радость». К лексемам, передающим эмоциональное состояние грусти, относятся *безнадежность, депрессия, меланхолия, печаль* и т. п. Зачастую данная эмоция связана с завершением процесса или жизненного периода и влечет необходимость принятия новой реальности и адаптации к новым условиям, стимулирует поиск и обретение новых смыслов.

В Cambridge Dictionary грусть определяется как ощущение себя несчастным (*unhappy*), а состояние – *unhappy* – характеризуется отсутствием удовольствия (*pleasure*) и удовлетворения (*satisfaction*), неудачно складывающимися обстоятельствами (*unlucky conditions or situation*). В Collins Dictionary также указывается, что грусть обычно является следстви-

ем чего-либо произошедшего, что не нравится (*usually because something has happened that you do not like*) и нежеланно (*undesirable*).

В сознании человека *несбыточность ожиданий* и *вынужденные неприятные изменения* в жизни приводят к печали. В речи принцессы печаль выражена опосредованно, имплицитно:

“A year ago, I spoke of my desire to *continue* with my work *unchanged*. For the past year I *have continued* as before. However, life and circumstances *alter* and I hope you will forgive me if I use this opportunity to share with you my plans for the future which now indeed *have changed*”.

В данном примере наблюдается ряд выразительных средств, в т. ч. глагольные формы с противоположным и синонимичным значением, которые не только иллюстрируют динамику событий, но и передают эмоции, с ними сопряженные. Согласно Ю. Эбзеевой и Г. Ленько, синонимы являются одним из наиболее распространенных способов выражения категории эмотивности на лексическом уровне [18].

В речи принца грусть номинируется прямо: “...it brings me great *sadness* that it has come to this”.

Страх (*fear*). Это эмоция, возникающая при обнаружении опасности. Страх может быть инстинктивным или основанным на знании опасного опыта, которое несет стремление избежать повторения негативных переживаний. Страх порождает стремление предотвратить, отдалить, снизить уровень угрозы. Он может быть деструктивным и почти непереносимым.

В Cambridge Dictionary страх определяется как неприятная эмоция, вызванная чем-то опасным (*danger*) или болезненным (*painful*), а боль – как физическое или эмоциональное переживание, которое хочется остановить.

В официальном выступлении принцессы Дианы данная эмоция объективируется прежде всего непрямыми номинантами соответствующей семантики. Но мы понимаем, что принцесса воспринимает повышенное внимание, идущее со стороны СМИ, как опасность. Его масштабы пугают ее, и она хочет оградить себя от этого:

“But I was not aware of how *overwhelming* that *attention* would become. Nor the *extent* to which it would affect both my public duties and my personal life, in a manner that’s been *hard to bear*... I will be *reducing the extent* of the public life...”

Страх может сопровождаться *надеждой*. Как говорил Ф. де Ларошфуко, «где надежда, там и боязнь: боязнь всегда полна надежды, надежда всегда полна боязни» [19, с. 130]. За надеждой могут скрываться неуверенность и боязнь грядущих перемен:

“...I would step my family back from all I have ever known, to take a step forward into what I *hope* can be a more peaceful life” (*Exit Speech*);

“I *hope*, in some way, I’ve been of service in return” (*Time and Space*);

“...combining a meaningful public role, with *hopefully*, a more private life” (*Time and Space*).

Использование однокоренных глаголов и наречия подчеркивает личное и эмоциональное отношение Дианы и Гарри к своей роли в общественной и личной жизни. Эти слова выражают не только надежду, но и уязвимость, что делает высказывания более человечными и доступными для понимания.

Гнев (*anger*). Данная эмоция сопряжена с состоянием крайнего раздражения или возмущения, чаще всего обусловлена различными причинами – от непонимания до неудовлетворенности результатами. Cambridge Dictionary определяет гнев как сильное чувство, вызывающее желание причинить кому-то боль или заставляющее вести себя/выглядеть неприятно. Мы не находим проявления этой эмоции ни в женском, ни в мужском характеризуемом языковом материале, что, полагаем, связано с определенным статусом королевских особ, предполагающим демонстрацию достоинства, умение контролировать свои эмоции и сдерживать проявление гнева в публичных выступлениях.

Официальные публичные королевские речи отличаются от обиходно-разговорного и литературного жанров. Публичные выступления королевских особ предполагают официально-деловой стиль речи, формальную лексику. Проанализиро-

вав эмпирический материал, мы выявили очевидное гендерное различие. Речь принцессы имеет более сдержанную форму и принадлежит к официальному стилю. Экспрессивность проявляется в употреблении стилистически окрашенных прилагательных и наречий положительной и негативной окраски. Используемые лексические интенсификаторы (наречия, прилагательные, глаголы, частицы) подчеркивают степень эмоциональности (*proud, wonderful, heartfelt, generous, meaningful, honestly, hopefully, great*) и оценочное суждение (*hard, difficult, inevitably*). Принц употребляет менее яркие лексемы – в его речи превалирует частица *so* (*so many, so long, so much bigger, so important*). Его выступление наполнено большим количеством фразеологизмов, в нем присутствуют восклицательные предложения, междометие, пример морально-этической оценки (*right and just*), чего не наблюдается в тексте женской речи.

Выступления членов королевских фамилий, хоть и могут иметь много общего с политическим дискурсом, отличаются от речей профессиональных политиков и даже представителей правящих династий. К примеру, дискурсивный анализ обращения к молодежи принца Иордании, где формой правления является дуалистическая монархия, показывает мотивационный характер выступления и продвижение определенной идеологии в интересах государства [20]. В то же время монархи в ряде европейских стран, включая Великобританию, утратили роль действительного управления государством и выступают лишь номинальными политическими фигурами, значение которых сводится к выполнению церемониальных функций. Важной сферой их деятельности является благотворительность. Они выражают поддержку и демонстрируют служение своему народу. Именно эти идеи находят отражение в их выступлениях. Так, исследование рождественских речей британских монархов обнаруживает, что в обращениях преобладают языковые структуры, передающие эмоциональное состояние. В частности, на личном примере говорится о привычных семейных традициях с целью вызвать отклик у слушате-

лей [21]. Тема «служение стране и единение с народом» широко представлена в речи Дианы и Гарри базовыми эмоциями «радость» (в т. ч. в рамках сем 'благодарность' и 'удовлетворение'), «страх» (семой 'надежда') и «грусть».

Заключение. В ходе исследования выявлены лингвистический статус эмоционального компонента королевского дискурса и его связь с феноменом социального статуса. В русле описания базовых эмоций (радость, горе, страх, печаль) были определены лексико-синтаксические индикаторы эмоционального состояния представителей британской королевской семьи – принцессы Дианы и принца Гарри. Эмоционально-экспрессивная гендерная специфика коммуникативного поведения членов королевской династии характеризуется схожими, но не всегда совпадающими проявлениями [22]. Эмоции «радость» и «грусть» в мужском варианте выражены эксплицитно (*happiness, sadness*), а в женском – опосредованно. Наиболее широко в обоих речах представлена эмоция «радость». В женской коммуникации она проявляется разнообразным спектром семантических полей, основным из которых выступает сема 'благодарность'. В мужском обращении эмоция «радость» выражена более очевидно.

Каждый автор расставляет собственные акценты. В обращении принцессы к общественности явно обозначены стремление избежать

чрезмерного публичного присутствия и предпочтение уединенной жизни во имя заботы о детях и личного пространства. Здесь наблюдается проявление эмоций «грусть» и «страх» с надеждой на понимание и принятие со стороны окружающих. Мужской нарратив транслирует личное счастье и готовность служения обществу, омраченные внешними обстоятельствами, которые вынуждают адаптировать жизненную стратегию.

Чувственное восприятие окружающей действительности различается у мужчин и женщин, и своеобразие эмоционального опыта, приобретаемого в противоположных гендерных парадигмах, находит отражение на вербальном уровне.

Дальнейшие исследования королевского дискурса могут служить источником информации для специалистов в области политики и дипломатии. Лингвистический анализ высказываний раскрывает личностную сущность, дает понимание индивидуальной и гендерной специфики ценностных ориентаций, способствуя эффективному межкультурному взаимодействию и формированию принципов интеракции с учетом выявленных особенностей. Исследование эмоций в языке с учетом гендерных аспектов позволяет глубже понять не только лексическую структуру речи, но и социальные механизмы формирования социальной идентичности через язык.

Список литературы

1. Jack R.E., Garrod O.G.B., Schyns P.G. Dynamic Facial Expressions of Emotion Transmit an Evolving Hierarchy of Signals over Time // *Curr. Biol.* 2014. Vol. 24, № 2. P. 187–192. <https://doi.org/10.1016/j.cub.2013.11.064>
2. Шаховский В.И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1987. 190 с.
3. Шаховский В.И. Типы значений эмотивной лексики // *Вопр. языкознания.* 1994. № 1. С. 20–25.
4. Бабенко Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. 184 с.
5. Балли Ш. Французская стилистика / пер. с фр. К.А. Долинина; под ред. Е.Г. Эткинда. 2-е изд., стер. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 393 с.
6. Лукьянова Н.А. Экспрессивная лексика разговорного употребления в семантическом аспекте // *Вестн. Новосибир. гос. ун-та. Сер.: История, филология.* 2015. Т. 14, вып. 9. С. 183–200.
7. Галкина-Федорук Е.М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке // *Сборник статей по языкознанию: проф. Моск. ун-та акад. В.В. Виноградову [в день его 60-летия]* / под общ. ред. А.И. Ефимова. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1958. С. 103–124.

8. Колтакова Л.В. Проявление гендерной специфики эмоциональной сферы личности в языке // Вестн. Томск. гос. пед. ун-та. 2018. Вып. 6(195). С. 62–67. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2018-6-62-67>
9. Горячева И.Н. Гендерные эмотивные характеристики языковой личности // Актуальные вопросы современных научных исследований: сб. ст. III Междунар. науч.-практ. конф. Пенза: Наука и Просвещение (ИП Гуляев Г.Ю.), 2023. С. 139–141.
10. Цыбульская М.П. Эмотивность в современных медиатекстах (гендерный аспект) // Роль женщины в развитии современной науки и образования: сб. материалов междунар. науч.-практ. конф. Минск: БГУ, 2016. С. 241–244. URL: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/195239> (дата обращения: 25.04.2024).
11. Катермина В.В., Илмаз-Леденева Т.О. Гендерная специфика выражения эмоций в дискурсе социальных сетей // Человек: Образ и сущность. Гуманит. аспекты. 2021. № 2(46). С. 20–33. <https://doi.org/10.31249/chel/2021.02.02>
12. Ломова О.Е. Гендерные особенности выражения эмоций в жанре интернет-дневника // Балт. гуманит. журн. 2020. Т. 9, № 4(33). С. 280–284. <https://doi.org/10.26140/bgz3-2020-0904-0072>
13. Шайхутдинова А.М. Гендерные аспекты языковой личности нарратора (на материале современных британских произведений) // Филол. науки. Вопр. теории и практики. 2016. № 9-2(63). С. 185–189.
14. Мистрюкова Е.В. Средства репрезентации концептов «мужественность» и «женственность» в современном английском языке: дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2005. 229 с.
15. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность. М.: Изд-во ЛКИ, 2010. 264 с.
16. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове). М.: Высш. шк., 1986. 640 с.
17. Seligman M.E.P. Authentic Happiness: Using the New Positive Psychology to Realize Your Potential for Lasting Fulfillment. N. Y.: Free Press, 2002. 321 p.
18. Эбзеева Ю.Н., Ленко Г.Н. Лексические средства выражения эмотивности (на материале текстов художественных произведений современных английских, французских и немецких авторов) // Вестн. РУДН. Сер.: Рус. и иностр. яз. и методика их преподавания. 2016. № 1. С. 142–151.
19. de Ларошфуко Ф. Мемуары. Максимумы / подгот. А.С. Бобович, Э.Л. Линецкая, М.В. Разумовская, Н.Я. Рыкова. М.: Наука, 1993. 278 с. (Лит. памятники).
20. Al-khawaldeh N., Al-Shboul O., Alakhainei A., Al-Nusairat R. A Discourse Analysis of His Royal Highness Crown Prince Al-Hussein's Speeches on Youth Empowerment // Int. J. Soc. Cult. Lang. 2024. Vol. 12, № 1. P. 226–238. <https://doi.org/10.22034/ijsc.2023.2014406.3238>
21. Tang J. Study on Speech Discourse in the Christmas Broadcasts Made by Queen Elizabeth II and King Charles III from Perspective of Aristotle's Rhetoric // Int. J. Educ. Humanit. 2023. Vol. 11, № 3. P. 299–302.
22. Блажевич Ю.С., Бузинова Л.М., Волошина Т.Г. К вопросу о специфике языковой реализации социокультурного явления политкорректности // Науч. мысль Кавказа. 2024. № 1(117). С. 126–133.

References

1. Jack R.E., Garrod O.G.B., Schyns P.G. Dynamic Facial Expressions of Emotion Transmit an Evolving Hierarchy of Signals over Time. *Curr. Biol.*, 2014, vol. 24, no. 2, pp. 187–192. <https://doi.org/10.1016/j.cub.2013.11.064>
2. Shakhovskiy V.I. *Kategorizatsiya emotsiy v leksiko-semanticheskoy sisteme yazyka* [Categorization of Emotions in the Lexical-Semantic System of Language]. Voronezh, 1987. 190 p.
3. Shakhovskiy V.I. Tipy znacheniy emotivnoy leksiki [Types of Meanings of Emotive Vocabulary]. *Voprosy yazykoznaniya*, 1994, no. 1, pp. 20–25.
4. Babenko L.G. *Leksicheskie sredstva oboznacheniya emotsiy v russkom yazyke* [Lexical Means of Expressing Emotions in the Russian Language]. Sverdlovsk, 1989. 184 p.
5. Bally C. *Traite de stylistique francaise*. Paris, 1951 (Russ. ed.: Balli Sh. *Frantsuzskaya stilistika*. Moscow, 2001. 393 p.).
6. Luk'yanova N.A. Ekspressivnaya leksika razgovornogo upotrebleniya v semanticheskom aspekte [Expressive Colloquial Lexis in Semantic Aspect]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Istoriya, filologiya*, 2015, vol. 14, no. 9, pp. 183–200.
7. Galkina-Fedoruk E.M. Ob ekspressivnosti i emotsional'nosti v yazyke [On Expressivity and Emotionality in Language]. Efimov A.I. (ed.). *Sbornik statey po yazykoznaniyu* [Collected Articles on Linguistics]. Moscow, 1958, pp. 103–124.
8. Kolpakova L.V. Proyavlenie gendernoy spetsifiki emotsional'noy sfery lichnosti v yazyke [The Manifestation of Gender Specificity of the Emotional Sphere in the Language]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*, 2018, no. 6, pp. 62–67. <https://doi.org/10.23951/1609-624X-2018-6-62-67>

9. Goryacheva I.N. Gendernye emotivnye kharakteristiki yazykovoy lichnosti [Gender-Specific Emotive Characteristics of Linguistic Personality]. *Aktual'nye voprosy sovremennykh nauchnykh issledovaniy* [Current Issues of Modern Research]. Penza, 2023, pp. 139–141.

10. Tsybul'skaya M.P. Emotivnost' v sovremennykh mediatekstakh (gendernyy aspekt) [Emotivity in Modern Media Texts (Gender Aspect)]. *Rol' zhenshchiny v razvitiy sovremennoy nauki i obrazovaniya* [The Role of Women in the Development of Modern Science and Education]. Minsk, 2016, pp. 241–244. Available at: <https://elib.bsu.by/handle/123456789/195239> (accessed: 25 April 2024).

11. Katermina V.V., Ilmaz-Ledeneva T.O. Gender Specifics of Expression of Emotions in the Discourse of Social Networks. *Chelovek: Obraz i sushchnost'. Gumanitarnye aspekty*, 2021, no. 2, pp. 20–33 (in Russ.). <https://doi.org/10.31249/chel/2021.02.02>

12. Lomova O.E. Gendernye osobennosti vyrazheniya emotsiy v zhanre internet-dnevnik [Gender and Emotion Expression in the Internet Diary Genre]. *Baltiyskiy gumanitarnyy zhurnal*, 2020, vol. 9, no. 4, pp. 280–284. <https://doi.org/10.26140/bgz3-2020-0904-0072>

13. Shaykhutdinova A.M. Gendernye aspekty yazykovoy lichnosti narratora (na materiale sovremennykh britanskikh proizvedeniy) [The Gender Aspects of a Narrator's Language Personality (by the Material of Contemporary British Literary Works)]. *Filologivheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2016, no. 9-2, pp. 185–189.

14. Mistryukova E.V. *Sredstva reprezentatsii kontseptov "muzhestvennost'" i "zhenstvennost'" v sovremennoy angliyskom yazyke* [Means of Representation of the Concepts of Masculinity and Femininity in Modern English: Diss.]. Samara, 2005. 229 p.

15. Karaulov Yu.N. *Russkiy yazyk i yazykovaya lichnost'* [The Russian Language and Linguistic Personality]. Moscow, 2010. 264 p.

16. Vinogradov V.V. *Russkiy yazyk (Grammaticheskoe uchenie o slove)* [The Russian Language (Grammatical Teaching About the Word)]. Moscow, 1986. 640 p.

17. Seligman M.E.P. *Authentic Happiness: Using the New Positive Psychology to Realize Your Potential for Lasting Fulfillment*. New York, 2002. 321 p.

18. Ebzeeva Yu.N., Len'ko G.N. Leksicheskie sredstva vyrazheniya emotivnosti (na materiale tekstov khudozhestvennykh proizvedeniy sovremennykh angliyskikh, frantsuzskikh i nemetskikh avtorov) [Lexical Expressive Means of Emotivity (Based on Modern French, English and German Fiction)]. *Vestnik RUDN. Ser.: Russkiy i inostrannyye yazyki i metodika ikh prepodavaniya*, 2016, no. 1, pp. 142–151.

19. de La Rochefoucauld F. *Memuary. Maksimy* [Memoirs. Maxims]. Moscow, 1993. 278 p.

20. Al-Khawaldeh N., Al-Shboul O., Altakhaineh A., Al-Nusairat R. A Discourse Analysis of His Royal Highness Crown Prince Al-Hussein's Speeches on Youth Empowerment. *Int. J. Soc. Cult. Lang.*, 2024, vol. 12, no. 1, pp. 226–238. <https://doi.org/10.22034/ijsc.2023.2014406.3238>

21. Tang J. Study on Speech Discourse in the Christmas Broadcasts Made by Queen Elizabeth II and King Charles III from Perspective of Aristotle's Rhetoric. *Int. J. Educ. Humanit.*, 2023, vol. 11, no. 3, pp. 299–302.

22. Blazhevich Yu.S., Buzinova L.M., Voloshina T.G. K voprosu o spetsifike yazykovoy realizatsii sotsiokul'turnogo yavleniya politkorrektnosti [On Linguistic Realization Specifics of the Socio-Cultural Phenomenon of Political Correctness]. *Nauchnaya mysl' Kavkaza*, 2024, no. 1, pp. 126–133.

Информация об авторе

О.А. Ивашкина – старший преподаватель кафедры иностранных языков и межкультурной коммуникации Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (адрес: 115191, Москва, 4-й Рощинский проезд, д. 9а).

Information about the author

Olesya A. Ivashkina, Senior Lecturer, Department of Foreign Languages and Intercultural Communication, Financial University under the Government of the Russian Federation (address: 4-y Roshchinskiy proezd 9a, Moscow, 115191, Russia).

Поступила в редакцию 10.06.2024

Одобрена после рецензирования 05.10.2024

Принята к публикации 11.10.2024

Submitted 10 June 2024

Approved after reviewing 5 October 2024

Accepted for publication 11 October 2024

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 6. С. 73–82.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 6, pp. 73–82.

Научная статья
УДК 811.161.1'27
DOI: 10.37482/2687-1505-V391

Перцептивный портрет Беловежской пушчи в региональном языковом сознании

Инна Леонидовна Ильичева

Минский государственный лингвистический университет, Минск, Республика Беларусь,
e-mail: ilicheva@list.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3610-8147>

Аннотация. Представлены результаты экспериментального исследования перцептивного воплощения концепта БЕЛОВЕЖСКАЯ ПУЩА как фрагмента региональной картины мира. Цель настоящей статьи – охарактеризовать способ выражения рассматриваемого концепта в языковом сознании жителей Брестского региона на основе моделирования и анализа его перцептивной составляющей. Основным методом исследования выступает антропометрический – в сочетании с приемами статистического и контекстного анализа. Материалом служат ассоциативные реакции на словосочетание-стимул «Беловежская пушча», полученные автором в ходе обработки 300 анкет респондентов. Участники эксперимента – жители Брестской области – относятся к трем возрастным группам: школьники, студенты, занятое население. Описание перцептивных признаков выстраивается от наиболее частотных к наименее частотным. В результате количественной обработки реакций выявлены хроматологический, аудиальный и ольфакторный образы концепта. В каждом из этих образов фиксируются доминантные и периферийные единицы. В ходе исследования установлено, что границы между характеризуемыми модусами не являются четкими. Респонденты, описывая Беловежскую пушчу, в ряде случаев используют симбиоз сразу нескольких модусов, на основе которого фиксируются осязательно-зрительные, вкусо-обонятельные и зрительно-слуховые образы. Феномен синестезии служит средством выражения впечатлений и эмоций от посещения Беловежской пушчи. Анализ полученных данных позволяет определить концепт БЕЛОВЕЖСКАЯ ПУЩА как коммуникативно релевантный в восприятии жителей Брестчины: в региональной картине мира не только актуализируется понятийный компонент, но и моделируется многоуровневый перцептивный образ, наполненный уникальными коннотациями. **Ключевые слова:** направленный ассоциативный эксперимент, региональное языковое сознание, ольфакторный образ, хроматологический образ, аудиальный образ, полимодальность, Беловежская пушча

Для цитирования: Ильичева, И. Л. Перцептивный портрет Беловежской пушчи в региональном языковом сознании / И. Л. Ильичева // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 6. – С. 73-82. – DOI 10.37482/2687-1505-V391.

Original article

Perceptual Portrait of Belovezhskaya Pushcha in Regional Linguistic Consciousness

Inna L. Ilyicheva

Minsk State Linguistic University, Minsk, Republic of Belarus,

e-mail: ilicheva@list.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3610-8147>

Abstract. The article presents the results of an experimental study on the perceptual embodiment of the BELOVEZHSKAYA PUSHCHA concept as a fragment of regional worldview. The research aimed to characterize the way this concept is expressed in the linguistic consciousness of residents of the Brest region by modelling and analysing its perceptual component. The main research method applied in the paper is the anthropometric method, combined with statistical and contextual analysis techniques. The material consists of associative reactions to the stimulus phrase *Belovezhskaya Pushcha*, obtained by processing 300 respondent questionnaires. All the participants in the experiment are residents of the Brest region and represent three age groups: schoolchildren, students, and the working population. The perceptual features are arranged from the most to the least frequent. As a result of quantitative processing of the reactions, the following images of the concept were identified: chromatological, auditory, and olfactory. In each of these images, dominant and peripheral units were recorded. The analysis established that the boundaries between the modes are unclear. In a number of cases, to describe Belovezhskaya Pushcha respondents used a symbiosis of several modes, based on which tactile-visual, gustatory-olfactory, and visual-auditory images were recorded. The phenomenon of synaesthesia serves as a means of conveying one's emotions and impressions in connection with the visit to Belovezhskaya Pushcha. The analysis of the data obtained showed that the BELOVEZHSKAYA PUSHCHA concept is communicatively relevant in the perception of residents of the Brest region: in the regional worldview, not only the conceptual component is updated, but also a multi-level perceptual image filled with unique connotations is modelled.

Keywords: *directed associative experiment, regional linguistic consciousness, olfactory image, chromatological image, auditory image, multimodality, Belovezhskaya Pushcha*

For citation: Ilyicheva I.L. Perceptual Portrait of Belovezhskaya Pushcha in Regional Linguistic Consciousness. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 6, pp. 73–82. DOI: 10.37482/2687-1505-V391

Введение

Настоящая работа осуществляется в рамках диссертационного исследования «Коммуникативное пространство Брестчины» и продолжает цикл публикаций¹, посвященных изучению

языкового сознания представителей регионального социума.

Человек познает мир сенсорно и ментально [1, с. 9]. Каждый этап обработки информации осуществляется с учетом предыдущего, по-

---

¹Ильичева И.Л. К вопросу об ассоциативном образе региона // Вестн. Дагест. гос. ун-та. Сер. 2: Гуманит. науки. 2024. Т. 39, вып. 1. С. 78–86; Ильичева И.Л. Образ Брестской области по материалам ассоциативного эксперимента (моделирование и интерпретация) // Изв. СПбГУ. 2023. № 6(144), ч. 1. С. 12–19; Ильичева И.Л. Визуальный и вербальный образы региона в языковом сознании жителей Брестчины // Terra Linguistica. 2024. Т. 15, № 2. С. 45–54.

скольку, как пишет Е.С. Кубрякова, «отношения в цепочке “реальность – ощущения – восприятие – когниция” носят весьма сложный характер. Язык – отнюдь не простое зеркало мира, а потому фиксирует не только восприятие, но и осмысленное, осознанное, интерпретированное человеком» [2, с. 95].

Результатом познавательного процесса и единицей совокупного (коллективного) знания служит концепт. Данный феномен обладает сложной, многомерной структурой. По мнению В.И. Карасика и соавторов, «концепты – это ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта» [3, с. 8]. Концепты являются культурно маркированным квантом регионального знания, «окружены эмоциональным, экспрессивным и оценочным ореолом» [4, с. 146] и играют важную роль в поисках региональной идентичности.

В настоящее время особый исследовательский интерес у отечественных и зарубежных специалистов вызывает рассмотрение концептов с позиций лингвокультурологического подхода, что, несомненно, обусловлено доминирующей ролью антропоцентрической парадигмы лингвистического знания. Осуществляя лингвокультурологическое моделирование концептов, ученые в своих трудах обращаются к материалу одной или нескольких лингвокультур (Е.С. Жигачева, С.К. Сапиева, Л. Цзюань, Д. Жань, Ч. Мань Хай). В ряд таких работ вписывается и исследование концепта БЕЛОВЕЖСКАЯ ПУЩА, который является одним из ключевых региональных ментефактов Брестской области Республики Беларусь.

В коммуникативном пространстве Брестского региона анализируемый концепт – коммуникативно релевантный, поскольку регулярно выступает предметом обсуждения, обмена информацией и выражения отношения жителей региона. Будучи наделенным мощной этнокультурной составляющей, анализируемый концепт имеет языковое воплощение в различных видах дискурсивных практик.

Научная новизна исследования заключается в том, что региональный лингвокультурный

концепт БЕЛОВЕЖСКАЯ ПУЩА рассматривается на материале фрагмента языкового сознания жителей Брестского региона.

Цель данной работы – выявление и описание перцептивной специфики концепта БЕЛОВЕЖСКАЯ ПУЩА в языковом сознании жителей Брестчины.

В качестве теоретической базы исследования использованы труды известных специалистов (А.А. Клименко, Н.И. Кургановой, А.А. Леонтьева, Т.В. Ушаковой, А.В. Рудаковой, И.А. Стернина, Е.Ф. Тарасова, Н.В. Уфимцевой, В.А. Пищальниковой, М.Н. Довгалюка, Ж.Б. Абилюдиновой), занимающихся вопросами изучения языкового сознания.

Вслед за Н.В. Уфимцевой мы полагаем, что «языковое сознание (или язык в его психолингвистической трактовке) – это и есть система предметных значений, которые могут овнешняться, в том числе и в вербальной форме. <...> Это знания, полученные в процессе социализации в рамках определенной культуры, выраженные с помощью языка» [5, с. 11].

Теоретическая значимость настоящей работы мыслится во вкладе в дальнейшее углубленное изучение смыслового содержания образов восприятия Брестского региона его жителями. Практическая ценность видится в возможности использования полученных результатов в лекционных курсах общего языкознания, лингвокультурологии, когнитивной лингвистики, ассоциативной лингвистики, теории коммуникации, в спецкурсах по регионоведению. Иллюстративная часть статьи и выводы могут быть полезны специалистам в области имиджологии при разработке коммуникативных стратегий в процессе формирования имиджевой политики Брестского региона.

Материалы и методы

С целью выявления и описания перцептивных признаков концепта БЕЛОВЕЖСКАЯ ПУЩА мы обратились к антропометрическому методу исследования, который является одним из способов овнешнения языкового сознания, а «ассоциативные поля, формируемые из реакций носителей языка, дают возможность описывать качества их образов сознания» [5, с. 206].

Ассоциативный эксперимент выступает надежным и эффективным методом, поскольку «обнаруживает деятельностное отношение человека к миру, репрезентированное словом» [6, с. 758], а интерпретация его результатов «позволяет моделировать, в частности, ядро и периферию системы языка, структурную организацию лексикона, смысловые группы и их системную организацию» [7, с. 112]. По словам М.Н. Довголюка, «ассоциативный эксперимент предоставляет возможность проникнуть в языковое сознание человека, проанализировать как собственно содержание концепта, так и языковые стереотипы, а также специфические черты менталитета народа» [8, с. 68].

Участниками направленного ассоциативного эксперимента стали 300 испытуемых в возрасте от 15 до 65 лет: 100 школьников, 100 студентов, 100 представителей занятого населения. Респонденты всех трех возрастных групп – жители разных населенных пунктов Брестской области.

Согласно заданию, участники эксперимента должны были ответить письменно на два вопроса: «С чем у Вас ассоциируется Беловежская пуца?» и «Какие цвета, звуки и запахи у Вас ассоциируются с Беловежской пуцей?» На основе массива полученных данных (1942 ассоциативные реакции) были смоделированы три ассоциативных поля, выделены семантико-когнитивные профили концепта БЕЛОВЕЖСКАЯ ПУЦА.

В данном исследовании мы рассматриваем все полученные ассоциаты как языковые объективаторы, наполняющие определенные семантико-когнитивные профили концепта. Под семантико-когнитивным профилем концепта мы понимаем набор языковых репрезентантов определенной тематической направленности, нацеленных на осмысление значения имени концепта.

Результаты

На первом этапе исследования для каждой группы участников эксперимента путем количественного анализа семантических признаков смоделирована структура когнитивного образа Беловежской пуши.

1. На вопрос «С чем у Вас ассоциируется Беловежская пуца?» больше половины школь-

ников (60 %) ответили, что для них Беловежская пуца – реликтовый лес, заповедная зона; у 40 % школьников Беловежская пуца ассоциируется с туристическим объектом, в частности с резиденцией Деда Мороза.

2. У студентов соотношение аналогичных реакций примерно такое же: в 55 % анкет фиксируется связь с реликтовым лесом и заповедной зоной, в 45 % – с туристическим объектом. Заметим, что у 14 % студентов туристический объект предстает как резиденция Деда Мороза, тогда как у 31 % ассоциации связаны с местом активного отдыха, в частности велопрогулок.

3. Векторы ассоциирования у занятого населения в целом совпадают с двумя другими возрастными группами, однако образ Беловежской пуши более детализирован и имеет дополнительные параметры: Беловежская пуца – реликтовый лес, заповедная зона (69 %); туристический объект (резиденция Деда Мороза (8 %), зона активного (7 %) и пассивного (9 %) отдыха); место подписания соглашения о распаде СССР (7 %). Как видно из приведенных данных, образ Беловежской пуши в сознании представителей занятого населения аккумулирует в себе характеристики, отражающие социально-политический статус национального парка.

Стереотипность восприятия в наибольшей степени проявляется в наполнении семантико-когнитивного профиля «Беловежская пуца – реликтовый лес, заповедная зона». Об этом свидетельствуют тождественные лексемы-репрезентанты: *заповедник, богатая флора и фауна, уникальная природа, лес, зубр, животные*. Зафиксированное направление ассоциирования, не коррелирующее со значениями, выделенными в толковых словарях и медиатекстах, – *туристический объект, зона отдыха, место подписания соглашения о распаде СССР* – говорит о социально-политической значимости описываемого объекта.

Семантико-когнитивные профили тесно переплетены с материальным миром и «наполняются благодаря этой связи чувственным содержанием, которое со временем закрепляется в универсальном предметном коде мышления» [9, с. 19].

На втором этапе обработки материала для каждой возрастной группы сформировано ассоциативное поле с выделением в нем трех перцептивных составляющих (ольфакторные, хроматологические и аудиальные реакции), произведено ранжирование составляющих в порядке убывающей частотности ассоциативных реакций. Статистический анализ общего количества реакций представлен в таблице.

Частотность сенсорных реакций, ассоциированных с концептом БЕЛОВЕЖСКАЯ ПУЩА, у жителей Брестской области разного возраста

Frequency of sensory reactions associated with the BELOVEZHSKAYA PUSHCHA concept in residents of the Brest region from different age groups

Возрастная группа	Общее количество реакций	Количество реакций по типам		
		ольфакторная	хроматологическая	аудиальная
Школьники	549	195	198	156
Студенты	617	206	208	203
Занятое население	777	244	269	264
Всего	1943	645	675	623

Как видим, для всех возрастных групп доминантными являются хроматологические реакции, а аудиальные и ольфакторные уходят на второй план. Это объясняется тем, что восприятие окружающей действительности через цвет позволяет лучше распознавать объекты окружающего мира: цвета существенно влияют на когнитивные процессы, цвет несет в себе информацию, важную для коммуникации.

Далее детально рассмотрим наполняемость ассоциативных полей БЕЛОВЕЖСКАЯ ПУЩА для всех возрастных групп.

1. Школьники (549 реакций):

198 хроматологических реакций: *зеленый (69), белый, зима (29), коричневый (21), синий (19), желтый (15), зеленый цвет разных оттенков (11), светло-зеленые тона (10), красивые оттенки (6), приглушенные зеленые цвета (6), голубой (5), зелено-голубые оттенки (4), цвета зеленого пейзажа (1), серый (1) белоснежное радодлье (1);*

156 аудиальных реакций: *пение птиц (47), звуки природы (29), звук птиц (21), тишина*

(18), трели птиц (17), шелест листьев (11), звук дождя (7), звуки радости (3), песня «Беловежская пуца» (1), звуки хруста иголок под ногами (1), звуки дятлов (1);

195 ольфакторных реакций: *запах леса (56), запах свежести (55), запах природы (15), запах хвои (14), запах сосен (14), запах цветов (11), запах растений (10), запах грибов (5), запах свежескошенной травы (5), запах блинчи-*

ков с черникой (3), приятный запах (3), запах ели (3), запах свежести без городских примесей (1).

2. Студенты (617 реакций):

208 хроматологических реакций: *зеленый (79), коричневый (47), золотые оттенки осени (18), белый, зима (15), голубой (12), желтый (11), оттенки зеленого и болотного (9), синий (6), светлые цвета (3), красный (2), цвета летнего жаркого дня (1), насыщенные глубокие цвета осени (1), цвет счастья (1), сосны и ели в зимнем серебре (1), деревья, покрытые серебристым зимним жемчугом (1), белоснежная сказка (1);*

203 аудиальные реакции: *пение птиц (59), звуки природы (19), шум крон деревьев (17), шелест листьев (17), трели птиц (15), тишина (15), щебет птиц (12), хруст веток (10), звуки радости (9), звуки веселья (8), звук ветра (7), рев животных (7), мелодичный звук (5), звук дождя (3);*

206 ольфакторных реакций: *запах леса (57), запах свежести (37), запах сосны (24), запах трав (18), запах хвои (18), запах чистоты (15), запах деревьев (12), запах болота (10),*

яркие и насыщенные запахи (10), неприятный запах (1), запах травы в ночи (1), запах земли (1), запах утренней росы и еловых веток (1), запах влаги (1).

3. Занятое население (777 реакций):

269 хроматологических реакций: *зеленый (87), коричневый (39), яркие цвета (19), разнообразная палитра (19), желтый (18), оттенки зеленого (18), цвет голубого неба (13), голубой (9), багряный (9), синий (6), осеннее буйство красок (6), насыщенный зеленый (5), оранжевый (5), соломенный (5), цвет зелени (5), белый (2), золотое солнце (1), хвойно-зеленый (1), цвета величия и таинственности (1), цвета густого зеленого леса (1);*

264 аудиальные реакции: *пение птиц (67), звуки животных (23), звуки природы (21), тишина (19), песня «Беловежская пуца» (19), шум сосен на ветру (17), шелест листвы (17), треск деревьев (13), щебетание птиц (11), трели птиц (10), жужжание насекомых (10), многоголосье птиц (8), звук льющейся воды (7), звук велосипедов (5), крик журавлей (5), уханье совы (3), звук кукушки (3), вдалеке рык медведя (1), мягкий хруст иголок под ногами (1), звуки первозданной природы (1), звуки спокойствия (1), звуки тишины дикой природы (1), звук лося (1);*

244 ольфакторные реакции: *запах леса (69), запах хвои (37), запах мха (20), запах грибов (17), запах ели (13), запах свежей зелени (13), запах сосны (13), запах травы и цветов (13), запах меда (9), запах полевых цветов (9), запах чистого воздуха (7), ароматный запах блинчиков (5), запах цветущей сирени (1), запах дикорастущих растений (1), хвойный аромат (1), запах ишишек (1), влажный аромат свежей зелени (1), аромат (1), легкий запах прелой листвы (1), запах хвои и безграничности (1), запах цветения растений (1), запах вкусных драпировок с лисичками (1), изумительный запах пуцанского чая (1), разнообразные ароматы (1), запах бодрости (1), запах опят (1), аромат багряной осени (1), аромат опавших листьев (1), багряный, теплый на ощупь запах листвы (1), мягкий бархатистый запах липового чая (1), янтарный запах осенней листвы (1).*

Следующий этап исследования включал моделирование трех перцептивных образов.

Хроматологический образ концепта БЕЛОВЕЖСКАЯ ПУЦА. Визуальная перцепция является одной из разновидностей чувственного восприятия и выступает основой для получения знаний об окружающей действительности. Многие исследователи придерживаются точки зрения, что среди сенсорных значений «наиболее развиты и тонко дифференцированы понятийные элементы зрительных ощущений» [10, с. 42], именно они занимают «доминирующее положение в иерархии чувств» [10, с. 101].

Известный ученый Н.Д. Арутюнова неоднократно отмечала, что «человек воспринимает индивидуальные объекты, непосредственно входящие в его перцептивную зону. В этом своем значении предикаты восприятия не выражают пропозициональных установок. Однако восприятие не отделено от ментальных операций, таких как отождествление, таксономия, интерпретация, извлечение импликаций и др.» [10, с. 100]. Другие исследователи подчеркивают, что «цвет является важнейшей из составляющих процесса зрительного восприятия» [11, с. 715].

Цветовая палитра Беловежской пуши в ответах респондентов в большей степени представлена именами прилагательными (91 %), которые по своей природе имеют достаточно широкий смысловой объем. На уровне состава лексики, обозначающей цвет, в ответах респондентов фиксируются специфические индивидуальные особенности. В этом отношении можно выделить: 1) простые прилагательные (462 единицы): *белый, красный, коричневый, синий, голубой, желтый, черный* и др.; 2) сложные прилагательные (14 единиц): *темно-зеленый, зелено-голубой, светло-зеленый*. По словам Н.В. Гутовой, «семантическая подвижность качественных прилагательных обуславливает возможность проявления семантического синкретизма в их значении» [12, с. 7].

Анализ материала показывает, что цветовой спектр восприятия в целом достаточно схож у участников всех трех групп. Цветовыми доминантными маркерами для участников опроса выступают *зеленый (235), коричневый (102),*

желтый (41), *синий* (32), *голубой* (24) – именно они образуют ядерную зону. Цветовые маркеры *серый* и *черный* представлены в незначительном количестве и относятся к крайней периферии.

В качестве абсолютной доминанты 78 % участников эксперимента выделяют лексему *зеленый*. Примечательно, что в ответах респондентов фиксируется достаточно обширный синонимический ряд (305 ассоциативных единиц) для данной доминанты: *зеленый цвет разных оттенков, приглушенные зеленые цвета, цвета зеленого пейзажа, цвета густого зеленого леса, зелено-коричневый цвет, цвет свежей зелени, хвойно-зеленый, темно-зеленый, светло-зеленые тона*.

В материале исследования зафиксированы различные вариативные цветообозначения, в большинстве случаев маркирующие интенсивность цвета (21 единица): *приглушенные зеленые цвета, насыщенные глубокие цвета осени, светлые цвета, яркие цвета, пестрый от цветов, светло-зеленые тона, темно-зеленый, насыщенный зеленый, цвета густого зеленого леса*. Наличие таких хроматологических реакций вполне очевидно: Брестская область характеризуется богатой растительностью и разнообразием представителей животного мира.

Кроме того, в ответах школьников и студентов наблюдается цветовой символизм. Так, *белый* последовательно осмысливается 18 % респондентов как символ зимы, новогоднего праздника, резиденции Деда Мороза в Беловежской пуще. Студенты и школьники развивают значение реакции *белый*, вводя добавочное значение посредством лексем *зима, Дед Мороз, Снегурочка*. В ответах присутствуют и перифрастические обороты: *сосны и ели в зимнем серебре, деревья, покрытые серебристым зимним жемчугом, белоснежная сказка*.

Анализ показывает, что границы между описываемыми модусами не являются четкими: в материале представлены атрибуты, характеризующие одновременно несколько модусов. Так, в списке полученных реакций зафиксированы случаи синестезии. По мнению Л.П. Прокофьевой, «синестезия является системным механизмом, в основе которого лежит процесс эмоционального обобщения» [13, с. 9]. Как многогранный фе-

номен, синестезия представляет собой троп метафорического типа, базирующийся на сопоставлении нескольких разномодальных впечатлений. По мнению И.А. Кривенковой, «сенсорно-ментальное значение лексических единиц усиливает экспрессивную основу поведения» [14, с. 9]. Приведем примеры: *белоснежная сказка, аромат багряной осени, звуки первозданной природы*.

Синестетические метафоры дают яркие со вмещенные образы. Для респондентов осязательная синестезия служит средством выражения эмоций от посещения Беловежской пущи. Осязательная синестезия в сочетании с другими модальностями помогает почувствовать невидимое и неслышимое и составляет с ними образное единство: *теплые золотые краски осени, багряный, теплый на ощупь запах листвы, мягкий бархатистый запах липового чая, янтарный запах осенней листвы*.

Ольфакторный образ концепта БЕЛОВЕЖСКАЯ ПУЩА. Обоняние – одно из самых древних человеческих чувств. Запахи являются результатом абстрагирующей деятельности человека в процессе обработки наглядно-чувственной информации посредством одного из сенсорных каналов [15], запахи «имеют исключительно чувственную природу» [16, с. 36] и могут выступать определенным триггером для воспоминаний.

Языковые единицы, обозначающие запахи, «изучаются также под терминологическим обозначением “лексика ольфакторного восприятия”» [17, с. 116]. Вербальное обозначение запаха «в сочетании с его источником осуществляется на уровне субстантивных словосочетаний, состоящих из двух полнозначных слов: ольфакторного существительного и существительного, обозначающего пахнущий предмет» [15, с. 11].

Большинство полученных в рамках исследования ассоциатов (93 %) – субстантивные словосочетания. В ходе анализа установлено, что все ассоциативные реакции можно разделить на две группы: запахи природы и запахи, связанные с отдыхом.

Первая группа формируется следующими природными характеристиками: *запахи леса / сосен / хвои* (275 реакций); запах свежести / свежего воздуха (63 реакции); запахи приятных / свежескошенных трав (45 реакций); запах душистых

цветов / цветущих растений / ароматы цветущей сирени (34 реакции); запахи сырости / мха / влажности / дождя (31 реакция); запахи деревьев / листьев / растений / зелени (13 реакций).

Наличие в анализируемом корпусе таких ассоциатов, как *запах ароматных блинчиков* (7), *запах вкусных драников с лисичками* (1), *изумительный запах пуцанского чая* (1), *чудесный запах липового чая* (1), можно объяснить тем, что восприятие запаха обусловлено ощущениями субъективного характера.

Ядерную зону ольфакторного образа образуют следующие ассоциативные реакции: *запах леса* (182), *запах свежести* (107), *запах сосны* (51), *запах трав* (35), *запах мха* (20). Периферийные ассоциаты дополняют ядерные и придают перцептивному образу яркие сенсорные оценочные векторы.

Аудиальный образ концепта БЕЛОВЕЖСКАЯ ПУЩА. В структуре аудиального образа, который достаточно разнообразен по форме манифестации, обнаруживается, безусловно, значительное количество ожидаемых аудиальных реакций.

Первая группа – это звуковой фон живой природы, в частности звуки представителей фауны: *пение, щебетание птиц / птичьи трели, многоголосье птиц / звук дятла / крики журавлей / уханье совы / звук кукушки* (279 реакций); *звуки животных / рев животных / рык медведя / звук лося* (32 реакции); *жужжание насекомых* (10 реакций).

Также к данной группе относятся шум лесных массивов и звуки воды: *шум / шелест деревьев, листьев, шуршания листвы / звук хруста иголок под ногами / звук треска деревьев / шум крон деревьев* (106 реакций); *шум дождя / журчащей воды* (15 реакций). Как видно из приведенных реакций, преобладающими в количественном отношении становятся звуки, издаваемые представителями фауны.

Вторая группа – звуки эмоций и музыкальные звуки: *мелодичные звуки / песня «Беловежская пуца»* (27 реакций); *звуки радости и веселья* (20 реакций). Примечательно, что 10 респондентов в качестве ассоциативной реакции приводят первые строчки песни: *«Заповедный напев, заповедная даль. Свет хрустальной зари, свет, над миром встающий»*.

Третья группа – это *звуки велосипедов*. Такие реакции уходят на периферию ассоциативного поля и представлены только 5 ассоциатами. Наличие данных реакций подтверждает тезис о том, что «человеческие знания и представления о мире закреплены в семантике слова с помощью ассоциативных компонентов» [13, с. 10]. Недавно появившаяся возможность у жителей Брестчины взять напрокат велосипед и получить незабываемые впечатления от велопогулки сразу стала триггером ассоциаций.

Облигаторным маркером слухового восприятия в сознании респондентов выступает тишина: *тишина* (50), *звуки спокойствия* (1), *звуки тишины дикой природы* (1). Следует отметить, что в перцептивном портрете Беловежской пуши тишина противопоставляется очень громким и резким звукам: *звуки животных* (23), *рев животных* (7), *вдалеке рык медведя* (1).

Сопоставительный анализ доминантных аудиальных реакций позволил выявить наиболее частотные: *пение птиц* (67), *звуки животных* (23), *звуки природы* (21), *звуки птиц* (21), *тишина* (19). Единичные реакции, связанные с ощущениями от активного отдыха и веселого времяпрепровождения, органично вписываются в общий «аудиальный» портрет.

Выводы

1. Проведенный анализ свидетельствует о том, что образ Беловежской пуши в сознании жителей Брестского региона – это симбиоз рационального и эмоционального знания, субъективного и объективного опыта. Опора на антропометрический метод анализа лингвокультурного концепта позволила выявить и описать образно-перцептивные составляющие концепта БЕЛОВЕЖСКАЯ ПУЩА, которые органично дополняют диалектическую связь социального и индивидуального в его семантике.

2. Образно-перцептивная составляющая изучаемого концепта представляет собой релевантные признаки практического знания, которые воспринимаются жителями региона посредством ощущений и чувств, хранящихся в их памяти характеристик предметов и явлений.

3. Проведенный анализ убедительно демонстрирует, что ассоциативное направле-

ние открывает перспективы для дальнейших лингвокультурологических исследований в целях получения дополнительной информации, которой наделяется в коллективном языковом сознании региональный оним.

Возможные перспективы работы в данном направлении усматриваются в анализе дискурсивной вариативности лингвокультурных концептов с позиций межкультурной коммуникации.

Список литературы

1. Прокофьева Л.П. Звуко-цветовая ассоциативность: универсальное, национальное, индивидуальное. Саратов: Изд-во Саратов. мед. ун-та, 2007. 280 с.
2. Кубрякова Е.С. Язык и знание: На пути получения знаний о языке: Части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира. М.: Яз. славян. культуры, 2004. 555 с.
3. Карасик В.И., Прохвачева О.Г., Зубкова Я.В., Грабарова Э.В. Иная ментальность. М.: Гнозис, 2005. 349 с.
4. Ильичева И.Л. Лингвокультурный концепт РОДИНА сквозь призму восприятия региональной языковой личности: теоретические и прикладные аспекты исследования // Исслед. языка и соврем. гуманитар. знание. 2022. Т. 4, № 2. С. 143–155. <https://doi.org/10.33910/2686-830X-2022-4-2-143-155>
5. Уфимцева Н.В., Черкасова Г.А., Балясникова О.В., Полянская А.Г., Разумкова А.В., Свинчукова Е.Г., Степанова А.А. Региональное языковое сознание коми, русских, татар: проблемы взаимодействия: коллектив. моногр. / под ред. Н.В. Уфимцевой. Ярославль: Канцлер, 2017. 236 с.
6. Пицальникова В.А. Интерпретация ассоциативных данных как проблема методологии психолингвистики // Russ. J. Linguist. 2019. Т. 23, № 3. С. 749–761. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-3-749-761>
7. Стернин И.А. Проблемы интерпретации результатов ассоциативных экспериментов // Вопр. психолингвистики. 2020. № 3(45). С. 110–125. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2020-45-3-110-125>
8. Довголюк М.Н. Ассоциативно-вербальное поле «АРМИЯ»: лингвокогнитивный аспект: дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2016. 167 с.
9. Федулова М.Н. Понятие «концепт» в когнитивных, семиологических и дискурсивных исследованиях. Статья 1 // Вестн. РУДН. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2013. № 3. С. 13–21.
10. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988. 338 с.
11. Пасечник Т.Б., Савельева И.Г. Какого цвета чувства? (на материале английских идиом с цветообозначениями) // Вестн. РУДН. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2019. Т. 10, № 3. С. 714–721. <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-3-714-721>
12. Гугова Н.В. Семантический синкретизм вкусовых и осязательных прилагательных в языке и художественном тексте: дис. ... канд. филол. наук. Новосибирск, 2005. 220 с.
13. Прокофьева Л.П. Синестезия в современной научной парадигме // Изв. Саратов. ун-та. Сер.: Филология. Журналистика. 2010. Т. 10, № 1. С. 3–10.
14. Кривенкова И.А. Синестезия в языке художественной прозы М.А. Шолохова: дис. ... канд. филол. наук. М., 2006. 176 с.
15. Котенева И.А. Номинация запаха во французском языке: дис. ... канд. филол. наук. Белгород, 2006. 181 с.
16. Павлова Н.С. Конкретная лексика с семантическим компонентом «запах» (на материале толкового словаря немецкого языка DUDEN) // Изв. Урал. гос. ун-та. Сер. 2: Гуманит. науки. 2004. Вып. 8, № 33. С. 33–45.
17. Медведева Д.И. Концептуализация запаха в русской и сербской лингвокультурах // Вестн. РУДН. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2016. № 1. С. 115–125.

References

1. Prokof'eva L.P. *Zvuko-tsvetovaya assotsiativnost': universal'noe, natsional'noe, individual'noe* [Auditory and Chromatological Associations: The Universal, the National, and the Individual]. Saratov, 2007. 280 p.

2. Kubryakova E.S. *Yazyk i znanie: Na puti polucheniya znaniy o yazyke: Chasti rechi s kognitivnoy tochki zreniya. Rol' yazyka v poznanii mira* [Language and Knowledge: Towards Knowledge About Language: Parts of Speech from a Cognitive Point of View. The Role of Language in World Cognition]. Moscow, 2004. 555 p.
3. Karasik V.I., Prokhvacheva O.G., Zubkova Ya.V., Grabarova E.V. *Inaya mental'nost'* [A Different Mentality]. Moscow, 2005. 349 p.
4. Ilyicheva I.L. Linguocultural Concept HOMELAND Through the Prism of Perception of Regional Language Personality: Theoretical and Applied Aspects of Research. *Lang. Stud. Mod. Humanit.*, 2022, vol. 4, no. 2, pp. 143–155 (in Russ.). <https://doi.org/10.33910/2686-830X-2022-4-2-143-155>
5. Ufimtseva N.V., Cherkasova G.A., Balyasnikova O.V., Polyanskaya A.G., Razumkova A.V., Svinchukova E.G., Stepanova A.A. *Regional'noe yazykovoe soznanie komi, russkikh, tatar: problemy vzaimovliyaniya* [Regional Linguistic Consciousness of the Komi, Russians, and Tatars: Mutual Influence]. Yaroslavl, 2017. 236 p.
6. Pishchal'nikova V.A. Interpretation of Associative Data as a Methodological Issue of Psycholinguistics. *Russ. J. Linguist.*, 2019, vol. 23, no. 3, pp. 749–761. <https://doi.org/10.22363/2312-9182-2019-23-3-749-761>
7. Sternin I.A. Problemy interpretatsii rezul'tatov assotsiativnykh eksperimentov [Interpretation Problems of Associative Experiments]. *Voprosy psikholingvistiki*, 2020, no. 3, pp. 110–125. <https://doi.org/10.30982/2077-5911-2020-45-3-110-125>
8. Dovgolyuk M.N. *Assotsiativno-verbal'noe pole "ARMIYA": lingvokognitivnyy aspekt* [Verbal Associative Field "ARMY": A Linguocognitive Aspect: Diss.]. St. Petersburg, 2016. 167 p.
9. Fedulova M.N. Ponyatie "kontsept" v kognitivnykh, semiologicheskikh i diskursivnykh issledovaniyakh. Stat'ya 1 [The Term "Concept" in Cognitive, Semiologic and Discursive Research. Article 1]. *Vestnik RUDN. Ser.: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*, 2013, no. 3, pp. 13–21.
10. Arutyunova N.D. *Tipy yazykovykh znacheniy: Otsenka. Sobytie. Fakt* [Types of Linguistic Meanings: Evaluation. Event. Fact]. Moscow, 1988. 338 p.
11. Pasechnik T.B., Savelieva I.G. What Is the Colour of the Feeling (a Case Study of English Idioms with Colour Components). *RUDN J. Lang. Stud. Semiot. Semant.*, 2019, vol. 10, no. 3, pp. 714–721 (in Russ.). <https://doi.org/10.22363/2313-2299-2019-10-3-714-721>
12. Gutova N.V. *Semanticheskyy sinkretizm vkusovykh i osyazatel'nykh prilagatel'nykh v yazyke i khudozhestvennom tekste* [Semantic Syncretism of Olfactory and Tactile Adjectives in Language and Fiction: Diss.]. Novosibirsk, 2005. 220 p.
13. Prokof'eva L.P. *Sinesteziya v sovremennoy nauchnoy paradigme* [Synaesthesia in a Modern Scientific Paradigm]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Novaya seriya. Ser.: Filologiya. Zhurnalistika*, 2010, vol. 10, no. 1, pp. 3–10.
14. Krivenkova I.A. *Sinesteziya v yazyke khudozhestvennoy prozy M.A. Sholokhova* [Synaesthesia in the Language of M.A. Sholokhov's Fiction: Diss.]. Moscow, 2006. 176 p.
15. Koteneva I.A. *Nominatsiya zapakha vo frantsuzskom yazyke* [Words for Smell in the French Language: Diss.]. Belgorod, 2006. 181 p.
16. Pavlova N.S. *Konkretnaya leksika s semanticheskim komponentom "zapakh" (na materiale tolkovogo slovarya nemetskogo yazyka DUDEN)* [Concrete Vocabulary with the Semantic Component "Smell" (Based on the Explanatory Dictionary of the German Language DUDEN)]. *Izvestiya Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser. 2: Gumanitarnye nauki*, 2004, iss. 8, no. 33, pp. 33–45.
17. Medvedeva D.I. *Kontseptualizatsiya zapakha v russkoy i serbskoy lingvokul'turakh* [Conceptualization of Smell in Russian and Serbian Linguistic Cultures]. *Vestnik RUDN. Ser.: Teoriya yazyka. Semiotika. Semantika*, 2016, no. 1, pp. 115–125.

Информация об авторе

И.Л. Ильичева – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры речеведения и теории коммуникации Минского государственного лингвистического университета (адрес: 220034, Республика Беларусь, г. Минск, ул. Захарова, д. 21).

Information about the author

Inna L. Ilyicheva, Cand. Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. at the Department of Speech Science and Communication Theory, Minsk State Linguistic University (address: ul. Zakharova 21, Minsk, 220034, Republic of Belarus).

Поступила в редакцию 27.08.2024
Одобрена после рецензирования 10.10.2024
Принята к публикации 11.10.2024

Submitted 27 August 2024
Approved after reviewing 10 October 2024
Accepted for publication 11 October 2024

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 6. С. 83–91.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 6, pp. 83–91.

Научная статья
УДК 81'33:[94(510).093+004]
DOI: 10.37482/2687-1505-V392

Образ России в дискурсе социальных сетей Китая: лингвопрагматический анализ репрезентации российско-украинского конфликта

Олег Игоревич Калинин^{1, 2, 3}

¹Военный университет им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия, e-mail: okalinin.lingua@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1807-8370>

²Московский государственный лингвистический университет, Москва, Россия,

³Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет), Челябинск, Россия

Аннотация. Данная статья посвящена лингвопрагматическому анализу репрезентации специальной военной операции Вооруженных сил Российской Федерации в дискурсе неинституциональных СМИ Китая. Автор фокусируется на выявлении лингвопрагматических особенностей формирования образа России в дискурсе китайских социальных медиа – платформ Weibo и Zhihu. С использованием методов корпусной лингвистики рассмотрены 207 постов в социальных сетях и комментариев к ним общим объемом 204 798 иероглифических знаков, период выборки – с 24 февраля 2022 года по май 2024 года. Исследование включает в себя два этапа: 1) количественный анализ ключевых слов и их коллокаций, а также их тематической сегментации; 2) качественный контент-анализ текстов публикаций. На первом этапе были выявлены ключевые особенности и тематические доминанты формирования общественного мнения о специальной военной операции и конструирования образа России в китайских социальных сетях. На втором этапе полученные данные были уточнены, что позволило детализировать основные характеристики репрезентации образа нашей страны. По результатам анализа наиболее многочисленными среди основных тематических групп ключевых слов оказались «Военная сфера» и «Политика», что отражает акцент как на военных, так и на гуманитарных последствиях конфликта, а также говорит о представлении России как значимого глобального актора. При этом основной вывод исследования заключается в том, что формируемый образ России в социальных сетях Китая в контексте репрезентации специальной военной операции преимущественно негативный, что указывает на формирование у внутренней китайской аудитории критического подхода к внешнеполитическим действиям России, несмотря на официально нейтральную позицию Китая. **Ключевые слова:** лингвопрагматический анализ, социальные медиа, общественное мнение, российско-украинский конфликт, специальная военная операция, образ России, социальные сети Китая

Калинин О.И.

Образ России в дискурсе социальных сетей Китая: лингвопрагматический анализ репрезентации...

Финансирование. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00049, <https://rscf.ru/project/24-18-00049/>.

Для цитирования: Калинин, О. И. Образ России в дискурсе социальных сетей Китая: лингвопрагматический анализ репрезентации российско-украинского конфликта / О. И. Калинин // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 6. – С. 83-91. – DOI 10.37482/2687-1505-V392.

Original article

The Image of Russia in the Discourse of Chinese Social Networks: A Linguopragmatic Analysis of the Russia–Ukraine Conflict Representation

Oleg I. Kalinin^{1, 2, 3}

¹Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation, Moscow, Russia, e-mail: okalinin.lingua@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1807-8370>

²Moscow State Linguistic University, Moscow, Russia,

³South Ural State University (National Research University), Chelyabinsk, Russia

Abstract. This article dwells on a discourse analysis of the representation of the Russia–Ukraine conflict in non-institutional Chinese media. The study focuses on the identification of linguopragmatic features of the formation of Russia’s image in the discourse of Chinese social media (Weibo and Zhihu platforms). Using the methods of corpus linguistics, 207 social media posts and comments totalling 204,798 characters were analysed, with the sampling period from 24 February 2022 to May 2024. The research consisted of two stages: 1) quantitative analysis of keywords and their collocations as well as their thematic segmentation; 2) qualitative content analysis of social media posts. The first stage revealed the main features and thematic dominants of the formation of public opinion about the special military operation and Russia’s image in Chinese social networks. At the second stage, the data obtained were refined, showing in more detail the key characteristics of the representation of Russia’s image. The results of the analysis demonstrate that among the main thematic groups of keywords, the largest were *Military Sphere* and *Politics*, which reflects the emphasis on both military and humanitarian consequences of the conflict, as well as Russia’s representation as an important global actor. At the same time, the main conclusion of the study is that the image of Russia formed in Chinese social networks in the context of the Russia–Ukraine conflict is predominantly negative, which signifies an emerging critical approach to Russia’s foreign policy, despite China’s officially neutral position.

Keywords: *linguopragmatic analysis, social media, public opinion, Russia–Ukraine conflict, special military operation, image of Russia, Chinese social networks*

Funding. The research was funded through the Russian Science Foundation grant no. 24-18-00049, <https://rscf.ru/project/24-18-00049/>.

For citation: Kalinin O.I. The Image of Russia in the Discourse of Chinese Social Networks: A Linguopragmatic Analysis of the Russia–Ukraine Conflict Representation. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 6, pp. 83–91. DOI: 10.37482/2687-1505-V392

Введение. Дискурс-анализ медиарепрезентации тех или иных политических событий является действенным инструментом мониторинга состояния общественного мнения, превращающим лингвистические методы анализа в удобный механизм прогнозирования внутригосударственной обстановки и межгосударственных отношений. В контексте критически высокого значения специальной военной операции Вооруженных сил Российской Федерации (СВО) для будущего развития нашей страны изучение отдельных аспектов репрезентации СВО в иностранных медиа в плане формирования образа России в целом является важным, что определяет актуальность выявления лингвопрагматических особенностей описания российско-украинского конфликта в китайских социальных медиа.

Образ общественных институтов в частности и государства в целом активно исследуется в рамках современной науки: раскрываются их образность, концептуальность, воздействующий характер, коммуникативная природа и целенаправленность формирования [1–4]. При этом все чаще подчеркивается взаимосвязь дискурсивной репрезентации отдельных событий с образом общественно-политических институтов. Так, СВО в китайских СМИ рассматривают Р.Д. Шемякин [5], Сюй Минло [6], О.И. Калинин [7] и др. Часть исследователей подтверждает официальную позицию о всесторонней поддержке Китаем действий России. Например, Р.Д. Шемякин утверждает, что китайские СМИ формируют образ России как важного и стратегически значимого партнера: «... в большинстве случаев настроение в СМИ к России дружественное, Россия выступает как мощный стратегический, военный и экономический союзник, ее народ предстает как неукротимый и сохраняющий свои культурные особенности. Также часто подчеркивается, что и Россия, и Китай совместно борются с США и НАТО» [5, с. 348].

Тем не менее следует отметить, что позиция, транслируемая официальными СМИ, при всей ее значимости не отражает полной картины формирования общественного мнения об СВО и, соответственно, конструирования обра-

за Вооруженных сил РФ в частности и России в целом. Современное медиапространство можно формально разделить на институциональные и неинституциональные масс-медиа. Первые представлены официальными СМИ и традиционными средствами распространения информации, такими как телевидение, газеты, радио и Интернет. Вторые включают в себя социальные сети информационно-развлекательного характера, где новостные сообщения преподносятся как частные мнения отдельных блогеров.

Как отмечают Н.В. Иванов и О.И. Калинин, «передача информации на современном этапе развития общества является перманентным процессом, что создает реальность постоянной вовлеченности аудитории в информационную среду, которая становится основой для формирования мировоззренческих установок и определения базовых аксиологических констант картины мира человека» [8, с. 100]. Постоянная вовлеченность в информационную среду выступает одной из ключевых особенностей социальных сетей, и поэтому в современном обществе, отличающемся тотальной информатизацией и персонализацией контента, дискурс социальных сетей становится все более значимым средством формирования общественного мнения и контроля над идеологической стабильностью социума.

В.И. Карасик подчеркивает, что «сетевой дискурс оказывает существенное воздействие на развитие современного общества и способствует перестройке сложившихся типов общения, в котором личностная и статусная самопрезентация приобретают новые способы выражения» [9, с. 55]. Так, влияние социальных сетей на мировоззрение современного человека проявляется не только в формировании отдельного мнения, но и в ментальной перестройке, где формируемое мнение становится устойчивой частью картины мира, что делает социальные сети действенным инструментом информационно-психологического воздействия.

В целом, когнитивно-дискурсивная парадигма изучения информационно-психологического воздействия придает «значимую

роль имагологическим основаниям, поскольку они могут объяснять механизмы формирования и функционирования национальных стереотипов» [10, с. 115]. В связи с этим использование публикаций социальных сетей как материала для анализа лингвопрагматических характеристик репрезентации СВО является релевантным методическим подходом.

Цель настоящего исследования – рассмотреть особенности формирования образа России в контексте репрезентации СВО в публикациях на китайском языке в сервисе микроблогов «Вэйбо» (微博) и социальной сети вопросов и ответов «Чжиху» (知乎) и использовать средства лингвистического анализа в качестве инструмента мониторинга состояния общественного мнения. Исходя из цели определены следующие задачи: провести количественный анализ, т. е. выявить и тематически сегментировать частотные лексемы для установления смысловых закономерностей в употреблении ключевых слов и коллокаций; описать отдельные контексты для нахождения и анализа скрытых идеологических аспектов репрезентации России в рамках освещения СВО.

Материалы и методы. Материалом для анализа дискурса социальных медиа КНР послужили публикации на медиаресурсах «Вэйбо» и «Чжиху». «Вэйбо» – это платформа-аналог Twitter и Facebook, «контент на которой представляет собой сообщения в режиме реального времени, которые чаще всего выполняют функцию информирования» [11, с. 909]. «Чжиху» – это «специализированная платформа для обсуждения в формате вопрос-ответ, которая представляет собой социальное медийное пространство, где специалисты из разных сфер делятся своим опытом и приобретенными навыками» [11, с. 910].

В период с 24 февраля 2022 года по май 2024 года для проведения лингвопрагматического анализа был собран корпус текстов общим объемом 207 публикаций (204 798 иероглифических знаков). Выборка материала формировалась методом сплошного поиска по

ключевым словам (Россия, Украина, военный конфликт, СВО) и включала публикации широкой тематики: от непосредственного описания и анализа боевых действий до аналитики международных отношений и обсуждения перспектив финансово-экономической системы.

Для исследования корпуса текстов был взят за основу контент-анализ, включающий следующие этапы:

1) количественный анализ – использование программы-конкордансера «AntConc» (v. 3.5.8) для составления списка наиболее частотных лексем и коллокаций, а также группировка частотных лексем по тематическим блокам и выявление смысловых закономерностей в употреблении ключевых слов и коллокаций;

2) качественный анализ – изучение отдельных контекстов для выявления и анализа скрытых идеологических аспектов репрезентации России в рамках освещения СВО.

Подобный подход имеет широкое теоретическое обоснование. Так, в частности, Н. Фейркло выделяет три уровня анализа дискурса: текстуальный, дискурсивные практики и социальные практики. «На текстуальном уровне анализируются лексические, грамматические и стилистические особенности текста» [12, с. 112], и именно на этом уровне сосредоточено наше исследование, предполагающее опору на анализ прагматического уровня отдельных речевых произведений с целью выявления тенденций в формировании общественного мнения. В таком контексте элементы дискурс-анализа становятся частью качественного контент-анализа и служат цели подтверждения/опровержения данных, полученных в результате корпусного анализа текста.

Результаты. Проведя количественный анализ новостных текстов, связанных с описанием СВО на Украине, мы выделили тематически значимые лексемы, исключив общеупотребительную и служебную лексику. Полученные 312 ключевых лексем были разделены на 5 тематических групп: «Военная сфера», «Политика», «Экономика», «История», «Участники конфликта», наполнение которых понятно уже из названий (см. *рисунок*).

Распределение ключевых слов по тематическим группам

Distribution of keywords by thematic groups

В процентном соотношении наиболее многочисленной оказалась «Военная сфера» (36 %), что вполне естественно, поскольку сама СВО имеет непосредственное отношение к указанной сфере. Краткий анализ лексем этой тематической группы показывает, что значительное внимание уделяется военной обстановке и ведению боевых действий, например: 战争 «война» (736), 俄军 «Россия» (442), 乌军 «армия Украины» (310), 战场 «поле боя» (134), 作战 «воевать» (114). Отдельные лексемы представляют оценочную номинацию российско-украинского конфликта: 冲突 «конфликт» (197), 入侵 «вторжение» (122), 进攻 «наступление» (114), 占领 «захватить» (71), и это говорит о том, что авторы отмечают «агрессивный» способ ведения боевых действий. Также подчеркиваются гуманитарные последствия конфликта, что проявляется в частотном употреблении лексем 伤亡 «потери» (50), 损失 «ущерб» (44) и 消耗 «истощать» (44).

Кроме того, частотными стали лексические единицы из тематической группы «Политика» (30 %), что свидетельствует об акценте на политическом контексте российско-украинского конфликта и его анализе как явления политического характера. Акцент на глобальных политических проблемах и вызовах в контексте описания СВО отмечен регулярной встречаемостью лексем

政治 «политика» (144), 战略 «стратегия» (129), 目标 «цель» (122), 联合国 «ООН» (44), 地缘 «геополитика» (38), 社会 «общество» (38).

Частотность лексем тематической группы «Участники конфликта» (18 % от всех ключевых слов) также демонстрирует, что СВО считается событием внешнеполитического формата, участниками которого признаются не только Россия и Украина, но и 美国 «Америка» (625), 北约 «НАТО» (374), 欧洲 «Европа» (216), 欧盟 «ЕС» (109).

Лексемы тематических групп «История» (9 %) и «Экономика» (7 %) не столь значимы в китайских социальных медиа, как в текстах официальных новостных сообщений [7, с. 45]. Прямая взаимосвязь СВО со сферой финансов и экономикой прослеживается на примере лексем 资金 «средства, фонды» (33), 资源 «ресурсы» (30), 美元 «доллар» (26), 投资 «инвестиции» (22), 财政 «финансы» (17).

Тематическая группа «История», безусловно, отражает культурологические особенности порождения дискурса на китайском языке, а именно серьезную ориентацию на исторический контекст политических событий современности, что также показывает необходимость подходить к изучению любых текстов на китайском с позиций китайской культуры, о чем писал в своих работах Ши Сюй [13, с. 480]. Содержа-

тельно разброс ключевых слов в этой группе показывает, что авторы публикаций помещают события российско-украинского конфликта в максимально широкий контекст, затрагивая историю России: *苏联 «СССР»* (203), *列宁 «Ленин»* (20), а также, очевидно, проводя параллели с другими вооруженными конфликтами и точками противоречий: *阿富汗 «Афганистан»* (27), *台湾 «Тайвань»* (23).

Количественный контент-анализ текстов публикаций в социальных сетях на китайском языке свидетельствует, что репрезентация России сконцентрирована вокруг ее активного участия в военном конфликте на Украине, который описывается еще и с позиций влияния на политику и экономику. Выделенные особенности текстов указывают на критическое отношение авторов к внешнеполитическим действиям России, акцентируют внимание на гуманитарных последствиях и экономических аспектах конфликта.

Качественный контент-анализ публикаций в китайских социальных сетях, освещающих СВО, позволил содержательно дополнить выводы относительно формируемого образа России.

Прежде всего отметим, что при описании боевых действий и их результатов авторы публикаций обращали внимание на способность Вооруженных сил РФ адаптироваться к изменению ситуации на поле боя, а также на современную военную тактику, в частности на использование высокоточного оружия, что создает представление о России как о стране с высоким военным потенциалом, как о технологически продвинутой и стратегически компетентной военной державе:

俄方吸取了失败的教训抗击了乌军的反攻。现在2023年已经结束,再次让西方大跌眼镜。乌克兰战区的主动权开始明显转向俄罗斯¹。— *Россия усвоила неудачный урок и отбила от украинского контрнаступления. Уже заканчи-*

вается 2023 год, и Запад снова удивлен. Инициатива на украинском театре военных действий стала заметно переходить на сторону русских;

是的, 俄军使用陆海基精确制导武器对乌军远近后方的指挥所、通信枢纽、弹药油料库、部队经常和临时驻扎点、以及其他重要目标实施系统性突击。是的, 从2023年初开始俄罗斯已经征召了约49万名合同制军人和志愿者。是的, 俄国防工业综合体精确展开工作。是的, 2022年暴露的许多不足, 俄军2023年已经进行了弥补。是的, 很想在地图上画上指向基辅的红色线²。— *Да, российская армия использует наземное и морское высокоточное оружие для систематических налетов на командные пункты, узлы связи, склады боеприпасов и топлива, базы регулярных и временных войск и другие важные цели в ближнем и дальнем тылу украинской армии. Да, с начала 2023 года Россия призвала около 490 000 контрактников и добровольцев. Да, российский оборонно-промышленный комплекс работает четко. Да, многие недостатки, выявленные в 2022 году, уже устранены российской армией в 2023-м. Да, было бы неплохо иметь карту с красной линией, указывающей на Киев.*

В представленных примерах авторы используют фразеологические обороты, синтаксический параллелизм и повторы для повышения убедительности высказываемой точки зрения, а упрощенный синтаксис делает речевое высказывание более понятным и близким по стилистике массовому адресату дискурса социальных сетей.

Проанализированные тексты публикаций в социальных сетях также описывают Россию как страну, которая вынуждена действовать в условиях внешнего давления, особенно со стороны НАТО и США. Рассмотрим примеры:

为什么俄罗斯一定要打乌克兰, 理由很简单, 因为美国为首的北约背信弃义, 挤压了俄罗斯的战略空间, 想通过扶植亲美的乌克兰政府, 一

¹Социальная сеть «Чжиху». URL: <https://www.zhihu.com/question/636010556/answer/3357820772> (дата обращения: 19.10.2024).

²Там же. URL: <https://zhuanlan.zhihu.com/p/677298149> (дата обращения: 19.10.2024).

步一步扣紧绳索,进而扼杀俄罗斯³。 – *Причина, по которой Россия должна воевать против Украины, очень проста: НАТО во главе с США предало свои обещания, сжало стратегическое пространство России и хочет задушить ее, поддерживая проамериканское украинское правительство и затягивая веревку шаг за шагом;*

美国在乌克兰长期策划推动反俄运动,加剧了民族主义,并不断破坏所有谈判解决乌克兰问题的尝试⁴。 – *США уже давно организуют и продвигают антироссийскую кампанию на Украине, разжигают национализм и постоянно подрывают все попытки урегулирования украинской проблемы путем переговоров.*

Риторика о «сжатом стратегическом пространстве» и «попытках задушить Россию» указывает на восприятие непрекращающейся угрозы со стороны Запада, что предполагает описание причин начала СВО и используется для создания позитивно-нейтрального образа России, которая вынужденно пошла на крайние меры. Тексты также содержат упоминания о значимости Украины для России с исторической и культурной точек зрения, а также стратегической важности Украины как сферы влияния России. Подобная репрезентация России подчеркивает исторические и культурные связи, что может служить средством легитимизации активных действий России на постсоветском пространстве.

Среди примеров, создающих негативный образ России, можно отметить репрезентацию ее как страны, обладающей амбициями, но сталкивающейся с суровой внешнеполитической реальностью:

俄罗斯到底在"特别军事行动"里花了多少钱?从2022年4月份开始,俄罗斯官方就已经停止向外发布俄罗斯联邦预算支出数据,用来掩

盖发动战争的实际财政成本。不过仍然有一些渠道向外透露出"俄罗斯是如何砸锅卖铁投入到这场非正义的战争之中的"⁵。 – *Сколько Россия тратит на «специальную военную операцию»? С апреля 2022 года Россия перестала публиковать данные о расходах федерального бюджета, чтобы скрыть реальные финансовые затраты на войну. Однако до сих пор существуют источники, которые рассказывают о том, как «Россия все до последней копейки вложила в эту несправедливую войну»;*

如果俄军能按照想象的那样完成对乌克兰的全面控制,一切都不会有问题,但是当原计划空降基辅的伞兵们被乌克兰人拦阻后,一切都回归到现实的世界线上了~所以原因就是,俄罗斯很早就存在吞并乌克兰的野心并进行了准备,而且从表面上也做了比较切实的准备,使它认为自己有能力吞并乌克兰而且不会引发西方干涉⁶。 – *Если бы русские взяли Украину под полный контроль, как они и воображали себе, все было бы хорошо, но, когда десантники, которые должны десантироваться в Киев, были остановлены украинцами, все вернулось в реальный мир. Причина этого в том, что амбиции России по аннексии Украины существовали с самого начала, и подготовка велась таким образом, что казалось, что она способна аннексировать Украину, не спровоцировав Запад на вмешательство.*

Мы видим, что в текстах присутствует описание проблем при достижении военных целей, что подтверждается, в частности, указанием на сложности с финансированием и трудности, вызванные санкциями. Негативный образ России также дополняется номинацией СВО как «несправедливой войны».

Заключение. В условиях информатизации общества и персонализации контента дискурс социальных сетей становится ключевым

³Социальная сеть «Чжиху». URL: <https://www.zhihu.com/question/518477330/answer/2363740005> (дата обращения: 19.10.2024).

⁴Там же. URL: <https://zhanlan.zhihu.com/p/502178765> (дата обращения: 19.10.2024).

⁵Там же. URL: <https://zhanlan.zhihu.com/p/555983117> (дата обращения: 19.10.2024).

⁶Там же. URL: <https://www.zhihu.com/question/641593866/answer/3385221025> (дата обращения: 19.10.2024).

чевым средством влияния на массовое сознание и контроля над идеологической стабильностью государства, что позволяет целенаправленно или опосредованно использовать его для формирования общественного мнения.

Данное исследование доказывает возможность применения лингвистического подхода, в частности контент-анализа дискурса социальных сетей, для понимания механизмов формирования образа государства (России) в контексте репрезентации отдельных событий (российско-украинский конфликт). В рамках лингвопрагматического анализа ключевых слов были выделены тематически значимые лексемы, распределенные на 5 групп: «Военная сфера», «Политика», «Экономика», «История» и «Участники конфликта». Наиболее частотными оказались лексемы, связанные с военной сферой (36 %) и политикой (30 %), что отражает интерес к военно-политическим аспектам СВО и обращает внимание на гуманитарные и экономические последствия конфликта, а также на представление России как значимого глобального актора.

Исходя из вышесказанного, можно заключить, что репрезентация России в китайских социальных сетях преимущественно негативная. Номинация СВО как «вторжения, аннексии», указание на несправедливость и агрессивность боевых действий, описание потерь среди мирного населения подчеркивают критический подход авторов к внешнеполитическим действиям России, несмотря на официально нейтральную позицию Китая. При этом образ России характеризуется и такими положительными аспектами, как умение отстаивать свои интересы, независимость внешней политики, вынужденность применения военной силы, противостояние Западнему миру.

Перспективы исследования включают дальнейшее изучение динамики тональности дискурса социальных сетей, анализ влияния внешнеполитических событий на тематическое содержание публикаций, а также разработку методик для более точного измерения и прогнозирования изменений общественного мнения в условиях информационных войн.

Список литературы

1. *Почепцов Г.Г.* Имиджелогия. 2-е изд., испр. и доп. М.: Рефл-бук; Киев: Ваклер, 2001. 698 с.
2. *Пекониди А.В.* Конструирование политического имиджа России современными печатными средствами массовой информации США: дис. ... канд. полит. наук. Владикавказ, 2012. 246 с.
3. *Терских М.В., Маленова Е.Д.* Имидж региона: теоретический аспект (российский и зарубежный опыт) // Полит. лингвистика. 2015. № 2(52). С. 199–205.
4. *Сидорская И.В.* Об употреблении терминов «образ» и «имидж» в русскоязычных исследованиях проблемы медиарепрезентации территорий // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 10: Журналистика. 2021. № 3. С. 173–197. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.3.2021.173197>
5. *Шемякин Р.Д.* Современный образ России в китайских СМИ // Дипломат. служба. 2023. № 4. С. 347–355. <https://doi.org/10.33920/vne-01-2304-09>
6. *Сюй Минло.* Освещение событий на Украине китайскими СМИ // Междунар. журн. гуманит. и естеств. наук. 2022. № 3-2(66). С. 212–214. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2022-3-2-212-214>
7. *Калинин О.И.* Корпусный анализ языковой репрезентации специальной военной операции ВС РФ на Украине в СМИ КНР // Вестн. Моск. гос. лингвист. ун-та. Гуманит. науки. 2022. № 10(865). С. 41–47. https://doi.org/10.52070/2542-2197_2022_10_865_41
8. *Иванов Н.В., Калинин О.И.* Информационное воздействие в политическом медиа-дискурсе // Уч. зап. Нац. о-ва приклад. лингвистики. 2023. № 3(43). С. 76–105.
9. *Карасик В.И.* Жанры сетевого дискурса // Жанры речи. 2019. № 1(21). С. 49–55. <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-49-55>
10. *Кушнерук С.Л.* Идеологическое миромоделирование в контексте информационно-психологической войны: моногр. М.: ФЛИНТА, 2023. 232 с.

11. Мажинский С.В., Нагибина И.Г., Чжан Ю. Дискурсивное пространство ведущих китайских «новых медиа» // *Orient. Stud.* 2023. Т. 16, № 4. С. 903–913. <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2023-68-4-903-913>
12. Fairclough N. *Critical Discourse Analysis: The Critical Analysis of Language*. N. Y.: Routledge, 2013. 582 p.
13. *The Routledge Handbook of Cultural Discourse Studies* / ed. by Shi-xu. N. Y.: Routledge, 2024. 480 p.

References

1. Pocheptsov G.G. *Imidzhelogiya* [Image Studies]. Moscow, 2001. 698 p.
2. Pekonidi A.V. *Konstruirovaniye politicheskogo imidzha Rossii sovremennymi pechatnymi sredstvami massovoy informatsii SShA* [Construction of Russia's Political Image by Modern US Print Media: Diss.]. Vladikavkaz, 2012. 246 p.
3. Terskikh M.V., Malenova E.D. Imidzh regiona: teoreticheskiiy aspekt (rossiyskiy i zarubezhnyy opyt) [Image of a Region: Theoretical Aspect (Russian and Foreign Experience)]. *Politicheskaya lingvistika*, 2015, no. 2, pp. 199–205.
4. Sidorskaya I.V. Ob upotreblenii terminov “obraz” i “imidzh” v russkoyazychnykh issledovaniyakh problemy mediareprezentatsii territoriy [On Using the Term “Image” in Russian-Language Studies into the Problem of Media Representation of Territories]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10: Zhurnalistika*, 2021, no. 3, pp. 173–197. <https://doi.org/10.30547/vestnik.journ.3.2021.173197>
5. Shemyakin R.D. Sovremennyy obraz Rossii v kitayskikh SMI [The Modern Image of Russia in the Chinese Media]. *Diplomaticheskaya sluzhba*, 2023, no. 4, pp. 347–355. <https://doi.org/10.33920/vne-01-2304-09>
6. Xu Mingluo. Osveshchenie sobytiiy na Ukraine kitayskimi SMI [Chinese Media Coverage of Events in Ukraine]. *Mezhdunarodnyy zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, 2022, no. 3-2, pp. 212–214. <https://doi.org/10.24412/2500-1000-2022-3-2-212-214>
7. Kalinin O.I. Corpus Analysis of the Language Representation of the Russian Special Military Operation in Ukraine in the PRC Mass Media. *Vestn. Mosc. State Linguist. Univ. Humanit.*, 2022, no. 10, pp. 41–47 (in Russ.). https://doi.org/10.52070/2542-2197_2022_10_865_41
8. Ivanov N.V., Kalinin O.I. Informatsionnoye vozdeystvie v politicheskom media-diskurse [Information Impact in the Political Media Discourse]. *Uchenye zapiski Natsional'nogo obshchestva prikladnoy lingvistiki*, 2023, no. 3, pp. 76–105.
9. Karasik V.I. Genres of Network Discourse. *Speech Genres*, 2019, no. 1, pp. 49–55 (in Russ.). <https://doi.org/10.18500/2311-0740-2019-1-21-49-55>
10. Kushneruk S.L. *Ideologicheskoe miromodelirovaniye v kontekste informatsionno-psikhologicheskoy voyny* [Ideological World Modelling in the Context of Information and Psychological Warfare]. Moscow, 2023. 232 p.
11. Mazhinskiy S., Nagibina I., Zhang Yu. Discursive Space of Leading Chinese ‘New Media’. *Orient. Stud.*, 2023, vol. 16, pp. 903–913 (in Russ.). <https://doi.org/10.22162/2619-0990-2023-68-4-903-913>
12. Fairclough N. *Critical Discourse Analysis: The Critical Analysis of Language*. New York, 2013. 582 p.
13. Shi-xu. (ed.). *The Routledge Handbook of Cultural Discourse Studies*. New York, 2024. 480 p.

Информация об авторе

О.И. Калинин – доктор филологических наук, профессор кафедры китайского языка Московского государственного лингвистического университета, старший научный сотрудник управления научной и инновационной деятельности Южно-Уральского государственного университета (национального исследовательского университета), доцент кафедры дальневосточных языков Военного университета им. князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации (адрес: 123001, Москва, ул. Большая Садовая, д. 14).

Information about the author

Oleg I. Kalinin, Dr. Sci. (Philol.), Prof. at the Chinese Department, Moscow State Linguistic University, Senior Researcher at Research and Innovation Services, South Ural State University (National Research University), Assoc. Prof. at the Department of Far Eastern Languages, Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation (address: Bol'shaya Sadovaya 14, Moscow, 123001, Russia).

Поступила в редакцию 05.07.2024
Одобрена после рецензирования 22.10.2024
Принята к публикации 24.10.2024

Submitted 5 July 2024
Approved after reviewing 22 October 2024
Accepted for publication 24 October 2024

Федуленкова Т.Н.

Грамматические функции одного библейского фразеологизма

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 6. С. 92–99.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 6, pp. 92–99.

Научная статья
УДК 811.111:81'373.4
DOI: 10.37482/2687-1505-V393

Грамматические функции одного библейского фразеологизма

Татьяна Николаевна Федуленкова

Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича
и Николая Григорьевича Столетовых, Владимир, Россия,

e-mail: fedulenkova@list.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5039-5827>

Аннотация. Фразеологизм библейского происхождения (*a/the Good Samaritan*) является одним из наиболее распространенных устойчивых оборотов, употребляемых в современном английском языке, в частности его литературных вариантах. Только в Корпусе современного американского английского языка (СОСА) удалось обнаружить более 800 контекстов с данным фразеологизмом. В тексте Библии указанное словосочетание не имеет фразеологического статуса, т. к. его компоненты не обнаруживают признаков переосмысления, т. е. употребляются в своем первоначальном значении: речь идет об одном добром страннике из самаритян, который, увидев по дороге больного, изможденного, всего в ранах и стружьях человека, незамедлительно поспешил ему на помощь. Объектом настоящего исследования служат конкретные употребления библейского фразеологизма (*a/the Good Samaritan*) в современной английской речи, например в речи, зафиксированной в иллюстративных контекстах, представленных на сайтах национальных корпусов современного английского языка, в т. ч. его литературных вариантов. Для данного исследования использована выборка из национального корпуса американского варианта современного английского языка. Предметом исследования является процентное соотношение различных грамматических функций, выполняемых характеризуемым библеизмом в предложении, поскольку функция есть важнейший аспект внимания лингвиста как в структурном, так и в когнитивном плане. Новизна статьи заключается в том, что избранный фразеологизм библейского происхождения еще не служил объектом детального лингвистического анализа с точки зрения его грамматических функций в предложении.

Ключевые слова: *современный английский язык, фразеологизм библейского происхождения, грамматическая функция, Корпус современного американского английского языка, СОСА*

Для цитирования: Федуленкова, Т. Н. Грамматические функции одного библейского фразеологизма / Т. Н. Федуленкова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 6. – С. 92–99. – DOI 10.37482/2687-1505-V393.

© Федуленкова Т.Н., 2024

Original article

Grammatical Functions of One Biblical Idiom

Tatiana N. Fedulenkova

Vladimir State University, Vladimir, Russia,

e-mail: fedulenkova@list.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-5039-5827>

Abstract. The biblical idiom (*a/the Good Samaritan*) is one of the most common set phrases that are used in contemporary English, including its standard variants. Over 800 contexts with this phraseological unit were found in the Corpus of Contemporary American English (COCA) alone. In the Bible, this phrase is not an idiom since its components show no signs of semantic transfer and each word is used in its original meaning: this is a parable about a good Samaritan who, upon seeing an emaciated person covered in wounds and scabs, hurries to help him. The object of research in this paper is the specific use of the biblical idiom (*a/the Good Samaritan*) in contemporary English, e.g. in the sentences presented on the websites of national corpora of contemporary English, including its standard variants. In this article, a sample from COCA was studied. The subject of research is the percentage of various grammatical functions performed by this biblical idiom in a sentence, since function is a focus of a linguist's attention both structurally and cognitively. The novelty of the study lies in the fact that the biblical idiom (*a/the Good Samaritan*) has not been subject to a detailed linguistic analysis in terms of its grammatical functions in a sentence.

Keywords: *contemporary English, biblical idiom, grammatical function, Corpus of Contemporary American English, COCA*

For citation: Fedulenkova T.N. Grammatical Functions of One Biblical Idiom. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 6, pp. 92–99. DOI: 10.37482/2687-1505- V393

Внимание исследователей к изучению фразеологии библейского происхождения не только не угасает, но и приобретает все более интенсивный характер, особенно ярко проявляющийся в отечественной науке [1–5]. За последние 5 лет только в рецензируемых изданиях опубликован целый ряд работ, связанных с вопросами структурного и семантического развития и употребления в современной речи устойчивых библейских выражений, а также с вопросами их происхождения, текстуального преобразования и классификации [6–9]. В недавнем фундаментальном исследовании, посвященном интегративному описанию библейской фразеологии некоторых германских языков, находим, в частности, дифференциацию терминов, называющих изучаемые библейские

единицы, такие, например, как *библейзм*, *библейский фразеологизм*, *фразеологическая единица библейского происхождения* и некоторые др. [10, с. 15]. Однако такой интерес к изучению библейской фразеологии за рубежом не отмечается (видимо, из-за культурного сдвига в сторону «радужных» тем и культивирования толерантности по отношению к известным социальным меньшинствам сатанинского толка): читатель не найдет ни одной статьи, посвященной библеизмам и опубликованной в материалах недавних конференций Европейского общества фразеологов EUROPHRAS [11]. Работы тома 2023 года рассматривают проблемы: фразеологии в ее связи с культурой и интертекстуальностью; компаративного и сопоставительного изучения фразеологии европейских народов; концептуаль-

ного исследования фразеологических единиц; лингводидактики и связанных с нею компетенций (см., например: [12–15]).

Фразеологизм библейского происхождения (*a/the Good Samaritan*) является одним из наиболее распространенных устойчивых оборотов, употребляемых в современном английском языке и его вариантах. Только в Корпусе современного американского английского языка (Corpus of Contemporary American English, COCA)¹ удалось обнаружить более 800 контекстов с рассматриваемой фразеологической единицей.

Объектом настоящего исследования служат конкретные употребления библейского фразеологизма (*a/the Good Samaritan*) в современной английской речи, в частности в речи, зафиксированной в иллюстративных контекстах, которые представлены на сайтах национальных корпусов современного английского языка, в т. ч. его литературных вариантов. Для выборки автор использует данные национального корпуса COCA.

Предметом исследования является процентное соотношение различных грамматических функций, выполняемых избранным библейским фразеологизмом в предложении, поскольку функция языкового знака есть важнейший аспект лингвистического анализа как в структурном, так и в когнитивном плане [16]. Методология и методики настоящей статьи построены на основе трудов А.В. Кунина [17], З.И. Комаровой [18], Э. Пиирайнен [19], А.Д. Бакиной [20].

Библейский фразеологизм (*a/the Good Samaritan*) проявляет особую активность, выступая в 36 % случаев в функции препозитивного определения, т. е., по терминологии В.Д. Аракина [21], в роли адьюнкта в сочетании «адьюнкт плюс ядро (A + K)», например:

Laurie Hugelmaier, mother of Lauren Phelps, who was killed by her husband Matthew Phelps in 2017, makes an emotional statement after Phelps pleaded guilty to first-degree murder in Raleigh

*Friday, Oct. 5, 2018. <...> Many friends and relatives guessed in court that Matthew Phelps attracted his wife's attention by pretending to be vulnerable, triggering her **Good Samaritan impulse**. – Лори Хугельмайер, мать Лорен Фелпс, которая была убита своим мужем Мэтью Фелпсом в 2017 году, сделала эмоциональное заявление после того, как Фелпс признал себя виновным в убийстве первой степени в Рейли в пятницу, 5 октября 2018 года. <...> Многие друзья и родственники предположили в суде, что Мэтью Фелпс привлек внимание своей жены, притворившись ранимым, и вызвал в ней **порыв доброго самаритянина**.*

В качестве определяемого ядра в рассматриваемом фразеологизме часто выступают такие компоненты, как *Hospital, Medical Centre, Fund*. Приведем контекстуальные примеры:

*The city of Los Angeles began a crackdown on hospital dumping about a decade ago after several incidents there, particularly along Skid Row, where many of the city's homeless people live. The city has imposed millions of dollars in fines on hospitals for the practice. **Good Samaritan Hospital** had to pay \$450,000 to settle allegations that it dumped a homeless patient on the street in 2014 after he was treated for a foot injury. – Около 10 лет назад власти Лос-Анджелеса начали борьбу с тем, что больницы выставляют за порог неудобных пациентов, после нескольких инцидентов в лечебных учреждениях, особенно в районе Скид-Роу, где проживает много бездомных. Городские власти наложили на больницы штрафы на миллионы долларов за подобную практику. **Больнице «Добрый самаритянин»** пришлось заплатить 450 тыс. долл., чтобы урегулировать обвинения в том, что в 2014 году она выставляла бездомного пациента на улицу, после того как ему оказали медицинскую помощь;*

Macy also claims Hanley pushed forward his own plans on how to spend a \$10.7 million fund, created mostly from donations from Wheeler's grandmother – even though the elder Wheeler

¹COCA. URL: <https://www.english-corpora.org/coca/> (дата обращения: 28.01.2024).

had restricted the money for use by the chaplain at Legacy **Good Samaritan Medical Center**. The lawsuit doesn't detail what the bishop did with the donated money. – Мэйси также утверждает, что Хэнли выдвинул собственные планы относительно того, как потратить фонд в размере 10,7 млн долл., созданный в основном за счет пожертвований бабушки Уилера, даже несмотря на то, что старший Уилер ограничил использование денег капелланом в медицинском центре «**Наследие доброго самаритянина**». В иске не уточняется, что епископ сделал с пожертвованными деньгами.

Функция препозитивного определения может исполняться рассматриваемым библеизмом и в притяжательном падеже, а именно в форме *Good Samaritan's*, например:

In their darkest hour, the stalwart officer and good-hearted waitress shared a bowl of soup with me. When I left, the Good Samaritan gave me money, wishing it could be more. <...> – I just wanted to see it again. – Why is the gate open? – I don't know. Well, Carol has a key... – The door's stuck. – What is this? – It must be a mistake. – "The Good Samaritan's Fund". – Даже в самый мрачный свой час честный офицер и добрая официантка поделились со мной тарелкой супа. Когда я уходил, этот добрый самаритянин дал мне денег из своего кармана, пожалев, что их у него так мало. <...> – Я просто хотела еще раз увидеть. – Почему решетка открыта? – Я не знаю. У Кэрол есть ключ... – Дверь не открывается. Что это? – Это, должно быть, какая-то ошибка. – «**Фонд доброго самаритянина**».

Довольно часто изучаемый библеизм встречается в **функции подлежащего** (21 % случаев), например:

The back window of the fleeing muscle car exploded. <...> No way the driver survived that shit. Extending her neck around the corner of a house, Abrianna attempted to get a better look at what was going on... She counted seven guys running up to the car. When they reached the driver's side, a rumble of angry voices filled the night before they released another round of gunfire.

<...> Abrianna backed away, spun around, and ran smack into a solid body. <...> The pockmarked Good Samaritan materialized out of the shadow. "Hey there, little girl. Remember me?" – Заднее стекло убегающего автомобиля разлетелось вдребезги. <...> Водитель не мог выжить в этом дерьме. Выглянув из-за угла дома, Абрианна попыталась получше разглядеть, что происходит... Она насчитала семерых парней, подбежавших к машине. Когда они добрались до водительского места, ночь наполнилась гулом сердитых голосов, а затем раздалась еще одна очередь. <...> Абрианна понялась, развернулась и врезалась в твердое тело. <...> Рябой добрый самаритянин материализовался из тени. – Привет, малышка. Помнишь меня?

Характеризуемый библеизм в 14 % случаев выступает в **функции постпозитивного определения**:

Mother Teresa, left, says goodbye to Princess Diana after receiving a visit from her in this file photo taken Wednesday, June 18, 1997, in New York. Mother Teresa... died Sept. 1997 aged 87. <...> Princess Diana was killed in a car crash in Paris on Aug. 31, 1997. <...> The world of the Good Samaritan. – Мать Тереза (слева) прощается с принцессой Дианой после того, как та навестила ее, на этой фотографии, сделанной в среду, 18 июня 1997 года, в Нью-Йорке. Мать Тереза... скончалась в сентябре 1997 года в возрасте 87 лет. <...> Принцесса Диана погибла в автокатастрофе в Париже 31 августа 1997 года. <...> **Мир доброго самаритянина**.

Библеизм (*a/the Good Samaritan*), выполняющий **функцию постпозитивного дополнения с предлогом**, встречается в 11 % случаев, например:

Where's Diana? – She's probably getting help. I am delighted to finally meet the fabled Wonder Woman. But not to see you earthlings give in to your weakness for violence. <...> Here you are, Andros. Are you all right? I notified the police. It's okay, Diana. <...> – Yes, it was very fortunate. And we had some help from this Good Samaritan. – Где Диана? – Ей, наверное, оказывают помощь. Я рада, что наконец-то познакомилась

с легендарной Чудо-женщиной. Но не хочу видеть, как вы, земляне, поддаетесь своей слабости к насилию. <...> А вот и ты, Андрос. С тобой все в порядке? Я сообщил в полицию. Все в порядке, Диана. <...> – Да, нам очень повезло. И этот **добрый самаритянин** оказал нам некоторую помощь.

Рассматриваемый библеизм нередко выступает в функции дополнения, как прямого, так и предложного. В **функции прямого дополнения** он встречается в 8 % исследованных случаев, например:

*She was born in the backseat of a stranger's car, because Uncle Liam and Aunt Val were homeless, driving through Texas when their old beat-up van broke down. Nine months pregnant, Aunt Val hitchhiked to the next town for help. If you ever consider **playing Good Samaritan** to a pregnant woman, think about... – Она родилась на заднем сиденье чужой машины, потому что дядя Лиам и тетя Вэл были бездомными и ехали через Техас, когда их старый потрепанный фургон сломался. На девятом месяце беременности тетя Вэл отправилась автостопом в соседний город за помощью. Если вы когда-нибудь подумаете о том, чтобы **поиграть в доброго самаритянина** по отношению к беременной женщине, подумайте о том, чтобы...*

В **функции предиката** характеризуемый библеизм выступает в 7 % случаев, например:

*...a single headlight approaching fast down the long, straight road... looked like a motorcycle, sounded like one, too. <...> Will turned off the flashlight and laid it on the ground. One hand drew the weapon out of his belt. "Close the window, lock the doors, and get down," he ordered Erin. He caught the flash of her frightened eyes as she obeyed. He'd probably scared her for nothing, but he couldn't take any chances. <...> The motorcycle was slowing down. Maybe the rider **was just some Good Samaritan** wanting to help. But Will couldn't lay odds on that. – ...одинокий свет фар, быстро приближающийся по длинной прямой дороге... выглядел как мотоцикл, да и звучал как мотоцикл. <...> Уилл выключил фонарик и положил его на землю. Одной*

*рукой вытащил оружие из-за пояса. «Закрой окно, запри двери и пригнись», – приказал он Эрин. Он заметил, как в ее глазах вспыхнул испуг, когда она повиновалась. Возможно, он зря напугал ее, но он не мог рисковать. Мотоцикл замедлял ход. Возможно, водитель был просто **добрым самаритянином**, желающим помочь. Но Уилл не мог на это рассчитывать.*

В функции предиката библеизм (*a/the Good Samaritan*) может использоваться и окказионально, в рассогласованной форме по отношению к подлежащему и глаголу-связке (*they are a good Samaritan*) для того, чтобы подчеркнуть единство движения добровольных помощников:

*Applicants at... describe in 50 words or fewer how a cell phone was used to help someone else in an emergency. <...> "It's a fun thing and something that suits the Olympic movement and the spirit of the Olympics. It does give those people who have helped other people out, whether in a small way or not, to show they are **a good Samaritan** and should be rewarded in some way", Yamaguchi said. – Кандидаты... в 50 словах или меньше описывают, как был использован мобильный телефон, чтобы помочь кому-то в чрезвычайной ситуации. <...> «Это забавная вещь, которая соответствует олимпийскому движению и духу Олимпиады. Это дает возможность тем людям, которые помогли другим, неважно, в мелочах или нет, показать, что они **добрые самаритяне** и должны быть каким-то образом вознаграждены», – сказала Ямагучи.*

В **функции сложного дополнения** рассматриваемый библеизм выступает довольно редко, лишь в 1 % исследованных случаев, например:

*Dramatic surveillance video **shows a Good Samaritan come** to the rescue of a woman during an attempted carjacking. It all played out at a Connecticut gas station. And you can see the suspect tackle the woman, then steal her purse. Well, seconds later, the Good Samaritan comes out of the gas station and kicks the suspect a couple of times... – Впечатляющее видео с камер наблюдения показывает, как **добрый самаритянин** приходит на помощь женщине во время попытки угона*

автомобиля. Все это происходило на заправке в Коннектикуте. И вы можете видеть, как подозреваемый нападает на женщину, а затем крадет ее сумочку. И вот, через несколько секунд добрый самаритянин выходит из автозаправки и пару раз пинает подозреваемого...

Таким образом, квантитативно-грамматический анализ рассматриваемого библейского фразеологизма (*a/the*) *Good Samaritan* позволяет выявить процентное соотношение ряда

его грамматических функций: препозитивно-го определения – 36 %; подлежащего – 21 %; постпозитивного определения – 14 %; постпозитивного дополнения с предлогом – 11 %; прямого дополнения – 8 %; предиката – 7 %; сложного дополнения – 1 %.

Результаты данного исследования предполагается использовать в построении типологического паспорта (идея и термин В.Д. Аракина [21]) фразеологии современного английского языка.

Список литературы

1. Адамия З.К., Алешин А.С., Балакова Д., Вальтер Х., Венжинович Н.Ф., Гутовская М.С., Дракулч-Прийма Д.Р., Иванов Е.Е., Коморовска Э., Кржишиник Э., Макарова А.С. и др. Лепта библейской мудрости: русско-славянский словарь библейских крылатых выражений и афоризмов с соответствиями в германских, романских, армянском и грузинском языках: в 2 т. Т. 1: А–О. Могилев: МГУ им. А.А. Кулешова, 2019. 288 с.
2. Бакина А.Д. Библейская фразеология: вчера, сегодня, завтра: моногр. Орел: ОГУ им. И.С. Тургенева: Карпуш, 2023. 451 с.
3. Дубровина К.Н. Библейские фразеологизмы в русской и европейской культуре. М.: Флинта: Наука, 2012. 259 с.
4. Piirainen E. The Bible as Source of Common Figurative Units // *Parémiologie. Proverbes et formes voisines* / ed. by J.-M. Benayoun, N. Kübler, J.-P. Zouogbo. 2013. Vol. 3. P. 127–142.
5. Шкуран О.В. Десакрализация библейского фразеологизма *Не хлебом единым жив человек* на материале интернет-, медиадискурса // Уч. зап. Петрозав. гос. ун-та. 2020. Т. 42, № 7. С. 54–63. <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2020.539>
6. Bakina A.D. Variability in English Phraseological Units of Biblical Origin // 15th ESSE Conference Programme and Book of Abstracts / ed. by J. Eveno, V. Favre, V. Guignery, N. Lasorak, H. Lecomte, R. Marcon, M. Rabecq. Lyon, 2021. 105 p.
7. Бакина А.Д., Федулenkova Т.Н. Простые и сложные окказиональные преобразования библейских фразеологизмов в произведениях У. Шекспира // *Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки.* 2023. Т. 23, № 4. С. 74–82. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V275>
8. Fedulenkova T. Modern Life of Biblical Phraseology and Its Variants in English // *Proceedings of the 10th International Conference: “Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects”* / ed. by L.A. Nefedova. European Publ., 2020. P. 1476–1485. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.08.171>
9. Bakina A.D. The Bible as a Precedent Text to Shakespeare’s Plays // *Tenth International Conference on Language and Literary Studies “Language, Literature and Future”* / ed. by M. Nikolić, B. Solujić. Belgrade: Alfa BK Univ., 2022. P. 212–221.
10. Бакина А.Д. Интегративное описание библейской фразеологии (на материале английского и немецкого языков): дис. ... д-ра филол. наук. Архангельск, 2024. 496 с.
11. EUROPHRAS 2023: New Trends in Phraseology: Languages and Cultures in Comparison. Milano: Univ. degli Studi di Milano, 2023. 195 p.
12. Ni Loingsigh K. Phraseology, Culture, and Intertextuality in Irish-Language Literature // *EUROPHRAS 2023: New Trends in Phraseology: Languages and Cultures in Comparison.* Milano: Univ. degli Studi di Milano, 2023. P. 135.
13. Bjelobaba S., Orešković Dvorski L. A Contrastive Study of Phraseological Units in English, French and Italian Political Discourse // *EUROPHRAS 2023: New Trends in Phraseology: Languages and Cultures in Comparison.* Milano: Univ. degli Studi di Milano, 2023. P. 23.
14. Mazzetto N. The Conceptualization of French Idioms: A Contrastive Approach // *EUROPHRAS 2023: New Trends in Phraseology: Languages and Cultures in Comparison.* Milano: Univ. degli Studi di Milano, 2023. P. 117.

15. Pavlina S. Dual Coding of Conventional Figurative Idioms in Editorial Cartoons: Using Visualization to Develop Translator Students' Idiomatic Competence // *EUOPHRAS 2023: New Trends in Phraseology: Languages and Cultures in Comparison*. Milano: Univ. degli Studi di Milano, 2023. P. 142.

16. Fedulenkova T.N. Functions of English Phraseological Units // Лингвистика и перевод: материалы междунар. науч. семинара «Интра- и интеркультурные векторы филологических исследований на Архангельском Севере и за рубежом» / сост. и отв. ред. И.М. Нетунаева, А.М. Поликарпов. Архангельск: САФУ, 2015. С. 182–187.

17. Кунин А.В. Асимметрия в сфере фразеологии // *Вопр. языкознания*. 1988. № 3. С. 98–107.

18. Комарова З.И., Краев С.В. Методология и методика квантитативного исследования // *Ядерные служебные слова в русском подязыке информатики: квантитативно-квалитативное исследование: моногр.* Екатеринбург: Урал. лит. агентство, 2008. С. 59–74.

19. Balázs J.A., Piirainen E. Devil in Wolf's Clothing: Variations on the Theme of "Speak of the Wolf / Devil and He Appears" // *Proverbium. Yearb. Int. Proverb Scholarsh.* 2016. Vol. 33, № 1. P. 29–50.

20. Bakina A.D. The Linguo-Cognitive Paradigm for the Study of Biblical Phraseology // *Вопр. журналистики, педагогики и языкознания*. 2023. Т. 42, № 2. С. 290–300. <https://doi.org/10.52575/2712-7451-2023-42-2-290-300>

21. Аракин В.Д. Структурная типология русского и некоторых германских языков (единицы сопоставительного-типологического анализа языков): дис. ... д-ра филол. наук в форме науч. докл. М., 1983. 38 с.

References

1. Adamiya Z.K., Aleshin A.S., Balakova D., Val'ter Kh., Venzhinovich N.F., Gutovskaya M.S., Drakulich-Priyma D.R., Ivanov E.E., Komorovska E., Krzhishnik E., Makarova A.S., et al. *Lepta bibleyskoy mudrosti: russko-slavyanskiy slovar' bibleyskikh krylatykh vyrazheniy i aforizmov s sootvetstviyami v germanskikh, romanskikh, armyanskom i gruzinskoy yazykakh* [A Mite of Biblical Wisdom: A Russian-Slavic Dictionary of Biblical Winged Words and Aphorisms with Equivalents in the Germanic, Romance, Armenian, and Georgian Languages]. Vol. 1. A–O. Mogilev, 2019. 288 p.

2. Bakina A.D. *Bibleyskaya frazeologiya: vchera, segodnya, zavtra* [Biblical Phraseological Units: Yesterday, Today, Tomorrow]. Orel, 2023. 451 p.

3. Dubrovina K.N. *Bibleyskie frazeologizmy v russkoy i evropeyskoy kul'ture* [Biblical Phraseological Units in Russian and European Culture]. Moscow, 2012. 259 p.

4. Piirainen E. The Bible as Source of Common Figurative Units. Benayoun J.-M., Kübler N., Zouogbo J.-P. (eds.). *Parémiologie. Proverbes et formes voisines*. Sainte Gemme, 2013. Vol. 3, pp. 127–142.

5. Shkuran O.V. Desacralization of the Biblical Idiom "Man Shall Not Live by Bread Alone" in the Internet and Media Discourse. *Proc. Petrozavodsk State Univ.*, 2020, vol. 42, no. 7, pp. 54–63 (in Russ.). <https://doi.org/10.15393/uchz.art.2020.539>

6. Bakina A.D. Variability in English Phraseological Units of Biblical Origin. Eveno J., Favre V., Guignery V., Lasorak N., Lecomte H., Marcon R., Rabecq M. (eds.). *15th ESSE Conference Programme and Book of Abstracts*. Lyon, 2021, p. 105.

7. Bakina A.D., Fedulenkova T.N. Simple and Complex Occasional Transformations of Biblical Phraseological Units in W. Shakespeare's Works. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2023, vol. 23, no. 4, pp. 74–82. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V275>

8. Fedulenkova T. Modern Life of Biblical Phraseology and Its Variants in English. Nefedova L.A. (ed.). *Proceedings of the 10th International Conference: "Word, Utterance, Text: Cognitive, Pragmatic and Cultural Aspects"*. European Publisher, 2020, pp. 1476–1485. <https://doi.org/10.15405/epsbs.2020.08.171>

9. Bakina A.D. The Bible as a Precedent Text to Shakespeare's Plays. Nikolić M., Solujić B. (eds.). *Tenth International Conference on Language and Literary Studies "Language, Literature and Future". Programme and Book of Abstracts*. Belgrade, 2022, pp. 212–221.

10. Bakina A.D. *Integrativnoe opisanie bibleyskoy frazeologii (na materiale angliyskogo i nemetskogo yazykov)* [Integrative Description of Biblical Phraseological Units (Based on the English and German Languages): Diss.]. Arkhangelsk, 2024. 496 p.

11. *EUOPHRAS 2023: New Trends in Phraseology: Languages and Cultures in Comparison*. Milano, 2023. 195 p.

12. Ní Loingsigh K. Phraseology, Culture, and Intertextuality in Irish-Language Literature. *EUOPHRAS 2023: New Trends in Phraseology: Languages and Cultures in Comparison*. Milano, 2023, p. 135.

13. Bjelobaba S., Orešković Dvorski L. A Contrastive Study of Phraseological Units in English, French and Italian Political Discourse. *EUROPHRAS 2023: New Trends in Phraseology: Languages and Cultures in Comparison*. Milano, 2023, p. 23.
14. Mazzetto N. The Conceptualization of French Idioms: A Contrastive Approach. *EUROPHRAS 2023: New Trends in Phraseology: Languages and Cultures in Comparison*. Milano, 2023, p. 117.
15. Pavlina S. Dual Coding of Conventional Figurative Idioms in Editorial Cartoons: Using Visualization to Develop Translator Students' Idiomatic Competence. *EUROPHRAS 2023: New Trends in Phraseology: Languages and Cultures in Comparison*. Milano, 2023, p. 142.
16. Fedulenkova T.N. Functions of English Phraseological Units. Netunaeva I.M., Polikarpov A.M. (eds.). *Lingvistika i perevod* [Linguistics and Translation]. Arkhangel'sk, 2015, pp. 182–187.
17. Kunin A.V. Asimetriya v sfere frazeologii [Asymmetry in the Sphere of Phraseology]. *Voprosy yazykoznanija*, 1988, no. 3, pp. 98–107.
18. Komarova Z.I., Kraev S.V. Metodologiya i metodika kvantitativnogo issledovaniya [Methodology and Techniques of Quantitative Research]. *Yadernye sluzhebnye slova v russkom pod'yazyke informatiki: kvantitativno-kvalitativnoe issledovanie* [Core Functional Words in the Russian Sublanguage of Information Science: Quantitative-Qualitative Research]. Yekaterinburg, 2008, pp. 59–74.
19. Balázs J.A., Piirainen E. Devil in Wolf's Clothing: Variations on the Theme of "Speak of the Wolf / Devil and He Appears". *Proverbium Yearb. Int. Proverb Scholarsh.*, 2016, vol. 33, no. 1, pp. 29–50.
20. Bakina A.D. The Linguo-Cognitive Paradigm for the Study of Biblical Phraseology. *Iss. Journal. Educ. Linguist.*, 2023, vol. 42, no. 2, pp. 290–300. <https://doi.org/10.52575/2712-7451-2023-42-2-290-300>
21. Arakin V.D. *Strukturnaya tipologiya russkogo i nekotorykh germanskikh yazykov (edinit'sy sopostavitel'no-tipologicheskogo analiza yazykov)* [Structural Typology of the Russian and Some German Languages (Units of Comparative-Topological Linguistic Analysis): Diss. Pap.]. Moscow, 1983. 38 p.

Информация об авторе

Т.Н. Федулénkova – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры «Иностранные языки профессиональной коммуникации» Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (адрес: 600000, г. Владимир, ул. Горького, д. 87).

Information about the author

Tatiana N. Fedulenkova, Dr. Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Prof. at the Department of Foreign Languages of Professional Communication, Vladimir State University (address: ul. Gor'kogo 87, Vladimir, 600000, Russia).

Поступила в редакцию 08.07.2024
Одобрена после рецензирования 15.10.2024
Принята к публикации 17.10.2024

Submitted 8 July 2024
Approved after reviewing 15 October 2024
Accepted for publication 17 October 2024

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 6. С. 100–111.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 6, pp. 100–111.

Обзорная статья
УДК 130.3
DOI: 10.37482/2687-1505-V394

Войны памяти и война с памятью, мемориальный суверенитет: подходы, концепции, разработки

Елена Владимировна Кудряшова¹

Евгения Юрьевна Макулина²✉

^{1,2}Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия

¹e-mail: e.kudryashova@narfu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0684-3856>

²e-mail: makulina.e@edu.narfu.ru✉, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-1433-395X>

Аннотация. Цель настоящей работы состоит в обобщении проблематики социально-исторической памяти на материале социальной философии, а также в попытке взвешенной оценки текущей ситуации и стратегий сохранения генетических оснований отечественной культуры. Методология исследования выстроена на основе идеи сложности открытых социальных систем, теоретического анализа социально-политологической и социально-философской литературы. В работе дана социально-философская интерпретация концептуального различия социальной и исторической памяти. Охарактеризованы фундаментальные особенности социально-исторической памяти, берущей свое начало в механизме воспроизводства генетических оснований культуры с одной стороны и специфике социальной структуры общества с другой. Результаты исследования показывают, что историческая и социальная память неразрывно связаны, выступая в отношении друг друга в качестве, во-первых, содержания памяти, во-вторых, способа ее организации, т. е. хранения и транслирования ее содержания. В статье представлен краткий обзор актуальной социально-философской проблематики различных аспектов социально-исторической памяти, выявлены основные современные акторы социальной памяти и проблемы их взаимодействия: мемориальные группы, мемориальное законодательство, войны памяти и война с памятью, а также дилеммы понимания природы конфликта между различными системами памяти, базирующимися на разных ценностных основаниях. Отмечено, что в отношении исторической памяти существуют вызовы, преодолевая которые она претерпевает существенную трансформацию, вовлекаясь в повестку современной цифровой коммуникации, связанную со множеством новых информационных феноменов, фундированных природой Интернета. Ввиду новых условий функционирования социально-исторической памяти в России выдвигается положение об уязвимости классических способов сохранения и трансляции памяти, в связи с чем актуализируется вопрос об изучении опыта сохранения памяти и его адаптации к новым условиям транслирования информации. В финале статьи намечены пути решения обозначенных проблем.

Ключевые слова: социальная память, историческая память, историческая травма, политика памяти, суверенитет памяти, войны памяти

Для цитирования: Кудряшова, Е. В. Войны памяти и война с памятью, мемориальный суверенитет: подходы, концепции, разработки / Е. В. Кудряшова, Е. Ю. Макулина // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 6. – С. 100-111. – DOI 10.37482/2687-1505-V394.

Review article

Memory Wars and the War on Memory, Memorial Sovereignty: Approaches, Conceptions and Projects

Elena V. Kudryashova¹

Evgenia Yu. Makulina²✉

^{1,2}Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

¹e-mail: e.kudryashova@narfu.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0684-3856>

²e-mail: makulina.e@edu.narfu.ru✉, ORCID: <https://orcid.org/0009-0002-1433-395X>

Abstract. The purpose of this article is to generalize the problems of socio-historical memory based on the material of social philosophy, as well as to attempt a balanced assessment of the current situation and strategies for preserving the genetic foundations of Russian culture. The research methodology is based on the idea of the complexity of open social systems and on a theoretical analysis of politico-sociological and socio-philosophical literature. A socio-philosophical interpretation of the conceptual distinction between social and historical memory is provided. Further, the paper describes the fundamental features of socio-historical memory, which originates in the mechanism of reproduction of the genetic foundations of culture on the one hand, and in the specifics of the social structure of society on the other. The results of the study demonstrate that historical and social memory are inextricably linked, acting in relation to each other, firstly, as the content of memory, and secondly, as a way of organizing it, i.e. storing and broadcasting its content. In addition, the paper presents a brief overview of the current socio-philosophical issues of various aspects of socio-historical memory and identifies the key modern actors of social memory and the problems of their interaction: memorial groups, memorial legislation, memory wars and the war on memory, as well as dilemmas about the understanding of the nature of conflict between various memory systems based on different value foundations. The authors note that historical memory is faced with challenges, overcoming which it undergoes a significant transformation by getting involved in the agenda of modern digital communication associated with a variety of new information phenomena that emerge due to the nature of the Internet. Taking into account the new conditions for socio-historical memory in Russia, the authors point out the vulnerability of classical methods of preserving and broadcasting memory. Thus, studying the experience of memory preservation and its adaptation to the new conditions of disseminating information becomes relevant. The authors conclude by outlining ways to solve the aforementioned problems.

Keywords: *social memory, historical memory, historical trauma, politics of memory, sovereignty of memory, memory wars*

For citation: Kudryashova E.V., Makulina E.Yu. Memory Wars and the War on Memory, Memorial Sovereignty: Approaches, Conceptions and Projects. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 6, pp. 100–111. DOI: 10.37482/2687-1505-V394

Социальная память без исторической памяти, т. е. конкретной истории социума, пуста, а историческая память без развитой социальной структуры часто слепа и бесструктурна, нерелексивна, а значит, не способна выработать достаточную степень самосознания в отношении самой себя и, соответственно, идентифицировать себя как субъекта истории, а также воспроизводить и защищать себя.

В любом относительно развитом обществе, независимо от доминирующей на определенном этапе его развития социальной структуры, всегда существует способ транслирования этой структуры и ее духовного содержания из прошлого в будущее, от устной традиции и мифа до создания цифровых интерактивных музеев. Воспроизводство каждого конкретного социального механизма определяется его востребованностью, конкурентоспособностью, т. е. его потенциалом отвечать на вызовы, которые могут идти от собственного начала культуры и, конечно, приходят извне, т. е. заимствуются. Неизбежное развитие истории человечества неминуемо разветвляет и структуры памяти, достраивая связи между ее элементами не только по горизонтальному принципу «прошлое – настоящее – будущее», но и создавая вертикальные, сложные нелинейные сетевые структуры памяти, накладывающие полиэкранный характер оценок и восприятий на одно и то же событие в прошлом. Межцивилизационное взаимодействие образует еще более пеструю сеть наложений вертикальных и горизонтальных «памятей» конкретных культур, создавая свои всемирно-исторические мейнстримы, высвечивая память об одних и затемняя или полностью забывая о других. Различные слои памяти могут смещаться относительно друг друга, накладываться и причудливо перемешиваться, особенно сильно это ощущается, когда социальная структура претерпевает коренную ломку привычных алгоритмов воспроизводства и развития, испытывает некое внешнее воздействие иной, чуждой для нее структуры. Последующая адаптация к новым условиям, выработка своих и заимствование новых

структур приводят к обрушению или расколу предыдущей системы элементов. Данные процессы постоянно сопровождаются аналогичными в структурах памяти. Процессы кратно усложняются, когда трансформации подвергается вся человеческая цивилизация. Именно в такой ситуации сегодня находится мир в целом и социально-историческая память России в частности.

Пытаясь анализировать социально-историческую память, необходимо учитывать широкий контекст современного социально-философского понимания памяти как сложного феномена. Проблема памяти включает в себя множество вопросов: различение социальной [1] и исторической памяти; мемориальное законодательство и мемориальные группы; «мобилизованная память»; социальная «беспамятность» («Иваны, не помнящие родства»); эпизодическая память; воспоминания о будущем [2]; утопия, т. е. поиск забытого золотого века или ожидание светлого будущего; «множественность памяти»; войны памяти; коллективная память и модель социальности памяти (социальной детерминированности памяти) [3]; соотношение индивидуальной и коллективной памяти [4]; коммуникативная память [5]; соотношение знаний и памяти конкретного субъекта познания [6]; спонтанно-образная память в творчестве [7] и искусство памяти [8]; платоновский анамнезис (припоминание забытых, но вечных знаний) и психоанализ памяти (работа терапевта с памятью пациента, патогенными вытесненными воспоминаниями) [9]; вечное возвращение (Ф. Ницше); «анамнезис прерванного в истории»; травмы коллективной памяти [10]; презентизм и антикваризм в отношении прошлого; меметика (меметический отбор [11]); управление исторической памятью [12]; фейки и симулякры; коллективная память и поколенческий разрыв («отцы и дети») [13]; гипермнезия [14, с. 23]; соотношение памяти/вины/самопознания [15]; память и кризис идентичности: механизмы забывания и мемориализации [16]; субстанции памяти (памятник и отношение к нему, место памяти); мумификация культуры и мемориальные прак-

тики [17]; память как матрица истории [18]; антагонистическая память [19].

Итак, в отношении памяти существует достаточно внушительный объем исследований, которые различаются углом зрения на саму память, а также выбором, во-первых, метода, во-вторых, предмета исследования: элемента, свойства, функции и роли памяти.

Что касается конкретно социальной памяти, то можно выделить работы, посвященные такой проблематике, как социальная память в структуре научно-познавательной деятельности (С.В. Кодан [20]), «базовые механизмы социальной памяти» [21], сравнительному анализу цивилизаций через призму памяти [22].

Примечательной в методологическом плане является установка, когда память рассматривают «как непосредственное осознание не объекта в прошлом, а объекта как объекта прошлого опыта» [23, с. 280]. Таким образом, исследование памяти как саморазвивающейся дуальной системы «комплекса представлений» социальной и исторической памяти – это не только восстановление информации о социально-исторических объектах и процессах (что тоже, конечно, очень важно), но и попытка восстановления реакции и рефлексии коллективного или индивидуального субъекта истории на социальное, в которое они погружены и от которого зависят.

Таким образом, в онтологическом плане можно вести речь о «множественности памятей» [24].

Если вести речь о попытках восстановления рефлексии на историческом материале, то примечательными кажутся попытки так называемой микроистории. Итальянский историк Карло Гинзбург, яркий представитель данного направления, обратил внимание на интересный случай, зафиксированный в документах инквизиционной практики, связанный с рассмотрением дела одного мельника, жившего в XVI столетии [25]. По понятным причинам инквизицию не могли не заинтересовать идеи этого мельника, согласно которым мир возник не по божественной воле, а из хаоса, содержащего в себе «все стихии, и, подобно сыру в

молоке, они сбились в один комок, в котором появились черви, из них и произошли ангелы и Бог, создавший затем Адама и Еву» [25, с. 19]. Само собой разумеется, что сегодняшняя наша интерпретация действий инквизиторов, рассматривавших данное дело, и странные идеи фриульского мельника могут получить разные толкования: инквизиторы, как и положено, усмотрели в деле распространение ереси, мельника же мы можем заподозрить в сумасшествии или же, как минимум, «в способности к творческому образному мышлению» [25, с. 20]. К тому же, солидаризируя космогенез и образование сыра в молоке, мельник Меноккио опирался на свой бытовой опыт, т. к. «знал, а, возможно, и сам использовал технологию изготовления сыра и видел, как в нем заводятся черви» [25, с. 20]. Таким образом, мемориальная оценка и восстановление полной картины крайне сложны, потому что понимание описанной ситуации, самое меньшее, исходит из трех точек зрения: инквизиторов, мельника и нашей сегодняшней оценки. Не секрет, что мы вполне можем понять инквизиторов, осознаем нашу оценку и даже, возможно, понимаем, что навеяна она представлениями гуманистов о Средневековье как эпохе невежества, но наша позиция оценки мельника будет балансировать где-то между подозрениями в отношении его психического здоровья и признанием его метафорического таланта.

В связи с вышесказанным мы не можем пройти мимо феномена бриколажа в функционировании памяти. Путешественник Марко Поло (1254–1324), увидевший на о. Ява носорога, назвал его единорогом, т. к. видел подобное существо, скорее всего, в средневековых bestiариях. Так благодаря памяти об увиденных объектах мы объясняем нечто новое для нас с помощью имеющегося набора представлений и комбинации элементов этого набора. Парадокс здесь также состоит в том, что новое может оказаться хорошо забытым старым. А.Р. Усманова справедливо отмечает: «В случае с Марко Поло не существовало никакой платоновской идеи носорога, и он не создавал образ и понятие носорога *ex novo*,

он создал бриколаж из уже имевшихся у него представлений и понятий» [26, с. 179–180]. Исследователь М.Ю. Опенков добавляет: «Познание носорога происходило как абдуктивный вывод...» [27]. Видимо, именно так работает вышеупомянутая концепция презентизма, когда нечто неизвестное из прошлого мы объясняем наличным, имеющимся на данный момент, т. е. мы как бы создаем объект и помещаем его в прошлое, потому что он нам знаком. Платон или Аристотель, например, могут напоминать нам современного профессора философии, что лишь отчасти объясняет роль этих мыслителей в истории философии.

Нельзя также не отметить, что сегодня существуют попытки дисциплинарного обобщения проблематики памяти. В западном сегменте гуманитарной мысли круг вопросов, связанных с выявлением концептуальных оснований проблемы памяти, носит название *memory studies*.

Рассматривая отечественную философскую рефлексию социальной и исторической памяти, следует обратить внимание на остроту данного вопроса, и, видимо, не будет большим преувеличением сказать, что водоразделом в этой проблеме стал острый полемический взгляд на отечественную историю П.Я. Чаадаева, изложенный в его знаменитых «Философических письмах» [28].

Перед тем как переходить к позиции П.Я. Чаадаева, подчеркнем, что петровские преобразования буквально перевернули историю России. Прорубленное Петром «окно в Европу» определило фундаментальные сдвиги в социально-исторической памяти и способе ее трансляции, культуре, интеллектуальной традиции. Обширное забвение прошлого Руси было определено задачей заимствования всего передового в промышленности, военном деле, управлении с целью создания мощного суверенитета новой России в условиях разгоравшейся борьбы европейских стран за колонии во всем мире. На кону стоял статус России – превратиться в очередную колонию, курируемую торговой компанией одной из европейских стран, или стать полноценным субъектом международной

политики. Ясно, что эта ситуация повторилась в эпоху СССР и его противостояния Западу. Также представляется вполне очевидным, что уже в третий раз ситуация повторяется в наши дни, в новых условиях, с учетом новых технологий и новых вызовов.

Возвращаясь к П.Я. Чаадаеву, отметим, что, аргументируя свою позицию по разным проблемам отечественной цивилизационной истории, он постоянно обращался к российской исторической и социальной памяти, указывая на спектр проблем, которые станут предметом дискуссии славянофилов и западников. П.Я. Чаадаев писал о том, что сегодня мы назвали бы исторической амнезией, конфликтом внутренней социально-культурной рефлексии: «Опыт времен для нас не существует. Века и поколения протекли для нас бесплодно... Мы живем лишь в самом ограниченном настоящем без прошедшего и без будущего, среди плоского застоя. <...> Наши воспоминания не идут далее вчерашнего дня; мы как бы чужие для себя самих. Мы так удивительно шествуем во времени, что, по мере движения вперед, пережитое пропадает для нас безвозвратно. <...> У нас совсем нет внутреннего развития, естественного прогресса; прежние идеи выметаются новыми, потому что последние не происходят из первых, а появляются у нас неизвестно откуда» [28, с. 330]. Безусловно, такая полемическая оценка, с одной стороны, не могла остаться без внимания интеллектуального сообщества России того времени, в миг расколовшегося и, в известном смысле, расколотого до сих пор по вопросам путей, по которым должна идти страна, с другой стороны, спровоцировала вполне предсказуемую реакцию властей – объявление автора безумным, вызвавшее к жизни еще одно сочинение П.Я. Чаадаева – «Апологию сумасшедшего».

Анализируя восприятие российской истории, нельзя не вспомнить и знаменитый спор норманистов и антинорманистов, предшествовавший дискуссии славянофилов и западников, т. к. касался вопроса о причинах зарождения российской государственности, т. е. памяти о рождении государства. Как известно,

М.В. Ломоносов выступил с критикой положений норманистов, немецких историков (Миллера, Байера, Шлецера), провозгласивших в качестве единственного, исключительного и решающего фактора появления древнерусской государственности призвание варяжских князей. И издание «Философических писем», и спор норманистов и М.В. Ломоносова закончились вмешательством высочайших особ, в связи с чем уже в XVIII столетии появилась проблема мемориального законодательства, пытающегося найти компромисс между памятью о социальном порядке и порядком социальной памяти. Разумеется, проблема мемориального законодательства приобрела совершенно новый, но вполне закономерный «защитительный» смысл в современный период российской истории, фундированный многочисленными геополитическими вызовами и мучительным поиском собственного, независимого пути развития с учетом опыта ошибок и грубой и односторонней работы с исторической памятью.

В отношении мемориального законодательства, таким образом, определены две позиции: условно их можно назвать мемориальным либерализмом и мемориальным протекционизмом. Найти баланс между ними крайне сложно. Первый вариант развязывает руки касательно оценки прошлого как тем, кто ищет истину, так и тем, кто ищет финансовое вознаграждение, причем здесь может быть, с одной стороны, здоровый, профессиональный, академический интерес к прошлому и его проблемным местам с учетом всех «за» и «против», с другой – вполне целенаправленное, узкое, догматизированное, зачастую финансируемое извне очернение и искажение прошлого. Второй вариант предполагает наличие ценностной установки перед исследователем, фундирующей не только критическую и по возможности объективную оценку, но и широкий системный взгляд, дающий оценку событию в динамике, в сравнении с другими событиями в мире, умеющий увидеть в еще не раскрывшемся элементе зачаток будущего успеха, достижения, конкурентного преимущества.

С.Л. Ивашевский так выразил вышеобозначенную дилемму: «...в условиях обострения политической борьбы за прошлое, мемориальное законодательство будет развиваться. Это вызывает не только надежду на восстановление порядка нашей памяти, но и порождает сомнения в целесообразности решать подобные проблемы правовыми средствами» [29, с. 238].

Новым феноменом стали разгорающиеся так называемые войны памяти [30, с. 22], продиктованные, с одной стороны, столкновением наличествующих в обществе систем мнений, осколков идеологий, модных идей, внезапно возникающих и так же внезапно исчезающих медиалидеров, с другой стороны, попытками идеологического освоения прошлого, поиском новых мировоззренческих форм, отвечающих запросам времени. Трагический и одновременно героический опыт отечественной истории XX века и последующая рефлексия 1990-х годов показали присущую российскому сознанию маятниковость, максимализм оценок: от закостенелого консерватизма директивных предписаний при оценке того или иного события до хаоса мнений, полного и огульного отрицания и отбрасывания всего предыдущего опыта без остатка, до причудливого броуновского «движения умов» с разбросом мнений по любому вопросу, поляризующихся на краях дилеммы от полного «за» до полного «против».

Следует отметить, что в российском сегменте социально-исторической памяти такая ситуация касалась как оценки исторических деятелей, так и путей развития страны – в диапазоне от обожествления до демонизации.

Примечательно, что «войны памяти» и «война с памятью» ведутся так называемыми мемориальными группами, требующими легитимации именно своей версии памяти. Понятно, что в условиях информационного взрыва и господства интернет-технологий в ход идет все: от серьезных исторических исследований до создания фейков, появления симулякров и мемов. А если учесть, что мегакорпорации, владеющие основными информационными площадками, базируются в недружественных Рос-

сии странах, то борьба за контроль над памятью в Интернете приобретает своеобразный формат. Участие в информационных потоках мирового Интернета, как показывает практика, осуществляется в разных странах по-разному. Так, Китай решил эту проблему путем создания собственного Интернета, в России же продекларированы стратегии цифрового суверенитета.

Разумеется, борьба за умы в «окне Овертона», настроения, оценки, реакции в информационном поле порождает новые формы памяти, например «мобилизованную память», которая интерпретирует историю и даже историческое образование как информационное и идеологическое оружие, т. е. слово как оружие. Конечно, нельзя здесь не вспомнить знаменитую оруэлловскую формулу из романа «1984»: «Кто контролирует прошлое, тот контролирует будущее; кто контролирует настоящее, тот контролирует прошлое».

Итак, переписывание памяти, взлом культуры, ее трансформация, видимо, могут приносить полезные эффекты – отказ от пережитков и анахронизмов, но также могут носить и вполне деструктивный, деструктивный для генетических оснований культуры характер, когда вместе «с водой выплескивают и ребенка», убирая фундамент, разрывая связи и преемственность памяти, формируя социальную «беспамятность», подрывая возможность воспроизводства тех структур, которые отвечают за регенерирование оснований любой культуры. И нет никаких сомнений в том, что, если этот механизм передачи «эстафетной палочки памяти» достается в руки геополитического противника, культура может утратить свой суверенитет и будет подчинена чьим-то интересам и задачам, т. е. станет не целью собственного развития, а средством для решения каких-то других задач, например внешнего управления. Примечательно в этом плане знаменитая древнекитайская мудрость: «Хочешь победить врага, воспитай его детей».

Несмотря на эффекты глобализации, унифицирующей традиционные культуры за счет цивилизационного влияния, столкновение культур не-

избежно проходит по линии памяти. Здесь нельзя не вспомнить знаменитый труд С. Хантингтона «Столкновение цивилизаций», повествующий о конфликте цивилизаций и линиях разлома между ними, одной из которых является «разная историческая память двух сообществ» [31, с. 479]. Понятно, что борьба и конфликт всегда более обременительны, чем сотрудничество, гармония и мир, поэтому человечество неоднократно предпринимало попытки создания неких зон «гармонии» и «примирения памяти».

Рассматривая попытки примирения различных культур в одном поле, следует упомянуть три больших проекта глобального социального переустройства, имевших место в XX столетии: американский проект («американская мечта», «плавильный котел»), советский проект по созданию особой советской цивилизации и мультикультурализм. Несмотря на определенные успехи по сплавлению, соединению, синтезированию и примирению разнородных культурных компонентов на определенной территории и на определенном историческом этапе, широко известны и проблемы, сопровождавшие данные проекты. Немалая часть этих проблем заключалась в специфике формирования политики памяти. Когда отметалось одно и социум соединялся за счет другого, неминуемо порождались дополнительные проблемы и вопросы, связанные с известной несовместимостью культур, различных ментальных установок, религиозных систем и др. Например, в случае крушения единого центра управления, как это произошло в ситуации разрушения СССР, практически мгновенно разные «спящие», латентные памяти приходят в состояние взаимного конфликта, сопровождаемого натягиванием «национальных одеял» на себя, реанимированием исторических обид, возрождением национализма. Примечательно, что даже международное право с трудом решает известную коллизию, гарантирующую одновременно нерушимость границ государства и право наций на самоопределение. Как известно, на этой основе возникло два конфликтных поля, связанных с Косово и Крымом.

Также нельзя пройти мимо мемориальной аксиологии – спектра ценностей, заключенных в исторической памяти. Дилемма в отношениях между цивилизациями, возникающая между различными системами памяти, на основе которых базируются, в свою очередь, разные культуры, может быть продиктована фундаментальными, диаметрально противоположными ценностями. Советский исследователь В. Лефевр, автор «Алгебры совести», разработал интересный мысленный эксперимент, в котором стороны, имеющие диаметрально противоположные ценности, не могут друг друга понять и принять [32]. Так, согласно мысленному эксперименту, некий огнедышащий дракон сжигает два маленьких бумажных игрушечных государства. Процесс гибели этих государств сопровождается встречей одного героя от каждого государства с драконом: один вышел с бумажной саблей и решительно готов был дать бой незваному гостю и тут же сгорел, другой вышел с протянутой бумажной рукой дружбы, но тоже погиб. Некоторое время спустя бумажные государства отстраиваются, и каждое из них бережно хранит в своей исторической памяти свою ценность: первое воспевает героя, нашедшего мужество взяться за меч, и презирует трусов, отказавшихся сражаться, второе вооруженного считает слабым, а безоружного – реальным героем, который нашел в себе мужество выйти без меча. Ясно, что, когда эти государства обнаруживают друг друга, возникает конфликт мемориальных ценностей, т. к. их памяти о добродетели, славе и героизме кардинально противоположны, и они не могут понять друг друга.

В. Лефевр задает вопрос: «...кто прав и кто не прав? Если задуматься на минуту, то станет ясно, что не существует рационального основания для предпочтения одной из этих двух точек зрения. Но и обе точки зрения одновременно невозможно принять. Такова дилемма. Мы не можем ее разрешить. Но мы можем ее объяснить, используя нашу модель» (цит. по: [32, с. 34]).

Понятно, что данная модель показывает некие последствия цивилизационно-ценностного выбора, который продиктован определенным

ответом на экзистенциальный вызов и в результате которого возникает нечто вроде памяти об экзистенциальной ситуации выбора между смертью и жизнью, исторической травмы, и любой последующий вызов принимается на основе ранее примененного алгоритма, говоря психоаналитическим языком, «ассоциативно пробужденного воспоминания о более раннем переживании» [9, с. 82].

Нетрудно догадаться, что данную версию можно перенести на множество уже прошедших и современных конфликтов, в т. ч. на ситуации нерушимости территориальных границ государств и право нации на самоопределение.

М.М. Федорова, обозначая трудную дилемму «история/память», предполагает следующее: «...решение проблемы возможно на пересечении двух линий исследования – философско-эпистемологической и практико-политической. При этом сохранение разрыва между историей и памятью приводит к обеднению истории и открывает возможности для манипулирования памятью. Вместе с тем память может быть вписана в интерпретативную перспективу, открытую к будущему, она может стать предметом коллективного освоения, а не просто элементом музеографии, оторванной от настоящего. Для нормально функционирующего общества проблема состоит не в том, чтобы развести историю и память, тщательно очертив их сферу, а в том, чтобы разрешить вопрос, каким образом можно связать историю, память и забвение» [33, с. 108].

Итак, проблема социально-исторической памяти имеет огромное значение для понимания специфики современного межцивилизационного взаимодействия, характера протекающих мировоззренческих конфликтов, понимания стратегий построения конструктивного диалога.

В заключение следует отметить, что понимающая работа с социально-исторической памятью [15] невозможна без философского познания и социального самопознания, без аксиологической рефлексии, учета результатов «переоценки» памяти на различных историче-

ских этапах в различных сообществах и социальных структурах, без глубокого анализа практик межцивилизационного взаимодействия, всегда связанных с дилеммой конструктивного заимствования, копирования и инкорпорирования чужих ценностей с одной стороны и сохранения собственных, автохтонных начал с другой.

В случае с традицией социально-исторической памяти России, конечно, следует стремиться к позиции, которую можно условно назвать суверенитетом памяти, мемориальным суверенитетом, т. е. развитием способности к самостоятельной, взвешенной и не навязанной извне рефлексии в отношении исторической памяти.

Список литературы

1. Храпов С.А. Социальная память как когнитивный и «техногенный» феномен // *Вопр. философии*. 2020. № 3. С. 99–106. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-3-99-106>
2. Хазин М. Воспоминания о будущем. М.: РИПОЛ классик, 2021. 463 с.
3. Головашина О.В. Как память стала социальной? // *Вопр. философии*. 2023. № 1. С. 29–39. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-1-29-39>
4. Труфанова Е.О. Индивидуальная и коллективная память: точки пересечения // *Вопр. философии*. 2020. № 6. С. 18–22. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-6-18-22>
5. Яковлева А.Ф. Коллективная и коммуникативная память научного сообщества: особенности формирования и исследования // *Вопр. философии*. 2020. № 6. С. 23–27. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-6-23-27>
6. Черняк А.З. Знание, память и границы субъекта // *Эпистемология и философия науки*. 2019. Т. 56, № 1. С. 101–115. <https://doi.org/10.5840/eps201956110>
7. Кабулдиязова Г.Т. Спонтанно-образная память в творчестве Анри Бергсона и в суфизме (сравнительный анализ) // *Вопр. философии*. 2022. № 12. С. 159–167. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-12-159-167>
8. Йейтс Ф.А. Искусство памяти / пер. с англ. Е. Малышкина. СПб.: Унив. кн., 1997. 479 с.
9. Старицашкина Д.А. Концепция памяти в психоанализе: деконструкция индивидуального/коллективного // *Психолог*. 2016. № 1. С. 80–92. <https://doi.org/10.7256/2409-8701.2016.1.18144>
10. Емельянова Н.Н. Политика памяти и травмы коллективной памяти в условиях секьюритизации // *Вопр. философии*. 2020. № 7. С. 30–34. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-7-30-34>
11. Кедрова М.О. Критика Даном Шпербером меметического подхода к культуре // *Филос. науки*. 2016. № 3. С. 119–127.
12. Алексеева И.Ю. Управление исторической памятью как трансдисциплинарная проблема // *Философия науки и техники*. 2019. Т. 24, № 2. С. 82–95. <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2019-24-2-82-95>
13. Романова А.П. Коллективная память и поколенческий разрыв // *Вопр. философии*. 2020. № 6. С. 33–37.
14. Козолупенко Д.П. Казус Шерешевского как предельный случай гипермнезии: гипер-человеческое или уход от человеческого в сфере памяти? // *Вопр. философии*. 2021. № 11. С. 23–34. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-11-23-34>
15. Власова О.А. Карл Ясперс и Поль Рикёр: работа памяти как работа самосознания // *Вопр. философии*. 2023. № 5. С. 108–118. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-5-108-118>
16. Стычинский М.С. Кризис идентичности: механизмы забвения и мемориализации в условиях глобализации // *Вопр. философии*. 2020. № 7. С. 35–39. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-7-35-39>
17. Спирина Э. «Мумификация культуры»: современные подходы к мемориальным практикам // *Филос. антропология*. 2021. Т. 7, № 2. С. 110–118. <https://doi.org/10.21146/2414-3715-2021-7-2-110-118>
18. Аникина А.Б. Память как матрица истории в концепции П. Рикёра // *Идеи и идеалы*. 2021. Т. 13, № 2-2. С. 351–368. <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2021-13.2.2-351-368>
19. Летняков Д.Э. Агонистическая память и ее перспективы для постсоветского пространства // *Касп. регион: политика, экономика, культура*. 2023. № 1(74). С. 52–58.
20. Кодан С.В. § 1. Социальная память в структуре научно-познавательной деятельности: понятие, основные характеристики, подходы к классификации // *Юридические формы переживания истории: практики и пределы: коллектив. моногр. / под ред. С.В. Бочкарева*. СПб.: Астерион, 2020. С. 12–26.

21. Розов М.А. Познание как предмет эпистемологии. Основные тезисы и проблемы // Эпистемология вчера и сегодня / Рос. акад. наук, Ин-т философии; отв. ред. В.А. Лекторский. М.: ИФРАН, 2010. С. 31–50.
22. Марков Б.В. Россия и Европа в культурной памяти современности // Вопр. соц. теории. 2019. Т. XI. С. 110–117.
23. Северин М.А. Дискуссия о субъекте и субъективности («я») в современных исследованиях сознания: компаративный подход // История философии. 2013. № 18. С. 268–290.
24. Нора П. Расстройство исторической идентичности // Мир истории. 2010. № 1. Ст. № 3. URL: <http://www.historia.ru/2010/01/nora.htm> (дата обращения: 17.04.2024).
25. Гинзбург К. Сыр и черви. Картина мира одного мельника, жившего в XVI в. / пер. с итал. М.Л. Андреева, М.Н. Архангельской. М.: РОССПЭН, 2000. 269 с.
26. Усманова А.П. Кант и утконос... в эпистемологических дебрях // Усманова А.П. Умберто Эко: парадоксы интерпретации. Минск: ПроPILEI, 2000. С. 173–184.
27. Опенков М.Ю. Хакни будущее: введение в философию общества знаний. М.: МОО ВПП ЮНЕСКО «Информация для всех», 2007. 127 с. URL: <http://www.ifap.ru/library/book251.pdf> (дата обращения: 17.04.2024).
28. Чаадаев П.Я. Полн. собр. соч. и избр. письма: в 2 т. / сост. и коммент. С.Г. Блинова и др.; отв. ред. и авт. вступ. ст. З.А. Каменский. М.: Наука, 1991. Т. 1. 798 с.
29. Ивашевский С.Л. Память о социальном порядке и порядок социальной памяти // Юрид. наука и практика: Вестн. Нижегород. акад. МВД России. 2022. № 1(57). С. 236–239.
30. Шарова В.Л. Непостоянное прошлое: историческая память как политический инструмент в электронных масс-медиа современной России // Электрон. науч.-образоват. журн. «История». 2020. Т. 11, № 9(95). Ст. № 22. <https://doi.org/10.18254/S207987840012292-0>
31. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Ю. Новикова. М.; СПб.: АСТ, 2003. 603 с.
32. Шрейдер Ю.А. Человеческая рефлексия и две системы этического сознания // Вопр. философии. 1990. № 7. С. 32–41.
33. Федорова М.М. История/память: «трудная» дилемма // История философии. 2018. Т. 23, № 1. С. 108–121. <https://doi.org/10.21146/2074-5869-2018-23-1-108-121>

References

1. Khrapov S.A. Social Memory as a Cognitive and ‘Technogenic’ Phenomenon. *Voprosy filosofii*, 2020, no. 3, pp. 99–106 (in Russ.). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-3-99-106>
2. Khazin M. *Vospominaniya o budushchem* [Memories of the Future]. Moscow, 2021. 463 p.
3. Golovashina O.V. How Did Memory Become Social? *Voprosy filosofii*, 2023, no. 1, pp. 29–39 (in Russ.). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-1-29-39>
4. Trufanova E.O. Individual and Collective Memory: Intersection Points. *Voprosy filosofii*, 2020, no. 6, pp. 18–22 (in Russ.). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-6-18-22>
5. Yakovleva A.F. Collective and Communicative Memory of the Scientific Community: Features of Formation and Research. *Voprosy filosofii*, 2020, no. 6, pp. 23–27 (in Russ.). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-6-23-27>
6. Chernyak A.Z. Knowledge, Memory, and the Boundaries of Subject. *Epistemol. Philos. Sci.*, 2019, vol. 56, no. 1, pp. 101–115 (in Russ.). <https://doi.org/10.5840/eps201956110>
7. Kabulniyazova G.T. Spontaneous-Figurative Memory in the Works of Henri Bergson and in Sufism (Comparative Analysis). *Voprosy filosofii*, 2022, no. 12, pp. 159–167 (in Russ.). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2022-12-159-167>
8. Yates F.A. *The Art of Memory*. London, 1966. 400 p. (Russ. ed.: Yeys F.A. *Iskusstvo pamyati*. St. Petersburg, 1997. 479 p.).
9. Starikashkina D.A. Kontseptsiya pamyati v psikhoanalize: dekonstruktsiya individual'nogo/kollektivnogo [The Concept of Memory in Psychoanalysis: Deconstruction of the Individual/Collective]. *Psikholog*, 2016, no. 1, pp. 80–92. <https://doi.org/10.7256/2409-8701.2016.1.18144>
10. Emelyanova N.N. Politics of Memory and Trauma to Collective Memory Under Securitization Conditions. *Voprosy filosofii*, 2020, no. 7, pp. 30–34 (in Russ.). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-7-30-34>

11. Kedrova M.O. Kritika Danom Shperberom memeticheskogo podkhoda k kul'ture [The Criticism by Dan Sperber of the Memetic Approach to Culture]. *Filosofskie nauki*, 2016, no. 3, pp. 119–127.
12. Alekseeva I.Yu. Management of Historical Memory as a Transdisciplinary Problem. *Philos. Sci. Technol.*, 2019, vol. 24, no. 2, pp. 82–95 (in Russ.). <https://doi.org/10.21146/2413-9084-2019-24-2-82-95>
13. Romanova A.P. Collective Memory and Generation Gap. *Voprosy filosofii*, 2020, no. 6, pp. 33–37 (in Russ.).
14. Kozolupenko D.P. Shereshevsky's Case: A Reflection on the Peculiarities of Human Memory. *Voprosy filosofii*, 2021, no. 11, pp. 23–34 (in Russ.). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-11-23-34>
15. Vlasova O.A. Karl Jaspers and Paul Ricœur: The Work of Memory as a Work of Self-Consciousness. *Voprosy filosofii*, 2023, no. 5, pp. 108–118 (in Russ.). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2023-5-108-118>
16. Stychinskii M.S. Identity Crisis: Mechanisms of Oblivion and Memorialization in the Context of Globalization. *Voprosy filosofii*, 2020, no. 7, pp. 35–39 (in Russ.). <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-7-35-39>
17. Spirova E. "Mumifikatsiya kul'tury": sovremennye podkhody k memorial'nym praktikam ["Mummification of Culture": Modern Approaches to Memorial Practices]. *Filosofskaya antropologiya*, 2021, vol. 7, no. 2, pp. 110–118. <https://doi.org/10.21146/2414-3715-2021-7-2-110-118>
18. Anikina A. Paul Ricoeur's Concept of Memory as a Matrix of History. *Idei i idealy*, 2021, vol. 13, no. 2, pt. 2, pp. 351–368 (in Russ.). <https://doi.org/10.17212/2075-0862-2021-13.2.2-351-368>
19. Letnyakov D.E. Agonistic Memory and Its Prospects for the Post-Soviet States. *Casp. Reg. Polit. Econ. Cult.*, 2023, no. 1, pp. 52–58 (in Russ.).
20. Kodan S.V. § 1. Sotsial'naya pamyat' v strukture nauchno-poznavatel'noy deyatel'nosti: ponyatie, osnovnye kharakteristiki, podkhody k klassifikatsii [§ 1. Social Memory in the Structure of Scientific and Cognitive Activity: Notion, Main Characteristics, and Approaches to Classification]. Bochkarev S.V. (ed.). *Yuridicheskie formy perezhivaniya istorii: praktiki i predely* [Legal Forms of Experiencing History: Practices and Limits]. St. Petersburg, 2020, pp. 12–26.
21. Rozov M.A. Poznanie kak predmet epistemologii. Osnovnye tezisy i problemy [Cognition as a Subject of Epistemology. Main Theses and Problems]. Lektorskiy V.A. (ed.). *Epistemologiya vchera i segodnya* [Epistemology Yesterday and Today]. Moscow, 2010, pp. 31–50.
22. Markov B.V. Rossiya i Evropa v kul'turnoy pamyati sovremennosti [Russia and Europe in the Cultural Memory of Our Time]. *Voprosy sotsial'noy teorii*, 2019, vol. 11, pp. 110–117.
23. Severin M.A. Diskussiya o sub"ekte i sub"ektivnosti ("ya") v sovremennykh issledovaniyakh soznaniya: komparativnyy podkhod [Subject and Subjectivity (Self) in Contemporary Studies of Consciousness: Comparative Approach]. *Istoriya filosofii*, 2013, no. 18, pp. 268–290.
24. Nora P. Rasstroystvo istoricheskoy identichnosti [Historical Identity Disorder]. *Mir istorii*, 2010, no. 1. Art. no. 3. Available at: <http://www.historia.ru/2010/01/nora.htm> (accessed: 17 April 2024).
25. Ginzburg C. *Il formaggio e i vermi: Il cosmo di un mugnaio del '500*. Torino, 1976. 196 p. (Russ. ed.: Ginzburg K. *Syr i chervi. Kartina mira odnogo mel'nika, zhivshego v XVI v.* Moscow, 2000. 269 p.).
26. Usmanova A.R. Kant i utkonos... v epistemologicheskikh debryakh [Kant and the Platypus... in the Wilds of Epistemology]. Usmanova A.R. *Umberto Eko: paradoksy interpretatsii* [Umberto Eco: Paradoxes of Interpretation]. Minsk, 2000, pp. 173–184.
27. Openkov M.Yu. *Khakni budushchee: vvedenie v filosofiyu obshchestva znaniy* [Hack the Future: Introduction to the Philosophy of Knowledge Society]. Moscow, 2007. 127 p. Available at: <http://www.ifap.ru/library/book251.pdf> (accessed: 17 April 2024).
28. Chaadayev P.Ya. *Polnoe sobranie sochineniy i izbrannye pis'ma* [Complete Works and Selected Letters]. Moscow, 1991. Vol. 1. 798 p.
29. Ivashevskiy S.L. Pamyat' o sotsial'nom poryadke i poryadok sotsial'noy pamyati [The Memory of Social Order and the Order of Social Memory]. *Yuridicheskaya nauka i praktika: Vestnik Nizhegorodskoy akademii MVD Rossii*, 2022, no. 1, pp. 236–239.
30. Sharova V.L. Nepostoyannoe proshloe: istoricheskaya pamyat' kak politicheskii instrument v elektronnykh mass-media sovremennoy Rossii [The Unstable Past: Historical Memory as a Political Tool in the Electronic Media of Contemporary Russia]. *Elektronnyy nauchno-obrazovatel'nyy zhurnal "Istoriya"*, 2020, vol. 11, no. 9. Art. no. 22. <https://doi.org/10.18254/S207987840012292-0>

31. Huntington S. *The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order*. New York, 1996 (Russ. ed.: Khantington S. *Stolknovenie tsivilizatsiy*. Moscow, 2003. 603 p.).

32. Shreyder Yu.A. Chelovecheskaya refleksiya i dve sistemy eticheskogo soznaniya [Human Reflection and Two Systems of Ethical Consciousness]. *Voprosy filosofii*, 1990, no. 7, pp. 32–41.

33. Fedorova M.M. Istoriya/pamyat': "trudnaya" dilemma [History/Memory: "Difficult" Dilemma]. *Istoriya filosofii*, 2018, vol. 23, no. 1, pp. 108–121. <https://doi.org/10.21146/2074-5869-2018-23-1-108-121>

Информация об авторах

Е.В. Кудряшова – доктор философских наук, профессор кафедры философии и социологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (адрес: 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17).

Information about the authors

Elena V. Kudryashova, Dr. Sci. (Philos.), Prof. at the Philosophy and Sociology Department, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (address: nab. Severnoy Dviny 17, Arkhangelsk, 163002, Russia).

Е.Ю. Макулина – аспирант кафедры философии и социологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (адрес: 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17).

Evgenia Yu. Makulina, Postgraduate Student, Philosophy and Sociology Department, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (address: nab. Severnoy Dviny 17, Arkhangelsk, 163002, Russia).

Поступила в редакцию 02.05.2024

Одобрена после рецензирования 05.09.2024

Принята к публикации 09.09.2024

Submitted 2 May 2024

Approved after reviewing 5 September 2024

Accepted for publication 9 September 2024

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 6. С. 112–122.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 6, pp. 112–122.

Научная статья
УДК 070:001.4(470+571)(038)
DOI: 10.37482/2687-1505-V395

Операторы библиотеки и эпистемология искусственного интеллекта

Александр Викторович Марков^{1✉}

Оксана Александровна Штайн²

¹Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия,

e-mail: markovius@gmail.com[✉], ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6874-1073>

²Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина,

Екатеринбург, Россия, e-mail: shtaynshtayn@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-1701-3147>

Аннотация. В статье рассматриваются истоки концепции искусственного интеллекта в функционировании библиотеки с ее принципами быстрого поиска. Дается характеристика целостности такого знания, соответствующей целостности продуктов нейронных сетей. В истории науки можно увидеть не только управление открытиями, но и оперирование таким специфическим производством, проявившееся ярко в деятельности женщин-математиков и женщин-философов. Они оказываются примером операторов, а не изобретателей сетей, интегрирующих сети и позволяющих различным эпистемическим режимам интегрироваться. Раскрывается исторический план становления библиотеки как модели искусственного интеллекта. Античные правила Аристотеля и Александрийской библиотеки подразумевали исключительно алфавитный, а не тематический принцип упорядочивания, тогда производство знания требовало наглядных пособий, цельных формул и разложения знания на указания источников без остатка. Идеальным оператором такой библиотеки стала Гипатия Александрийская. Дальнейший путь библиотек подразумевал производство корпоративного, конфессионального и национального знания, и новые операторы размыкали его, возвращая наглядности представления знания универсальный смысл. В настоящее время такой универсальной наглядностью обладают изображения, созданные искусственным интеллектом. Режимы производства знания требуют функций и непосредственных добытчиков, и получателей знания. Развитие наук на разных этапах делало необходимым не только охват познаваемого, но и признание его агентности, способности стать готовым для употребления. Мы видим истоки такой агентности в первобытной инициации и рассматриваем библиотеку как механизм потенциальной инициации. В этом случае необходимы и распространители знания, которые делают такую инициацию реальной, и операторы знания, которые позволяют перейти от более жестких к более мягким режимам инициации. В статье отмечено, какими свойствами может обладать личность, выступающая как надежный оператор такого знания, и что признание агентности библиотек дает возможность планировать использование нейронных сетей, в т. ч. для противостояния ложным новостям.

Ключевые слова: искусственный интеллект, нейронная сеть, библиотека, оператор библиотеки, античная культура, производство знания, женщина-математик

Для цитирования: Марков, А. В. Операторы библиотеки и эпистемология искусственного интеллекта / А. В. Марков, О. А. Штайн // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 6. – С. 112-122. – DOI 10.37482/2687-1505-V395.

Original article

Library Operators and the Epistemology of Artificial Intelligence

Aleksandr V. Markov¹✉

Oksana A. Shtayn²

¹Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
e-mail: markovius@gmail.com ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6874-1073>

²Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia,
e-mail: shtaynshtayn@gmail.com, ORCID: <https://orcid.org/0009-0004-1701-3147>

Abstract. The article dwells on the origins of the concept of artificial intelligence as applied to the library with its principles of fast search. The integrity of such knowledge, corresponding to the integrity of the products of neural networks, is characterized. The history of science has seen not only the management of discoveries, but also the operation of such specific production, manifested vividly in the activities of women mathematicians and women philosophers. They are operators rather than inventors of networks, who integrate networks and ensure that different epistemic regimes can be integrated. In this paper, the historical outline of the emergence of the library as a model of artificial intelligence is discussed. The ancient regulations of Aristotle and the Library of Alexandria stipulated a purely alphabetical rather than thematic ordering principle; at that time, the production of knowledge required visual aids, integral formulae, and the decomposition of knowledge into indications of sources without remainder. An ideal operator of such a library was Hypatia of Alexandria. Further development of libraries involved the production of corporate, religious, and national knowledge, unlocked by new operators through returning universal meaning to the visual representation of knowledge. Currently, such universal visual representation is characteristic of images generated by artificial intelligence. Knowledge production modes require functions of both direct producers and recipients of knowledge. The development of sciences during different periods has made it necessary to encompass the knowable as well as to recognize its agency and ability to become ready for use. We see the origins of such agency in primitive initiation and view the library as a mechanism of potential initiation. In that case, we need not only knowledge distributors that make potential initiation real, but also knowledge operators that make it possible to move from harsher to softer modes of initiation. The article points out the traits that an individual acting as a reliable operator of such knowledge can have. Recognizing the agency of libraries allows us to plan the use of neural networks, including for countering fake news.

Keywords: artificial intelligence, neural network, library, library operator, ancient culture, knowledge production, woman mathematician

For citation: Markov A.V., Shtayn O.A. Library Operators and the Epistemology of Artificial Intelligence. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 6, pp. 112–122. DOI: 10.37482/2687-1505-V395

Введение. Библиотека, начиная с античной, может рассматриваться как первая модель искусственного интеллекта. Характер запроса в библиотеке не подразумевает мгновенного приобретения знания, напротив, знание постепенно находит себе форму в обработке библиотечных данных для их дальнейшей связанной востребованности, проектируя в будущем образ достоверного знания. Но так же работает нейронная сеть: запрос извлекает данные, которые складываются в текст или изображение, принадлежащее будущему целостному знанию, будущему представлению о функциональности отдельных вещей или способов работы с вещами. Нейронная сеть, собственно, строится на благоразумном управлении, например беспилотными автомобилями, и каждый образ перекрестка или пешехода опознается беспилотным автомобилем исходя из того, что нейросеть ускоряет создание общего образа перекрестка или пешехода, используя все ресурсы ускорения и прогрессивного развития техники.

Библиотекой никогда не пользуются все граждане или жители города, наоборот, часто мы видим почти пустые залы с редкими, склоненными над записями головами в тени неотвязных ламп. Библиотека производит достоверное знание так, будто сами каталоги выдвигаются, карточки складываются в нужный порядок и тем самым добывается экспертное знание. Помпезное здание национальной библиотеки в любой современной столице производит это безличное знание: можно обратиться к статистическим или иным сведениям в книгах и таким образом принять правильное решение об обустройстве города, проведении праздника или комментировании важного для школьников литературного произведения. Как национальный музей своим наполнением углубляет местную историю, так национальная библиотека расширяет область приложения достоверного знания здесь и сейчас. В ней сходятся «карта» и «перепись», если использовать термины исследования национализма Бенедикта Андерсона [1, с. 266].

Учитывая вышесказанное, библиотеку вполне можно рассматривать как искусственный интеллект, который производит цельные высказывания, востребованные именно в своей завершенности. В ней можно фрагментарно работать, делать выписки из больших книг или спешные конспекты. Но любое знание, вышедшее из библиотеки, оказывается целостным, оно как целое число, статистическая реальность, некая вещь знания, которая показывает, как все должно быть. Библиотечные знания так же цельны, как цельны картинки искусственного интеллекта: в них могут быть неточны детали, но не смешиваются, например, стиль хайтек со стилем национального романтизма, и этому стилю отвечает знание в т. ч. о субъектах, т. е. условных людях, присутствующих на данной картинке. То же и с выписками из книг – они могут быть не во всем полными, но получается, в частности, биологическая или экономическая справка, которая вполне работает и становится частью и научного прогресса, и социального воображаемого.

Цель настоящей статьи – выявить потенциал библиотеки как интеллектуальной формы для развития искусственного интеллекта. Задачи исследования: 1) показать связь между библиотечным принципом каталогизации и первичной работой интеллекта; 2) продемонстрировать историческую изменчивость оператора библиотеки как ключевой фигуры для превращения фонда данных в инструментально активной вмешивающихся в социальную действительность данных; 3) рассмотреть невидимость оператора библиотеки как некоторую невидимость женщины в коллективных проектах, где вклад операторов и систематизаторов часто остается в тени, и то, как внимание к женщинам-математикам позволяет уточнить устойчивые черты операторов библиотеки. Гипотеза исследования: библиотека представляет собой искусственный интеллект, который по-настоящему актуализуется благодаря видимости как можно большего числа его операторов.

Обзор литературы. Литература об искусственном интеллекте весьма обширна. Недавно вышедшая книга М. Пасквинелли рассматрива-

ет искусственный интеллект как результат очередной победы маскулинности с ее техноцентрической тягой к контролю [2]. Автор считает, что сам принцип алгоритмической операции подразумевает власть субъекта над хозяйством и вторичными структурами управления и что дальнейшее развитие нейронных сетей приведет к господству цифровой олигархии. Она вполне отвечает тону жалоб на кризис медиатеории, превращающейся иногда в частную теорию эффективного отзыва в настоящем со страхом перед будущим [3, с. 72]. Именно этот кризис мы и ставим целью преодолеть в статье. Сценарий М. Пасквинелли нельзя исключать, но мы исходим из того, что кроме маскулинности есть и женский способ оперирования с нейронными сетями, прямо вытекающий из их автоматизации. То, что созданные искусственным интеллектом образы должны исключить катастрофу, например при управлении беспилотным автомобилем, уже говорит об этике заботы, не совместимой с агрессивной капиталистической эксплуатацией. При этом мы вполне разделяем тезис, что искусственный интеллект, как и вообще прогресс цифровых технологий, способствует выявлению слабых социальных связей [4, с. 387–390], но только мы рассматриваем их не в пространстве, как организацию новых сообществ, а во времени: как определенный вектор, идущий от образа будущего к нашему ощущаемому настоящему.

В последние три года появился целый ряд исследований, посвященных связи библиотечного дела, искусственного интеллекта и гендерной проблематики [5–9]. Во всех этих работах основными выступают следующие тезисы: 1) ряд социальных предрассудков в мире библиотечного дела может быть усилен неправильной настройкой базовых возможностей искусственного интеллекта; 2) самообучаемый характер интеллекта корректирует то неравенство, которое есть в социальных институтах; 3) видимость женщин в работе по производству информации усиливается в случае систематического применения искусственного интеллекта, когда становится понятен уникальный функционал каждого работника; 4) уникальный

функционал приобретает смысл производства, когда искусственный интеллект не просто базово обучаем, но когда само это обучение становится необходимой индустрией, в т. ч. индустрией научных экспериментов; 5) благодаря искусственному интеллекту происходит симбиоз научной лаборатории и библиотеки, а культурные формы представления лаборатории (в т. ч. в сериалах) в этом случае распространяются на библиотеку.

Однако в приведенных тезисах есть одна слабость: они подразумевают только принятие решений по усиленному или более системному обучению искусственного интеллекта, а также исходят из гипотезы о прозрачности искусственного интеллекта, способного выявить все социальное разнообразие. Поэтому существующие проблемы трактуются как частные и уже имеющаяся система поддержки библиотек как узлов производства научного знания оказывается первичной для поддержания такой прозрачности, в частности благодаря экспертизе получающегося знания. В то же время не учитывается, что искусственный интеллект может быть непрозрачен, т. е. не схватывает все этапы принятия управленческих решений, просто потому, что часто воспринимает данные как равно значимые, например для самой связности текста или самого представления данных. Учитывая вышеизложенное, в настоящей статье мы вводим функцию оператора и понимаем его как способного видеть процесс научного поиска и научного управления на всех этапах и довершающего «испекание» мира, если использовать термин Ш. Маламуда [10, с. 75–85]. В этом случае и самообучаемый искусственный интеллект становится прозрачным, пропуск какого-то из этапов решения в выкладках искусственного интеллекта компенсируется знаниями и опытом оператора. Следовательно, превращение библиотеки в научную лабораторию, порождающую знание, происходит оптимальным образом, без форсирования и введения новых функций бюрократического управления библиотекой.

Методологические основания для исследования библиотеки как искусственного интел-

лекта можно найти в отечественном концептуальном искусстве. Поэт-концептуалист Лев Семенович Рубинштейн использовал каталожные карточки для записи реплик повседневности, которые в подобных записях подрывали как очевидность повседневности, наших представлений о ней, так и другие очевидности, передаваемые инструктивными текстами, лозунгами или образами массового сознания. Оказалось, что вся эта образность может быть помещена на карточки, но карточка не есть средство внушения, легитимирующий документ, а напротив, вектор отношения к будущему. Листая карточки, мы знаем примерно, сколько их до конца и какая к какому действию ведет: в библиотеке – к заказу книги, в картотеке Рубинштейна – к напряженному ожиданию образа в будущем.

Образ вместе с тем обретает целостность и самостоятельность, но в будущем: он не адаптирован к бытовым привычкам настоящего, однако может существовать как воспоминание или предчувствие только при полном переборе карточек. Это соответствует основному принципу библиотеки как искусственного интеллекта: достоверное знание складывается сейчас из сверки источников, но как образ, например народного хозяйства страны, оно может состояться в неопределенном будущем, когда будет создан экспертный запрос на такой целостный и непротиворечивый образ. Данный образ может быть причудлив в сравнении с ходовыми образами, но он целен как дающий представление, в частности, об имеющихся ресурсах и возможностях, о поведении людей или животных, об обычаях и социальных навыках или о чем-то еще, о чем можно составить достоверное знание только благодаря уникальным ресурсам национальной библиотеки.

Другой поэт, Ольга Александровна Седакова, профессиональный текстолог и библиограф, в своем творчестве соединивший концептуализм и религиозно-философское мирозерцание, описала производство искажений знания в условиях плановой экономики [11]. По наблюдениям Седаковой, плановая экономика не подразумевает такого образа будущего, напротив,

она стирает границы между настоящим и будущим, поэтому искажения, приписки поневоле появляются в любых текстах (даже технических), производимых библиотекой как механизмом. Седакова называет Ленинскую библиотеку подвижной кладовой, описывая ее как алгоритмический механизм, на входе содержащий уникальные знания, но на выходе дающий поспешную или упрощенную информацию об окружающем мире. Плановая экономика контролирует как фильтры, через которые проходят тексты перед публикацией, так и условия «профессиональной подготовки посетителей этого хранилища». Соответственно, такое функционирование библиотеки можно представить как попытку стереть границу между частным запросом и общей картиной происходящего, на чем и основаны ложные новости, fake news. Ложные новости всегда отождествляют запрос (нужно что-то узнать о последних событиях) и первые попавшиеся сведения (вот посмотрите и возмутитесь, что произошло!). Следовательно, механизм ложных новостей как раз и имеет в виду контроль над эмоциями как вторичными системами управления действиями в сравнении с начальным рациональным планированием, которое Пасквинелли приписывает разработчикам цифрового разума.

Результаты. Принцип античной библиотеки (здесь мы опираемся на общее изложение ученицы А.Ф. Лосева В.П. Завьяловой [12]) можно обозначить как быстрый поиск и долгий комментарий, что отличается от наших привычных аннотаций или лекционного обеспечения, когда существенно, какие книги рекомендует профессор или рекомендует аннотированная библиография исходя из истории предмета или истории вопроса. Античная библиотека просто располагала произведения по алфавиту, чтобы можно было сразу найти нужный свиток, работала как файловая система с быстрым поиском. Но как в файле мы можем работать долго, так же и комментарий был долгой задачей.

Аристотель был редким для Афин владельцем частной библиотеки. Его работу с библиотекой мы можем увидеть в доксографическом

разделе А «Метафизики», где он обсуждает взгляды всех предшественников на единство, причинность, сущность и другие вопросы, которыми должна заниматься «первая философия» [13]. Часто, читая эту первую книгу, мы невольно модернизируем понимание истории: если изложение истории предваряет вопрос, то мы знакомимся с заблуждениями, участь их оспаривать или исследуя наиболее сильные аргументы, которые их оспорили. Но Аристотель не имел в виду изложение истории заблуждений, наоборот, он говорил, что его предшественники уже смогли работать в рамках «первой философии». Если он не соглашается с ними, то только потому, что у них еще не было терминологического аппарата.

При подготовке издания 2018 года именно идея целостности образов в виде схем, картинок и таблиц, на которые часто указывает сам Аристотель, была положена в основу перевода [13]. В университетских изложениях философия раздела А «Метафизики» нередко понимается как рассказ о том, что философы постепенно открывали причины: например, Фалес знал лишь материальную причину, и только Аристотель открыл все 4 метафизические причины. Если мы принимаем, что Аристотель использовал схемы, некоторый быстрый запрос, получается, он видел другое. Он упрекает предшественников не в незнании всего набора причин, но в кривом изложении и короткой мысли. Аристотель исходит из того, что искусственный интеллект его «Метафизики» производит правильную схему 4 причин, тогда как прежние философы вполне интуитивно признавали 4 причины и не стали бы с ним спорить, но структура запроса у них была другой и отличалась некоторой дистрофией речи и мысли. Они использовали грубые слова, сразу хотели, чтобы за словами шли образы реальности, поэтому смогли выразить, обозначить «на кончике языка» только отдельные материальные или формальные отношения.

В школьно-университетском изложении встречаем мысль, что Аристотель в разделе А «Метафизики» утверждает свою метапозицию и видит те противоречия, которых не видели его предшественники, призывает учеников указать на эти противоречия и выдвинуть аргументы

против предшественников. Так можно заявлять, если читать голый текст, без схем и таблиц как обобщений, созданных как бы искусственным интеллектом черчения на основании различных знаний из библиотеки Аристотеля. Тогда, действительно, вскрытие противоречий остается вопросом частной полемики. Однако при работе над изданием 2018 года было принято, что Аристотель не считает свою позицию привилегированной, а просто говорит о технических недочетах предшествующей мысли: она где-то заходит в тупик, где-то не может до конца развить себя, увидеть свои же преимущества в честном разговоре с собой [13]. Аристотель обличает не противоречия предшествующей мысли, а ее грубость, поспешность, опору на чтение явлений. Он считает, что необходимо посылать запрос к явлениям и успокаиваться только тогда, когда они складываются в целостную и связную картину. Если мы не хотим просто видеть в Фалесе предшественника Дарвина, снисходительно похваливая мыслителей прошлого, мы должны допускать такой медиальный конструктивизм как основу всей мысли Аристотеля о своих предшественниках.

Александрйская библиотека как раз больше всего отвечает идеалу аристотелевского мгновенного запроса и развития той искусственной схемы, как бы становящейся самой по себе, создающей точную и верную картину мира. Это музей, т. е. жилище Муз, подразумевающее постоянный обмен функциями между Музами и ими вдохновленными авторами. Оператором такого переключения в данном случае оказывается библиотечный служащий, библиотекарь, который и движет источниками, извлекает их на свет сразу по запросу, так что каждый автор выступает не только вдохновленным Музами, но и Музой. Автор является копией, которая становится и оригиналом, как бы обожженной огнем копирования куклой истины.

Вероятно, у истоков данной традиции стоял первый такой систематизатор картотеки с мгновенным откликом, Геродот, мысливший книги своей «Истории» как Муз, т. е. как то, что при оперировании (например, при извлечении нужной

справки) воспринимается не как созданное по чьему-то устному свидетельству, не как высказывание, но как само присутствие Музы, которая вдохновила на то, чтобы это сведение было. Не в статике религиозного почитания, но в динамике операторства за отдельными книгами начинают быть видимыми не авторы, а сами Музы. Музы, женские божества, становятся операторами прежних знаний. И, конечно, появляется запрос на операторов нынешних знаний.

Женщины осуществляют прямые операции в противоположность операциям «скользящего игрока» (smooth operator), о котором поет Шаде. «Скользящий игрок» умеет очаровывать других игроков так, что они делают неверные ходы, тогда как оператор библиотеки сам (или сама) очарован Музами и потому ничего неопределенного не содержит в себе, кроме неопределенности усложняющейся системы. По сравнению с Гипатией и ее подражательницами в другие века, о которых можно прочесть и в популярных изложениях [14], мужчины-ученые кажутся «скользящими игроками».

Гипатия Александрийская (ок. 360–415) написала исчерпывающий комментарий к диофантовым уравнениям, т. е. таким уравнениям, которые могут быть разложены только на целостные числа. Диофантовы уравнения соответствуют принципу искусственного интеллекта – создания цельных образов: беспилотный автомобиль не может и не должен распознавать половину пешехода. Таким образом, Гипатия превратила внутренний, имплицитный способ действия библиотеки в эксплицитный благодаря в т. ч. исследованию конических сечений, которые тоже имеют в виду полную экспликацию картины мира, искусственное создание самих моделей пространства как вместимости и для текущих, и для будущих физических событий.

Назовем имена других женщин-математиков и покажем, что, когда Аристотель воспринимался в занятых мужчинами университетах как автор афоризмов, а не как владелец библиотеки и создатель схем, как бы самопорождаемых интеллектом библиотеки, они вернули дух подлинного Аристотеля.

Елена Лукреция Корнаро Пископия (1646–1684) – итальянский философ, богослов и математик. Она защитила докторскую диссертацию, комментируя Аристотеля, и смогла разрешить противоречия в его мысли именно благодаря использованию схем. Она представляла философию Аристотеля не как ряд рассуждений и умозаключений, но как общую геометрию мысли, где важны и весомость аргумента, и расстояние до аргумента. Мысль Аристотеля работает не тогда, когда мы следуем его рассуждениям, потому что силлогизм был лишь частным методом, подверженным рассмотрению Аристотеля, но когда превращаем любой силлогизм только в способ запроса, а решения Аристотеля представляем как сложную схему из целостных тел, каждое из которых имеет свою мощь, инерцию, весомость, свои измерения и свой способ геометрического и пространственного согласования с другими телами. Тогда, например, истину мы видим не просто как согласование двух представлений, а как целостность, внутри весомости которой любая другая весомость идет по касательной аргумента, как часть целого. Истина и оказывается созданием искусственного интеллекта – библиотеки, состоящей из правильных философских книг. В 2022 году итальянские власти отказались добавить статую Елены Лукреции к 78 статуям знаменитых ученых-мужчин на площади Прато-делла-Валле в Падуе, сославшись на то, что ее изображение уже есть в университете.

Габриэль Эмили Ле Тоннелье де Бретеиль, маркиза Дю Шатле (1706–1749) – французский математик и физик, гражданская жена Вольтера. Она изменила библиотеку опального Вольтера, соединив ее с естественнонаучным кабинетом: на приборах должны были появляться данные, сверяться с книгами и записываться в тетради. Библиотека рассматривалась как матрица аргументации: по запросу из книг извлекались силлогизмы и аргументы, но целостную картину создавали приборы. Именно маркиза Дю Шатле совместила физический теоретический аппарат Ньютона и математический теоретический

аппарат Лейбница. Без нее Ньютон воспринимался бы просто как создатель ряда догматов о природе, а Лейбниц – как гениальный математик и полигистор. Она объединила их в одной идее библиотеки: наблюдения Ньютона приобретали достоверность и истинность благодаря как бы автоматизированному дифференцированию, исчислению бесконечно малых величин, что и создавало настоящую картину, для которой любое явление есть только часть, тогда как работа Лейбница с языком оказывалась созданием тех вариаций метаязыка, которые только и могут схватить разнообразие физических явлений. Так обновленная библиотека производила уже не просто картину мира, а дифференцированную картину мира. Библиотека стала медиумом. До сих пор в Санкт-Петербурге лежат неопубликованные рукописи Дю Шатле в составе купленной Екатериной II библиотеки Вольтера, и только недавно команда Падеборнского университета начала их дешифровку.

Августа Ада Кинг, графиня Лавлейс, урожденная Байрон (1815–1852), известнее двух предыдущих – программисты оказались щедрее физиков и математиков на благодарность женщинам. Она изменила подход к программированию и предсказала искусственный интеллект: стала понимать программу не как неизменный код, но как постоянно совершенствуемую аналитическую задачу. За основу Августа Ада Кинг взяла станок Жаккарда, который мог ткать цветы и листья, и отметила, что, если представлять уравнения как цветы или листья, постоянно дифференцируемые, можно научить машину производить самые сложные алгебраические вычисления. Она говорила, что машина, научившись решать все задачи по алгебре, займется творчеством: станет сочинять стихи, писать картины и делать наш быт прекрасным. Тем самым, ее библиотека – это библиотека узоров, а ее искусственный интеллект бесконечно совершенствуется в алгебре и тем самым создает не просто цельную и развернутую, но живую и дышащую картину. Умерла графиня Лавлейс в полном одиночестве, брошенная мужем, под грубые крики служанки.

Все 4 женщины-математика – это операторы искусственного интеллекта, которые пересоздали библиотеку: она стала не просто хранилищем знаний, но, вполне по заветам подлинного Аристотеля, местом, где смотрящая на нас из будущего схема, объемная и живая, опознаваемая, тот самый текст и картинка нейронной сети, рассчитанные на познание и опознание, позволяют лучше квалифицировать явления вокруг нас и мысли внутри нас. Эти 4 женщины оживляли библиотеку и оживляли саму мысль, хотя потомки не были им благодарны. Если рассматривать их идеи, то они так и останутся на обочине истории науки. Но если понимать, что математическое моделирование, систематизация идей, исправление «багов» и внимание к функционированию идей не менее важны, чем производство идей, которое на поверку часто оказывается просто подведением промежуточных итогов, мы должны признать, что медиатеория требует введения нового образа. Это образ не изобретателя, не работника науки, а оператора библиотеки, идеального библиотекаря, образцом для которого или которой могут стать Гипатия, Пископия, Дю Шатле и Лавлейс.

Заключение. Библиотеку следует рассматривать не как хранилище, натуралистически, но как механизм автономного производства знания, тогда как читатели могут быть признаны промпт-инженерами запросов. Хотя кроме промпт-инженеров существуют и общие операторы системы: создатели каталогов и наглядных моделей дальнейшей каталогизации. Эти операторы или методические работники часто незаметны в изложениях науки, где основное внимание уделяется творцам открытий и популяризаторам или практикам. Но без них история науки не полна: в статье предлагается реабилитация женщин-математиков как образцов операторов таких систем, создававших наглядные модели целостного знания. Образы нейронных сетей, вопреки расхожим представлениям, не ложны, но противостоят ложным новостям (fake news). Ложные новости требуют мгновенной реакции на частное сообщение, т. е. отождествляют реакцию на запрос и зна-

ние, тогда как тексты и изображения, созданные нейронной сетью, обладают внутренней целостностью, позволяющей критически относиться к структуре запроса.

Искусственный интеллект работает в современной медиасреде как некоторый образ из будущего. Его можно представить как обратный тест Тьюринга, где сама машина задает вопросы, человек она или машина, пока не сложится в будущем ее целостный образ как производительницы целостных копий реальности. Именно поэтому благодаря таким обожженным до гладкости копиям мы считываем в изображениях и текстах нейронных сетей сюжет, в то же время они нас завораживают, что-то обещают, хотя вроде бы все составляющие сюжета нам уже известны и могут быть получены и уточнены по запросу, например запросу к электронной библиотеке. Или можно представить образ искусственного интеллекта как постмодернистский роман, где открытый финал – способ не вовлечь читателя в определенные структуры отношения к происходящему, а, напротив, изобразить «имплицитного читателя» (термин В. Изера) и «эксплицитного читателя» (термин С.А. Макуреновой) [15] как целостный образ, целостность которого превращает его или ее из копии идей, субъекта, воспринимающего идею, в эту копию в высшем смысле – как деятеля или деятельницу ответственности за то, что может произойти. Это еще раз доказывает, что постмодернистская программа в медиаисследованиях вовсе не исчерпана.

Практическое применение результатов исследования состоит в оптимизации управления разнородными библиотечными фондами, которые включают в себя как текстовые данные, так и математизированные обобщения, в частности электронные каталоги и указатели. Эти возможности библиотек будут использоваться неравномерно и недостаточно эффективно, если не будет обеспечена видимость операторов науки. Образцом для таких операторов могут быть женщины-математики с их навыком командной работы, тогда как задачей внедрения цифровых технологий в библиотечное дело должно стать усиление видимости всех, кто обобщал массивы информации, в т. ч. формализованной. Видимость оператора становится видимостью того обобщения, которое подтверждает, что истинное знание, как показал Аристотель в своем главном труде и как выявил новый перевод этого труда, существует всегда как начальная данность отношения к действительности, но только его поспешное применение, при котором не все операторы становятся видимыми, ограничивало и ремифологизировало знание. Между тем при принятии полноты начальной установки искусственного интеллекта на выявление всех содержащихся в нем знаний мы можем демифологизировать знание и выйти на новый уровень критически-рационального его использования, применяя критику не только к текстовым утверждениям, но и к накапливаемым массивам цифровых данных.

Список литературы

1. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В.Г. Николаева; под ред. С.П. Баньковской. М.: Кучково поле, 2016. 413 с.
2. *Пасквинелли М.* Измерять и навязывать. Социальная история искусственного интеллекта / пер. И. Напреенко. М.: Individuum, 2024. 351 с.
3. *Сосна Н.Н.* Теории медиа: нормализация и вариантология // История философии. 2022. Т. 27, № 2. С. 64–73. <https://doi.org/10.21146/2074-5869-2022-27-2-64-73>
4. *Рыков Ю., Нагорный О.* Область интернет-исследований в социальных науках // Социол. обозрение. 2017. Т. 16, № 3. С. 366–394. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2017-3-366-394>

5. Cox A.M., Mazumdar S. Defining Artificial Intelligence for Librarians // *J. Librariansh. Inf. Sci.* 2024. Vol. 56, № 2. P. 330–340. <https://doi.org/10.1177/09610006221142029>
6. Young E., Wajcman J., Sprejer L. Mind the Gender Gap: Inequalities in the Emergent Professions of Artificial Intelligence (AI) and Data Science // *New Technol. Work Employ.* 2023. Vol. 38, № 3. P. 391–414. <https://doi.org/10.1111/ntwe.12278>
7. Inamdar S. Impact of Artificial Intelligence Text Generators (AITGs) on Libraries // *Libr. Hi Tech News.* 2023. Vol. 40, № 8. P. 9–13. <https://doi.org/10.1108/LHTN-03-2023-0048>
8. Hall P., Ellis D. A Systematic Review of Socio-Technical Gender Bias in AI Algorithms // *Online Inf. Rev.* 2023. Vol. 47, № 7. P. 1264–1279. <https://doi.org/10.1108/OIR-08-2021-0452>
9. *Feminist AI: Critical Perspectives on Algorithms, Data, and Intelligent Machines* / ed. by J. Browne, S. Cave, E. Drage, K. McInerney. Oxford: Oxford Univ. Press, 2023. 396 p.
10. Маламуд Ш. Испечь мир: ритуал и мысль в древней Индии / пер. с фр. и вступ. ст. В.Г. Лысенко. М.: Вост. лит., 2005. 349 с.
11. Седякова О.А. Другие жертвы // Параграф. 1989. № 10. С. 10–12.
12. Завьялова В.П. Александрийская библиотека // Рус. словесность. 2012. № 2. С. 71–76.
13. Аристотель. Метафизика / пер. А.В. Маркова. М.: РИПОЛ-классик, 2018. 381 с.
14. Новарро Х. Женщины-математики. От Гипатии до Эмми Нётер: пер. с исп. М.: De Agostini, 2014. 143 с. (Мир математики; Т. 37).
15. Семенов В.А. Шекспир и русская литература: эксплицитный читатель: к 450-летию со дня рождения Уильяма Шекспира. М.: Русь, 2014. 295 с.

References

1. Anderson B. *Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism*. London, 1991 (Russ. ed.: Anderson B. *Voobrazhaemye soobshchestva. Razmyshleniya ob istokakh i rasprostranении natsionalizma*. Moscow, 2016. 413 p.).
2. Pasquinelli M. *The Eye of the Master: A Social History of Artificial Intelligence*. London, 2023. 264 p. (Russ. ed.: Paskvinelli M. *Izmeryat' i navyazyvat'. Sotsial'naya istoriya iskusstvennogo intellekta*. Moscow, 2024. 351 p.).
3. Sosna N.N. Media Theory: Normalization and Variantology. *Hist. Philos.*, 2022, vol. 27, no. 2, pp. 64–73 (in Russ.). <https://doi.org/10.21146/2074-5869-2022-27-2-64-73>
4. Rykov Yu., Nagornyy O. Oblast' internet-issledovaniy v sotsial'nykh naukakh [Internet Studies in Social Sciences]. *Sotsiologicheskoe obozrenie*, 2017, vol. 16, no. 3, pp. 366–394. <https://doi.org/10.17323/1728-192X-2017-3-366-394>
5. Cox A.M., Mazumdar S. Defining Artificial Intelligence for Librarians. *J. Librariansh. Inf. Sci.*, 2024, vol. 56, no. 2, pp. 330–340. <https://doi.org/10.1177/09610006221142029>
6. Young E., Wajcman J., Sprejer L. Mind the Gender Gap: Inequalities in the Emergent Professions of Artificial Intelligence (AI) and Data Science. *New Technol. Work Employ.*, 2023, vol. 38, no. 3, pp. 391–414. <https://doi.org/10.1111/ntwe.12278>
7. Inamdar S. Impact of Artificial Intelligence Text Generators (AITGs) on Libraries. *Libr. Hi Tech News*, 2023, vol. 40, no. 8, pp. 9–13. <https://doi.org/10.1108/LHTN-03-2023-0048>
8. Hall P., Ellis D. A Systematic Review of Socio-Technical Gender Bias in AI Algorithms. *Online Inf. Rev.*, 2023, vol. 47, no. 7, pp. 1264–1279. <https://doi.org/10.1108/OIR-08-2021-0452>
9. Browne J., Cave S., Drage E., McInerney K. (eds.). *Feminist AI: Critical Perspectives on Algorithms, Data, and Intelligent Machines*. Oxford, 2023. 396 p.
10. Malamoud C. *Cuire le monde: Rite et pensée dans l'Inde ancienne*. Paris, 1989. 335 p. (Russ. ed.: Malamud Sh. *Ispech' mir: ritual i mysl' v drevney Indii*. Moscow, 2005. 349 p.).
11. Sedakova O.A. Drugie zhertvy [Other Victims]. *Paragraf*, 1989, no. 10, pp. 10–12.
12. Zav'yalova V.P. Aleksandriyskaya biblioteka [Alexandria Library]. *Russkaya slovesnost'*, 2012, no. 2, pp. 71–76.
13. Aristotle. *Metafizika* [Metaphysics]. Moscow, 2018. 381 p.
14. Novarro J. *Mujeres matemáticas: De Hipatia a Emmy Noether*. RBA, 2011. 143 p. (Russ. ed.: Novarro Kh. *Zhenshchiny-matematiki. Ot Gipatii do Emmi Neter*. Moscow, 2014. 143 p.).
15. Semenov V.A. *Shekspir i russkaya literatura: eksplitsitnyy chitatel'* [Shakespeare and Russian Literature: The Explicit Reader]. Moscow, 2014. 295 p.

Марков А.В., Штайн О.А.

Операторы библиотеки и эпистемология искусственного интеллекта

Информация об авторах

А.В. Марков – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры кино и современного искусства Российского государственного гуманитарного университета (адрес: 125047, Москва, Миусская пл., д. 6).

О.А. Штайн – кандидат философских наук, доцент кафедры истории философии, философской антропологии, эстетики и теории культуры, кафедры социальной философии Уральского федерального университета имени первого Президента России Б.Н. Ельцина (адрес: 620002, г. Екатеринбург, ул. Мира, д. 19).

Поступила в редакцию 19.04.2024
Одобрена после рецензирования 10.10.2024
Принята к публикации 11.10.2024

Information about the authors

Aleksandr V. Markov, Dr. Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Prof. at the Department of Cinema and Contemporary Art, Russian State University for the Humanities (address: Miusskaya pl. 6, Moscow, 125047, Russia).

Oksana A. Shtayn, Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof. at the Department of History of Philosophy, Philosophical Anthropology, Aesthetics and Theory of Culture, Assoc. Prof. at the Department of Social Philosophy, Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin (address: ul. Mira 19, Yekaterinburg, 620002, Russia).

Submitted 19 April 2024
Approved after reviewing 10 October 2024
Accepted for publication 11 October 2024

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 6. С. 123–132.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 6, pp. 123–132.

Научная статья
УДК 140.8
DOI: 10.37482/2687-1505-V396

Особенности философии русских розенкрейцеров конца XVIII – начала XIX века и мировоззрение универсализма

Сергей Петрович Мякинников

Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева, Кемерово, Россия,
e-mail: mspcaph@list.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7640-8374>

Аннотация. В статье акцентируется внимание на нарастающем сонме комплексных проблем социального, природного и экологического характера, с которыми столкнулась человеческая цивилизация в начале нашего столетия. Подчеркивается, что наиболее полно осознать эти проблемы и найти пути, способы, формы выхода из общего кризиса (состояния обострения данных проблем) посредством должных убеждений, ориентиров верований, ценностных установок, практических регуляторов может позволить системный комплекс обобщенных воззрений человека на мир, на себя в нем и взаимоотношения с ним, т. е. мировоззрение. Указывается на необходимость формирования нового мировоззрения, наиболее способного отражать реальность и организовывать деятельность в соответствии с изменяющимся миром. Прежние формы мировоззрения – холизм, меризм, религиозный единокентризм – устаревают по причине потери актуальности редукции к целому, части или единому соответственно. Новое мировоззрение предлагается создать на основе традиционного мировоззрения универсализма, понимаемого как разновидность холизма, абсолютизирующего универсальное целое (универсум). Новому универсализму (метауниверсализму) в отличие от традиционного должен быть свойственен подлинный нонредукционизм, который достигается путем взаимопронизывания смыслового содержания понятий «единое», «целое», «многое», «единичное» и «уникальное». Обеспечивается такое сплавление принципом конвергенции и процедурой оптимизации, согласующими структурно и функционально потенциалы значений данных понятий для их сближения в единый концепт, «понятие-сплав» единого целого, проявляющегося в отдельной, индивидуальной части. Эти методологические особенности наиболее соответствуют современной объективной действительности, а значит, позволяют создать картину мира, максимально адекватную происходящим в природе и обществе изменениям, что служит вкладом в разработку философской методологии исследования и разрешение сложных социальных, социоприродных, в т. ч. глобальных, проблем современности. Истоки такого мировоззрения усматриваются в идеях русских розенкрейцеров конца XVIII – начала XIX века, прежде всего в их метафизике, онтологии и гносеологии. В статье обосновывается универсалистский характер многих взглядов розенкрейцеров.

© Мякинников С.П., 2024

Мякинников С.П.

Особенности философии русских розенкрейцеров конца XVIII – начала XIX века...

Ключевые слова: универсализм, метауниверсализм, холизм, розенкрейцество, русские розенкрейцеры

Для цитирования: Мякинников, С. П. Особенности философии русских розенкрейцеров конца XVIII – начала XIX века и мировоззрение универсализма / С. П. Мякинников // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 6. – С. 123-132. – DOI 10.37482/2687-1505-V396.

Original article

Philosophy of the Russian Rosicrucians of the Late 18th – Early 19th Centuries and the Universalist Worldview

Sergey P. Myakinnikov

T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University, Kemerovo, Russia,
e-mail: mSPACE@list.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-7640-8374>

Abstract. The article focuses on the growing host of social, natural and environmental problems faced by human civilization at the beginning of this century. It is emphasized that a systemic set of generalized human views of the world, of oneself in it and of one's relationships with it, i.e. worldview, can help to fully understand these problems and find ways, methods and forms of overcoming the general crisis (the exacerbation of these problems) through proper beliefs, orientations of beliefs, value attitudes and practical regulators. The author points out that it is necessary to form a new worldview that is most capable of reflecting reality and organizing activities in accordance with the changing world. The previous forms of worldview – holism, merism and religious onecentrism – are becoming obsolete due to the loss of relevance of reduction to the whole, part or the one, respectively. It is proposed to create a new worldview based on the traditional worldview of universalism, which is understood as a type of holism absolutizing the universal whole (the universe). The new universalism (meta-universalism), unlike traditional universalism, should be characterized by genuine non-reductionism, which is achieved through the interpenetration of the meanings of the concepts of *one*, *whole*, *many*, *singular* and *unique*. This fusion is ensured by the principle of convergence and the optimization procedure, structurally and functionally matching the potentials of the meanings of these concepts for their converging into a single concept, an “alloy” of a single whole, manifested in a separate, individual part. These methodological features are most consistent with modern objective reality, which means they allow one to create a worldview that is as adequate as possible to the changes taking place in nature and society. This is a contribution to the development of a philosophical methodology for the study and resolution of complex social and socio-natural, including global, problems of our time. The origins of such a worldview are traced to the ideas of the Russian Rosicrucians of the late 18th and early 19th centuries (primarily, in their metaphysics, ontology and epistemology). The article substantiates the universalist character of many of the Rosicrucians' views.

Keywords: universalism, meta-universalism, holism, Rosicrucianism, Russian Rosicrucians

For citation: Myakinnikov S.P. Philosophy of the Russian Rosicrucians of the Late 18th – Early 19th Centuries and the Universalist Worldview. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 6, pp. 123–132. DOI: 10.37482/2687-1505-V396

Происходящее в мире (изменения климата, природные аномалии, социальные пертурбации, ухудшение самочувствия) представляется серьезным вызовом всему человечеству. Как людям ответить на этот вызов, не только выжив [1], но и продолжая эволюционировать вслед за изменяющейся действительностью? Современные пограничные ситуации вызывают у человека чувство конфронтации с хаосом, что осознается как требование «космизации» и упорядочивания пространства жизни. «Беспорядок» временен, нестабилен и служит лишь инструментом радикального обновления, реконструкции старых структур и реновации сознания человека. Последняя предполагает единство взглядов, ценностных приоритетов, образных представлений и убеждений на мировоззренческом уровне. Именно достижение осознания единства человеческой цивилизации на уровне отдельных индивидов должно позволить максимально сгладить острые углы перехода от этапа диссонанса разбалансированных социальных и социоприродных процессов к этапу более устойчивого динамического равновесия со-настроенных природы, общества и личности в рамках единого целого.

Целью статьи является демонстрация близости взглядов русских розенкрейцеров конца XVIII – начала XIX века мировоззрению универсализма. Для достижения этой цели были поставлены следующие задачи: 1) обосновать ограниченность мировоззрений холизма, меризма и единоцентризма (религиозной версии)¹, несоответствие их современным реали-

ям; 2) предложить новый вариант мировоззрения, отталкиваясь от универсализма²; 3) выявить основные идеи русских розенкрейцеров указанного периода, в которых просматривается универсалистское мировоззрение; 4) связать основные положения предлагаемого мировоззрения с идеями русских розенкрейцеров.

Основным компонентом любого мировоззрения является картина мира, в которой фиксируются теоретико-познавательные основания для формирования ценностно-практических регуляторов, мотивационных установок всех и каждого. Жизненно важно в настоящее время определить пути, средства разработки и форму соответствующих объективной реальности мировоззрения и, в частности, картины мира. Существующие формы мировоззрения уже не отражают действительность в необходимой степени. К ним относятся холизм, абсолютизирующий целое, меризм, гипертрофирующий отдельную часть или механическую сумму многих частей, и единоцентризм (религиозная форма), полностью акцентирующийся на едином [2]. Во всех случаях присутствует существенный элемент редукции, устраняющий возможность осознания единения всего множества видов бытия целого универсума в одном.

Так, в мировоззрении холизма качества целостности объекта заменяют качества индивидуальности и единства его частей, а количественный, количественно-структурный, подход превалирует над качественным, качественно-функциональным³, что приводит в познании к

¹Холизм – мировоззренческая позиция на соотношение единого, целого и частей, когда целое более приоритетно, чем его части и их единство. Меризм – мировоззренческая позиция на соотношение единого, целого и частей, когда сумма частей (механизм) или отдельные части (элементаризм, атомизм) более приоритетны, чем целое и единое. Религиозный единоцентризм предполагает примат одного Бога как Единого истока над целым миром, природы, общества и др., их частями в отличие от нерелигиозного единоцентризма, когда единым оказывается не божественное начало всего, а иная субстанция мира, основополагающая структура или всеобщий закон (например, в природе), национальная идея (например, в обществе).

²Универсализм – мировоззренческая позиция на соотношение единого, целого и части, когда всеобщее (единое во многом) или универсальное целое мира рассматривается более приоритетным, чем собственно единое, иное целое или множество любых частей, отдельные части.

³Если такой методологический недочет, как квантитатизм, допускает редукцию в сторону абсолютизации количественных характеристик исследуемого объекта, то квалитатизм как противоположный методологический полюс допускает редукцию в сторону абсолютизации качественных характеристик.

недоучету дискретных, атомарных единиц, тонущих в континуальном поле целого. В т. ч. и через такое мировоззрение в общественном сознании обнаруживается склонность к тоталитаризму.

Мировоззрение меризма предполагает редукцию качеств целого и единого к качествам отдельных единичных частей или качествам их аддитивности. Меризм склонен к фрагментарности, элементаризму, атомизму и механицизму, при этом значительно принижает качества целого и единого (системность, эмерджентность, синергичность, целостность, единство). Происходит также абсолютизация квантитатизма, при которой внимание сосредоточено только на дискретных единичных частях, отдельностях, в сумме составляющих конгломерат. Отсюда господство индивидуализма или охлократии – власти безликой человеческой массы, лишенной эффективного централизованного государственного управления, единых этик, моральных мотивов, ориентиров.

Мировоззрение единоцентризма в его религиозном выражении уводит в метафизическую реальность Единого, отрывая сознание от множества материальных объектов, от целого природы и его уникальных частей, проводя четкую демаркационную линию между инобытием трансценденции надприродного (Бога, мирового разума, Абсолюта, информационного поля Вселенной, Монады монад и проч.) и целого природы, частями которого служат общество и люди [3, с. 78–92]. Вместе с тем имеют место редукция к качествам единства качеств целого и индивидуальной единицы, неограниченность, нечеткость пространственно-временных характеристик любого объекта, приоритет квалитатизма над квантитатизмом, недостаточная фиксация конкретных целого, множества и единичной отдельности как выделенных из абсолютного Одного. Религиозный единоцентризм отдаляют от повседневности явный эзотеризм и мистицизм.

Очевидно, что требуется иное мировоззрение. Думается, для этого наиболее подходит

универсализм, но не традиционный, прежний универсализм, противопоставляющийся только индивидуализму, меризму, эксплицируемый как версия холизма в этике, для которого универсум есть лишь целое [4]. Для отличия данной субхолистической формы универсализма от новой его формы назовем последнюю метауниверсализмом. По отношению к холизму такое мировоззрение оказывается постхолизмом, как, например, в России и бывших социалистических странах (где до сих пор господствует целое). По отношению к меризму метауниверсализм есть постмеризм, постиндивидуализм, как в странах Запада (где предпочтительна уникальность отдельной личности, индивидуализма). А по отношению к единоцентризму новое мировоззрение выступает как постединоцентризм (что актуально для стран Востока, их традиционных религиозных культур).

Кратко обозначим основные черты мировоззрения метауниверсализма. Новый универсализм, как представляется, должен быть выстроен по методологии подлинного нонредукционизма⁴. Ее основоположением следует считать категорию единого целого, представленного в каждой отдельной части, когда качества единого обнаруживаются как в целом, так и в его любой части, вместе с тем не лишенной уникальности. Этот своего рода методологический подход «гармонической конвергенции» обеспечивает взаимоприсутствие и спаянность единого, целого, многого и единичной части в одном. Для обозначения данного смысла вводится единый концепт – «понятие-сплав» единого целого в части, который формируется при использовании принципа конвергенции (сближения смыслов понятий «единое», «целое», «часть») и процедуры оптимизации (обеспечения наилучшего согласования взаимопроникающих смыслов единого, целого, многого и части в динамике их функционирования).

А теперь вспомним, что истоки нового следует выявлять в забытом старом. Действи-

---

⁴Нонредукционизм есть подход, заключающийся в переосмыслении возможных корреляций категорий единого, целого, многого и части при избегании абсолютизации свойств каждой из них.

тельно, в ходе изучения литературных источников некоторые черты предлагаемого нового мировоззрения были обнаружены у русских адептов Ордена Злато-Розового Креста (розенкрейцеров) конца XVIII – начала XIX века. В литературе представлены исследования историко-социальных, политических, религиозных и даже историко-философских аспектов русского розенкрейцера, но малая часть работ посвящена метафизике, онтологии и гносеологии философского мировоззрения русского ордена розы и креста.

В научных трудах распространено мнение о том, что философия розенкрейцеров не оригинальна. Мы все же укажем некоторые предпосылки, черты универсалистских воззрений русских розенкрейцеров данного периода, учитывая ту или иную степень уникальности их онтолого-гносеологических идей, посредством которых они выстраивают картину мира:

1. Противостояние крайности материализма с позиции первого в России идеалистического мировоззрения [5, с. 130, 171], недооценка материального мира, критика холодной рассудочности науки, просветительства, лишенных веры, и критика недооценки индивидуальной духовности по причине приоритета внутреннего духовного содержания перед внешней материальной формой (воспринятых из западных гностических источников, но преобразованных через православную теософию). Когда отстаивается право на автономность личности от государства, церкви, любого социального института, но при опоре на христианские добродетели и правила построения царства Божьего на Земле, т. е. связываются воедино дистинктивность (уникальность) единичной личности и целое мира материи посредством божественного Единого начала, все уравнивающей и единящей безусловной Любви [6, с. 191; 7, с. 159, 180].

2. Единство теории и жизненной практики, философского мировоззрения и просветительской деятельности. Суть просвещения понимается в содействии формированию нового религиозно-философского мировоззрения, заменяющего церковный догматизм [7, с. 209],

посредством организации собраний масонских лож, обрядности, издательской деятельности. Например, признание полученных «тайных знаний» считается не самоцелью, а средством для самопознания (раскрытия в себе качеств Бога), нравственного самосовершенствования через практику испытаний. Это свидетельствует о намерении единения в целостное мировоззрение как онтолого-праксиологических, так и аксиологических, гносеологических аспектов взглядов.

3. Связь идеи структурной иерархии бытия с антропоцентризмом, когда природа рассматривается не как большой космос, а как «макроантропос», предопределяемый человеком [7, с. 152], что говорит о склонности к конвергенции единицы человека и других отдельных частей целого природы. Но это не позиция холизма, т. к. происходит подчинение не части (человека) целому, а наоборот. Такое оказывается возможным, только если в части осознается Единое, которое через нее протраивает порядок в целом, организует множество его частей. Что не соответствует также и едиоцентризму.

4. Большой интерес, чем на Западе и у других масонов, к духовно-нравственному росту личности и мистическим знаниям [8, с. 18, 119]. Нацеленность на достижение особого самосознания, внутреннего мистического переживания для постижения в себе божественных качеств с помощью христианства, для самоисправления личности христианина [8, с. 60; 9, с. 200; 10, с. 6]. Таким образом, делается акцент на связке «единичная часть и Единое в ней», без понимания которой невозможен выход на оптимизацию отношений единого, целого, многого и части.

5. Неоднозначность оценки разума. Отношение к мышлению варьируется от внерационализма С.И. Гамалеи [11, с. 123, 137–138, 180], его ограничения верой, в частности у И.Г. Шварца, до умеренного рационализма раннего И.П. Елагина [6, с. 152, 500]. И все-таки превалирование доверия не к мышлению как таковому, а к интуитивно-созерцательному чувствованию, воображению, например с позиции А.Н. Пыпина [12, с. 90].

Ведь лишь интуитивная образность делает возможным откровение, а также позволяет ухватывать целиком и полностью его содержимое. Опять-таки, заметна более чем холистическая тенденция на всеохватность, всецелостность и всеединство.

6. Связь с догматами Троицы, Логоса, творения, спасения более теоретического, христианского характера алхимии (чем на Западе), преобразующей не вещество, а душу человека (например, духовная трактовка трансмутации) [13, с. 186]. Эта черта также свидетельствует о намерении создания более целостного (единого) мировоззрения, чем у других масонов.

7. Соединение христианской (православной) мистики и западных форм мистицизма [13, с. 5]. При этом русских розенкрейцеров от христианского догматизма и генотеизма защищает особый синтез идей пантеизма и деизма, считает Д. Смит [14, с. 13]. Допускаем, что вкупе с персонализмом такой синтез идей позволяет ограничить интерес к выражению индивида как части целого интересом к проявлению Единого в единичном человеке, что не свойственно холизму, меризму и единоцентризму.

Несмотря на множественные высказывания авторов о почти полном заимствовании идей русских розенкрейцеров у западных мыслителей, в литературе можно обнаружить и противоположную точку зрения. Так, Ю.Л. Халтурин, В.В. Кучурин и Ю.Ф. Родиченков заявляют, что русским розенкрейцерам указанного периода свойственно не слепое копирование западных идей и традиций, а творческая их переработка и адаптация (и в первую очередь в православной теософии) [13, с. 187–188].

Особо следует сказать об оригинальных оттенках идеи софийности, вечной женственности и всеединства, связанных с уникальными тонами идеи обожения русских розенкрейцеров, т. е. сближения, а не разведения (как в Западной Европе) Бога и его творения. Идея обожения твари, когда в Богочеловечестве сходятся единичное твари, целое мира и Единое Творца, есть основание для русской религиозной философии, а идея Софии позволяет раскрыть принцип все-

единства, в т. ч. определить единство, гармонию деятельности человека, природы и Абсолюта. Через Софию, примыкающую к миру как опосредующее звено, мост, Бог обеспечивает единство себя с целым миром и отдельным человеком, происходит соединение философского и религиозного мировоззрений.

Наиболее важным представляется методологический аспект исследования, касающийся выработки подхода к различным сторонам мировоззрения русских розенкрейцеров данного периода и общего его содержания как единого целого. Некоторые авторы отмечают, что розенкрейцеры исходят из преимущественно расширенного универсалистского подхода, неразрывно связывающего в единое целое Бога, природу и человека ради восстановления воззрений на подлинное совершенство человека [13, с. 166–167]. Иными словами, эти розенкрейцеры, используя процедуру конвергенции, нацелены на достижение гармонии тела, души и духа от Бога в человеке и природе, а подчинение разума, телесных чувств сердцу, интуиции, духовным чувствам понимают как способ достижения не только целостности, но и единства познания, т. е. единства целостности, что приближает их к гносеологии метауниверсализма.

Мировоззрению русских розенкрейцеров часто приписывают черты эклектики, дуализма, синкретизма. Полагаем, что методологический принцип эклектизма более присущ мировоззрению меризма (его механистической версии), а принцип синкретизма – мировоззрению холизма, как и традиционный концепт универсализма. Но братья-розенкрейцеры следуют по пути расширения смыслового содержания данного концепта от целого до единого, от узкой универсалистской версии холизма до варианта, применимого в мировоззрении единогоцентризма. Такая расширительная коннотация универсализма уже не может ограничиваться категориями единого, целого и части. Требуется обновленный категориально-понятийный аппарат для аутентичного выражения постуниверсалистских воззрений, замечаемых у русских розенкрейцеров.

Укажем кратко на те черты воззрений братьев Ордена Злато-Розового Креста на мироустройство и его познание, в которых заметны не столько эклектика, синкретизм и дуализм, сколько универсализм. Среди множества их целей выделяется единое намерение приблизиться к некоему образцу первородного состояния до грехопадения. А. Верслуис утверждает, что в эзотерических, мистических (в т. ч. герметических) аспектах учения адептов ордена нет единой позиции, хотя есть нечто общее [15, с. 13]. Это общее и позволяет настаивать на некоей толике универсалистского смысла их идей. В отличие от гностиков, придерживающихся неприятия материального (что свидетельствует о разорванности, нецелостности их мировоззрения), русские розенкрейцеры исключают презрение к телесному, намереваются преобразить его вслед за умом и чувствами, т. к. без телесных чувств нет жизни в Боге.

Благодаря уникальной ориентации русских на «всеединство» можно обнаружить в их философии элементы нондуализма (не двойственности), свидетельствующие о тенденции к переходу от эклектики, синкретизма к универсализму. Так, идея Софии, как звено, соединяющее Небо и тварный мир, Бога и природу, существенно сглаживает двойственность первоначал материи и духа. Да и само их представление об изначальном монистично. Добытийный Абсолют, Первоисток, Великий Единый не имеет полюса. Такой монизм восходит к доантичным источникам розенкрейцерства. Лишь позднее Абсолютом, Безусловным создается условная реальность – иное себе. Его иная сторона – хаос, относительное, бытие (полюс) и любовь, абсолютное, безусловное (изначальное состояние) – противопоставляется на следующем этапе, когда абсолютное обращается в свою противоположность для ее лучшего самопознания. И только потом появляются полюса в самом творении, в бытии.

И все же в учении русских розенкрейцеров можно обнаружить множество примеров эклектизма и синкретизма [13, с. 6, 157]. Но, думается, нельзя считать синкретизмом все их

учение. Как уважение другой личности и любовь к ней, так и благополучие всего общества коренится в законах природы, что осознаются людьми через откровение (приобщение к Богу). В этом моменте увязано в единое целое все множество отдельных уникальных единиц бытия, осуществляемое через отдельных людей в состоянии восприятия ими божественных истин, что есть не только онтологическое выражение мировоззрения универсализма, но и гносеологическое его подтверждение.

С.В. Аржанухин подчеркивает, что братьям-розенкрейцерам присуща универсалистская мысль о проистечении целостности мира из единого первоначала Творца, которая Абсолютом поддерживается (как и единство всего) после акта творения [7, с. 142–143]. Природа творится и оказывается вне Бога, а он раскрывается в ней. У каждой части целого мира есть своя цель, связанная с целями других ради достижения единой для них всех цели – единства многообразия в мире (обожения). Общие и индивидуальные свойства позволяют в разделении составить единое целое. Розенкрейцеры рассматриваемого периода признают, что сходство и единство человека, физического и духовного миров состоят в том, что они из одного истока.

Идеи русских розенкрейцеров заключают в себе универсализм, являясь эзотерическими. Исследователи отмечают, что усиленный интерес к эзотерике у русских в конце XVIII века обусловлен намерением разработать «целостное мировоззрение», лишенное противостояния веры, религии и разума, науки, присущего западным мыслителям [13, с. 60–61]. Уже такие их эзотерические идеи, как претензия на «гнозис», получаемый путем духовного озарения, интуитивно (вне ограниченных, обособленных друг от друга мыслей, эмоций, чувств, т. е. в единстве целостности мыслеобразов), а также иерархия тонкоматериальных, плотно-материальных и духовных измерений реальности (духов природы, ангелов и проч.), как энергетических эманаций Бога-Творца, свидетельствуют об этом. Перечисленные и другие черты их эзотеризма показывают единство всего множества

отдельных фрагментов мира, установленного божественным Единым и обнаруживающегося в каждой единичной части сотворенного.

Заимствованная у «первохристиан» (Ириней Лионского, Оригена, каппадокийцев, Афанасия Александрийского) и адаптированная к русскому складу психики, по характеру эзотерическая идея обожения несет в себе более глубокий, чем универсалистский, смысл – метауниверсалистский. Ведь сближение человека через покаяние с Богом означает осознание себя как пребывания уникальной единицы, части целого природы в Едином Боге и самого целого мира в нем. Более того, суть спасения, к которому стремятся розенкрейцеры, есть гармонизация внутреннего (Единого в части) и внешнего (части в целом) человека с миром (самим целым) в Боге (Едином). Целью воссоединения внутри себя с Единым Бога является обретение Царства Божиего. Так совпадают единичное, многое, целое и единое, познание их взаимосвязей и пути от единицы через себя к Единому, а затем открытие Единого в целом природы и спасение ее.

От каббалы и герметизма братья-розенкрейцеры заимствуют принцип соответствия, выражающий универсальный для эзотерического мировоззрения закон взаимоподобия [13, с. 177], а это означает подобие в едином каждой единичной и уникальной части целого, высшего и низшего, большого (макро) и малого (микро). Эзотерическое мышление розенкрейцеров допускает, что мир есть сложное и живое целое, т. е. органицизм (разновидность холизма), но они идут дальше по пути универсализма, считая необходимым существование некоего принципа взаимосвязи всего и каждого в Одном и проявления любой единицы и их множества в Едином Духа, высшем и скрытом Свете [13, с. 175–176]. Магнетизм вещей, дополняющий закон подобия («симпатии»), обеспечивает единое целое мира, в котором взаимно отражаются все его единичные части, природа и духовный мир. Последние оказываются также универсалистски взаимосвязанными первоначалами, микро- и макромирами, представленными также в посреднике Бога и природы – человеке. Универсальная

троичность проявления первоначал в человеке с помощью алхимических принципов соли, серы и ртути имеет аналоги во внешней природе и Боге [13, с. 181].

Гносеологический универсализм у братьев-розенкрейцеров замечается в попытках достичь единства многообразия знания (полноты истины) путем мистического познания [9, с. 209]. Божественный изначальный Свет, озаряющий душу посредством интуиции, также отличается универсальным характером и единством, целостностью охвата при отождествлении субъекта и объекта. Но при этом следует признать невысокую степень успешности этих попыток по причине умаления многими русскими розенкрейцерами значения научного (эмпирического и рационального) знания.

Подводя итоги, перечислим кратко основные черты универсализма, в той или иной степени выраженные в воззрениях русских розенкрейцеров конца XVIII – начала XX века: 1) Единое (Бог) в равной мере присутствует в каждой единице-личности (части целого мира) в паритете с ее уникальными свойствами и качествами самого целого; 2) осознание единства с Единым обеспечивается путем осознанного установления связи «внутреннего человека» (его духа) с Богом; 3) путем «обтесывания дикого камня» души является собственное духовно-нравственное совершенствование, суть которого – в сплавлении Единого с единичной личностью, а это восстановление, в свою очередь, служит полноценной связи Единого с целым природы, ее одухотворению; 4) обожение единичной личности ведет к устранению разобщения частей в целом мира через восстановление порядка связей этих частей с изначальным Единым; 5) выстраивание иерархии бытия в картине мира, где Единое Бога излучает Свет Любви и Жизни в иное себе, творя целое мира духов, а затем физического универсума и индивидуальные их части в единстве многообразия. Наконец, в мировоззрении розенкрейцеров проявляются яркие нотки дистинктивной идеи (т. е. акцентирующей внимание на индивидуальности, единственности единичного) самодоста-

точности человека, возвращивания в нем человечности, человеческих качеств, нравственных добродетелей и достоинств. Важно учесть, что это возможно не в изоляции человеческих единиц друг от друга, а во всемирном союзе, утверждающем в целом общества истины от Единого, через множество этих уникальных автономных человеческих единиц как частей данного целого.

Основная интенция полученных обобщений и выводов заключается в повышении степени соответствия общих воззрений человека процессам объективной действительности, в

достижении уровня, предельно отвечающего современным реалиям сознания, что позволяет выстраивать наиболее адекватные, сбалансированные отношения каждой личности с собой, личностей между собой и миром, Богом ради достижения устойчивых темпов со-развития человека, общества и природы. Перспективной представляется дальнейшая разработка методологии (в т. ч. при использовании методов исторической ретроспекции и реконструкции) и теории максимально целостного и единого мировоззрения, не исключая значимость уникальности единичной части.

Список литературы

1. *Ненашева М.В.* Феномен жизнестойкости в контексте глобальных вызовов современности // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2022. Т. 22, № 5. С. 69–77. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V209>
2. *Мякинников С.П.* Сопряжение идей эгоцентризма, холизма и меризма в метафизике Г.В. Лейбница // Вестн. ВГУ. Сер.: Философия. 2020. № 4(38). С. 46–55.
3. Мировоззренческие вопросы политической экономики: современность и своевременность / под ред. А.Г. Грязновой и М.Л. Альпидовской. М.: КНОРУС, 2024. 260 с.
4. *Гарпушкин В.Е.* Гуманистический универсализм как парадигма мировоззрения: дис. ... д-ра филос. наук. Иваново, 2010. 291 с.
5. *Семека А.В.* Русское масонство в XVIII в. // Масонство в его прошлом и настоящем: в 2 т. / под ред. С.П. Мельгунова, Н.П. Сидорова. М.: СП «ИКПА», 1991. Т. 1. С. 124–174.
6. *Вернадский Г.В.* Русское масонство в царствование Екатерины II. Изд. 2-е, испр. и расшир. СПб.: Изд-во им. Н.И. Новикова, 1999. 567 с.
7. *Аржанухин С.В.* Философские взгляды русского масонства: по материалам журнала «Магазин свободнокаменщицкий». Екатеринбург: УрГУ, 1995. 222 с. <https://doi.org/10.17513/np.338>
8. *Брачев В.С.* Масоны в России: от Петра I до наших дней. СПб.: Стомма, 2000. 235 с.
9. *Пытин А.Н.* Русское масонство: XVIII и первая четверть XIX в. Петроград: ОГНИ, 1916. 575 с.
10. *Бакунина Т.А.* Знаменитые русские масоны; Вольные каменщики. М.: Интербук, 1991. 141 с.
11. *Гамалея С.И.* Рассмотрение причин побудительных и побуждающих ко вступлению в Свободное Каменничество // Магазин свободно-каменщицкий, содержащий в себе: речи, говоренные в собраниях; песни, письма, разговоры и другие разные краткия писания, стихами и прозою; в 7 томах, а каждый том в 3 частях состоящий. М.: Тип. И. Лопухина, 1784. Т. 1, ч. 2. С. 77–92.
12. *Халтурин Ю.* Эзотеризм и мировоззрение русского масонства XVIII–XIX веков: попытка определения // Гос-во, религия, Церковь в России и за рубежом. 2013. Т. 31, № 4(31). С. 87–112.
13. *Халтурин Ю.Л., Кучурин В.В., Родиченков Ю.Ф.* «Небесная наука»: европейская алхимия и российское розенкрейцство в XVII–XIX веках. СПб.: Изд-во РХГА, 2015. 380 с.
14. *Смит Д.* Работа над диким камнем: Масонский орден и русское общество в XVIII веке / авториз. пер. с англ. К. Осповата и Д. Хитровой. М.: Новое лит. обозрение, 2006. 222 с.
15. *Верслус А.* Магия и мистицизм: введение в изучение западного эзотеризма / пер. с англ. С.С. Петрухина; науч. ред. Д.Д. Гальпина. СПб.: Акад. исслед. культуры, 2024. 336 с.

References

1. Nenasheva M.V. The Phenomenon of Resilience in the Context of Contemporary Global Challenges. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2022, vol. 22, no. 5, pp. 69–77. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V209>

2. Myakinnikov S.P. Sopryazhenie idey edinotsentrizma, kholizma i merizma v metafizike G.V. Leybnitsa [Pairing Ideas of Onecentrism, Holism and Merism in the Metaphysics of G.V. Leibniz]. *Vestnik VGU. Ser.: Filosofiya*, 2020, no. 4, pp. 46–55.

3. Gryaznova A.G., Al'pidovskaya M.L. (eds.). *Mirovozzrencheskie voprosy politicheskoy ekonomii: sovremennost' i svoevremennost'* [Ideological Issues of Political Economy: Modernity and Timeliness]. Moscow, 2024. 260 p.

4. Garpushkin V.E. *Gumanisticheskii universalizm kak paradigma mirovozzreniya* [Humanistic Universalism as a Worldview Paradigm: Diss.]. Ivanovo, 2010. 291 p.

5. Semeka A.V. *Russkoe masonstvo v XVIII v.* [Russian Freemasonry in the 18th Century]. Mel'gunov S.P., Sidorov N.P. (eds.). *Masonstvo v ego proshlom i nastoyashchem* [Freemasonry in Its Past and Present]. Moscow, 1991. Vol. 1, pp. 124–174.

6. Vernadskiy G.V. *Russkoe masonstvo v tsarstvovanie Ekateriny II* [Russian Freemasonry Under Catherine II]. St. Petersburg, 1999. 567 p.

7. Arzhanukhin S.V. *Filosofskie vzglyady russkogo masonstva: po materialam zhurnala "Magazin svobodnokamenshchicheskii"* [Philosophical Views of Russian Freemasonry: Based on the Materials of the *Freemasonry Magazine*]. Yekaterinburg, 1995. 222 p. <https://doi.org/10.17513/np.338>

8. Brachev V.S. *Masony v Rossii: ot Petra I do nashikh dney* [Masons in Russia: From Peter I to the Present Day]. St. Petersburg, 2000. 235 p.

9. Pypin A.N. *Russkoe masonstvo: XVIII i pervaya chetvert' XIX v.* [Russian Freemasonry: The 18th and First Quarter of the 19th Centuries]. Petrograd, 1916. 575 p.

10. Bakunina T.A. *Znamenitnye russkie masony; Vol'nye kamenshchiki* [Famous Russian Masons: Freemasons]. Moscow, 1991. 141 p.

11. Gamaleya S.I. *Rassmotrenie prichin pobuditel'nykh i pobuzhdayushchikh ko vstupleniyu v Svobodnoe Kamenshchichestvo* [Consideration of the Reasons Motivating and Encouraging to Join Free Masonry]. *Magazin svobodno-kamenshchicheskii, soderzhashchiy v sebe: rechi, govorennyya v sobraniyakh; pesni, pis'ma, razgovory i drugiye raznyya kratkiya pisaniya, stikhami i prozoyu; v 7 tomakh, a kazhdyy tom v 3 chastyakh sostoyashchiy* [Free Masonry Magazine, Containing: Speeches Given at Meetings; Songs, Letters, Conversations and Other Various Short Writings, in Verse and Prose; in 7 Volumes, Each Volume Consisting of 3 Parts]. Moscow, 1784. Vol. 1, pt. 2, pp. 77–92.

12. Khalturin Yu. *Ezoterizm i mirovozzrenie russkogo masonstva XVIII–XIX vekov: popytka opredeleniya [Esotericism and Worldview of the Russian Freemasonry of the 18th – 19th Centuries: Toward a Conceptualization]. Gosudarstvo, religiya, Tserkov' v Rossii i za rubezhom*, 2013, vol. 31, no. 4, pp. 87–112.

13. Khalturin Yu.L., Kuchurin V.V., Rodichenkov Yu.F. *"Nebesnaya nauka": evropeyskaya alkhimiya i rossiyskoe rozenkreytserstvo v XVII–XIX vekakh* ["Heavenly Science": European Alchemy and Russian Rosicrucianism in the 17th – 19th Centuries]. St. Petersburg, 2015. 380 p.

14. Smith D. *Working the Rough Stone: Freemasonry and Society in Eighteenth-Century Russia*. DeKalb, 1999. 257 p. (Russ. ed.: Smit D. *Rabota nad dikim kamnem: Masonskiy orden i russkoe obshchestvo v XVIII veke*. Moscow, 2006. 222 p.).

15. Versluis A. *Magic and Mysticism: An Introduction to Western Esotericism*. Lanham, 2007. 179 p. (Russ. ed.: Versluis A. *Magiya i mistitsizm: vvedenie v izuchenie zapadnogo ezoterizma*. St. Petersburg, 2024. 336 p.).

Информация об авторе

С.П. Мякинников – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры истории, философии и социальных наук Кузбасского государственного технического университета имени Т.Ф. Горбачева (адрес: 650000, г. Кемерово, ул. Весенняя, д. 28).

Information about the author

Sergey P. Myakinnikov, Cand. Sci. (Philos.), Assoc. Prof., Assoc. Prof. at the Department of History, Philosophy and Social Sciences, T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University (address: ul. Vesenniyaya 28, Kemerovo, 650000, Russia).

Поступила в редакцию 04.03.2024

Одобрена после рецензирования 16.09.2024

Принята к публикации 20.09.2024

Submitted 4 March 2024

Approved after reviewing 16 September 2024

Accepted for publication 20 September 2024

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 6. С. 133–137.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 6, pp. 133–137.

Рецензия на книгу
УДК 81'373:655.552
DOI: 10.37482/2687-1505-V397

О насущных проблемах современной фразеологии

Рецензия на книгу: Фразеология в фокусе когнитивистики: моногр. / гл. ред. В. Мидер, отв. ред. А.М. Поликарпов. М.: Изд. дом Акад. естествознания, 2021. 295 с.

Анна Дмитриевна Бакина¹✉

Наталья Валерьевна Шишкова²

¹Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, Орел, Россия,

e-mail: heart-anna@yandex.ru✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8217-1828>

²Владимирский государственный университет имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых, Владимир, Россия,

e-mail: shishkovanatalie-lg122@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-3469-4424>

Аннотация. В статье рецензируется монография, включающая 16 глав, авторами которых являются видные специалисты по общей и специальной фразеологии, ведущие исследования в области славянского и германского языкознания (Н.Ф. Алефиренко, О.Б. Абакумова, Ю.В. Архангельская, Ж. Багана, В.И. Карасик, М.Л. Ковшова, А.Р. Попова, А.М. Мелерович, В.М. Мокиенко, Т.Н. Федуленкова, В. Мидер), а также их ученики и последователи (В.И. Абрамова, А.Д. Бакина, Е.В. Рыжкина). Приводятся основные проблемы, обсуждаемые на страницах этого коллективного труда: общие вопросы современной фразеологии, развивающейся в эпоху лингвистического постмодернизма; специфика фразеологических концептов и средств фразеологии, их вербализующих; национально-культурные и функциональные особенности фразеологизмов; фразеологическая семантика и коды культуры; специфика современной фразеографии; универсальное и специфическое в пословицах разных языков; пословичная компрессия; фразеологическая аббревиация и многие др.

Ключевые слова: современная фразеология, современная фразеография, фраземосемиозис, фразеологическая семантика, фразеологический концепт

Для цитирования: Бакина, А. Д. О насущных проблемах современной фразеологии / А. Д. Бакина, Н. В. Шишкова // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24, № 6. – С. 133-137. – DOI 10.37482/2687-1505-V397.

Book review

On the Urgent Problems of Modern Phraseology

Review of the book: Mieder W., Polikarpov A.M. (eds.). *Phraseology in the Focus of Cognitive Science*. Moscow, 2021. 295 p. (in Russ.).

Anna D. Bakina¹✉

Natal'ya V. Shishkova²

¹Orel State University named after I.S. Turgenev, Orel, Russia,

e-mail: heart-anna@yandex.ru✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8217-1828>

²Vladimir State University, Vladimir, Russia,

e-mail: shishkovanatalie-lg122@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0009-0000-3469-4424>

Abstract. The reviewed monograph includes 16 chapters authored by prominent specialists in general and special phraseology conducting research in the field of Slavic and Germanic linguistics (N.F. Alefirenko, O.B. Abakumova, Yu.V. Arkhangel'skaya, J. Baghana, V.I. Karasik, M.L. Kovshova, A.R. Popova, A.M. Melerovich, V.M. Mokienko, T.N. Fedulenkova and W. Mieder) as well as their students and followers (V.I. Abramova, A.D. Bakina and E.V. Ryzhkina). The main problems discussed in this book are: general issues of modern phraseology developing in the era of linguistic postmodernism; specificity of phraseological concepts and phraseological means verbalizing them; national, cultural and functional features of phraseological units; phraseological semantics and cultural codes; specifics of modern phraseography; the universal and the specific in proverbs of different languages; proverbial compression; phraseological abbreviation, etc.

Keywords: *modern phraseology, modern phraseography, phrasemosemiosis, phraseological semantics, phraseological concept*

For citation: Bakina A.D., Shishkova N.V. On the Urgent Problems of Modern Phraseology. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 6, pp. 133–137. DOI: 10.37482/2687-1505-V397

Читателю приятно держать в руках объемный, увесистый том формата А4 в твердой глянцевой обложке, выполненный на бумаге высокого качества. И, вне всякого сомнения, это вдвойне приятно специалисту по фразеологии, если в таком издании сосредоточены работы выдающихся ученых-фразеологов нашего времени.

В рецензируемой монографии рассматриваются наиболее актуальные проблемы современной фразеологической науки, развивающейся в эпоху лингвистического постмодернизма.

Открывает монографию глава под названием «Фразема и концепт» (автор – доктор фило-

логических наук, профессор Н.Ф. Алефиренко), в которой обсуждаются острые вопросы современного фраземосемиозиса и определение той роли, которую в нем играет *концепт*. Автор заключает, что экспрессивно-образное знакообозначение зачастую более важно, чем беспристрастное номинирование. Большое внимание исследователь уделяет характеристике элементов фразеомообразующей триады, объединяющей архетип, концепт и символ, как наиболее продуктивного для фраземосемиозиса объединения.

В главе описывается разница в восприятии фразеологических единиц (ФЕ) с ярко выра-

женным прототипом (т. е. двуплановой смысловой структурой) и ФЕ с суггестивной коннотацией, что приводит к осознанию причин когнитивного диссонанса между сознательным и бессознательным восприятием архетипического символа. Предлагается развернутая характеристика фразеологических концептов как единиц ментального лексикона, как квантов знания, сопровождающих фразеологическую вербализацию мира, как косвенных интерпретаторов смыслов.

Во второй главе (автор – доктор филологических наук, профессор А.П. Василенко) рассматриваются модели построения ФЕ, реализующих глагольную семантику: модель 1, объединяющая ФЕ, в которых образ основан на логической завершенности событий при единоразовости действия и незаданности временных рамок; модель 2, объединяющая ФЕ, в которых образ основан на действии, описывающем переход из одного состояния в другое; модель 3, объединяющая ФЕ, в которых образ основан на поэтапной реализации событий (исход, процесс, результат).

Автор приходит к выводу о том, что моделирование плана выражения устойчивого оборота с учетом процессуальной семантики, представленной прежде всего глагольным компонентом в структуре ФЕ, основано на фразеологизации однофазового действия (модель 1), образом транспонирования количественно-кваликативных параметров объекта (модель 2), метафоризации линейной последовательности элементов единого события (модель 3).

Третья глава (авторы – кандидат филологических наук, доцент В.И. Абрамова и кандидат филологических наук Ю.В. Архангельская) посвящена изучению символики астрономов и метеонимов в русских фразеологизмах и сопутствующей репрезентации анимического лингвокультурного кода. В ходе исследования авторы выясняют, что, интерпретируя окружающий мир, человек неизменно прибегает к сопоставлениям природы, космоса с самим собой, наделяя душой астрономические объекты и погодные явления, сравнивая свое психологическое

состояние с состоянием природы. Используемые при этом астрономы и метеонимы участвуют в репрезентации анимического лингвокультурного кода в русской языковой картине мира, что выражается в т. ч. в символике компонентов ФЕ.

Четвертая глава (авторы – доктор филологических наук, профессор Ж. Багана и кандидат филологических наук Е.С. Яковлева) посвящена исследованию национально-культурных и функциональных особенностей чэньюй (устойчивого оборота в китайском языке) с компонентом-зоонимом 牛 niú («бык»). Было установлено, что некоторые функции, такие как компенсаторная, эмоционально-экспрессивная, характерные для ФЕ в английском языке, в китайских ФЕ с компонентом-зоонимом 牛 niú («бык») не обнаружены, однако константные функции (номинативная, когнитивная, коммуникативная) в китайском языке присутствуют.

В пятой главе (автор – кандидат филологических наук, доцент Е.В. Рыжкина) представлены результаты исследования механизма межсемиотической транспозиции при формировании коннотаций в семантике английских ФЕ, включающих символичный компонент, таких как *to bear one's cross*, *rainbow nation*, *English rose*, *snake in the grass* и т. д. Автор отмечает, что в ходе межсемиотической транспозиции символические смыслы культуры транслируются в семантику языковых знаков, которые в итоге приобретают вторичное значение. Вместе с тем функция символическая сменяет функцию языковой сущности, а значение слова получает дополнительный «оттенок» смысла, комплементарную коннотацию, которая на основе ассоциации отражает ту или иную идею.

Исследование показывает, что культурное знание, которое опосредованно формирует значение ФЕ, в т. ч. коннотацию, транслируется в область языковой семантики посредством символа в составе ФЕ. При этом процесс языковой интерпретации и образование интегрированного фразеологического значения могут влиять и на семантику самого символа, так что символичный компонент

фразеологизма может передавать иной смысл, нежели символ как самостоятельный знак.

В шестой главе (автор – доктор филологических наук, профессор А.Р. Попова) ФЕ рассматривается в новом ракурсе – как основа поэтического текста в жанре стихофразы. Богатейший информационный потенциал ФЕ заключается не только в ее культурологической, кумулятивной, эстетической роли, ее многогранном использовании в речевой деятельности самого разного рода, но и в том, что она – уникальный ресурс, таящий в себе вдохновляющий импульс, который может быть вариабельно раскрыт в творческом произведении.

Текст, написанный на базе культурологически значимой ФЕ, перенимает этот культурно-национальный опыт и становится особым выразителем культурологического потенциала, совмещающим в себе типическое представление о предмете и индивидуально-авторскую интерпретацию. В стихофразе же мы имеем дело не просто с воспроизведением ФЕ, но с разноаспектным раскрытием стереотипа, эпохи, представления о мире/человеке и т. п.

В седьмой главе (автор – доктор филологических наук, профессор М.Л. Ковшова) аргументируется символизированная сущность такого культурного предмета, как головной убор: показано, что она достигает вершины своей семиотизации в языке во фразеологизмах-идиомах, обретая в этих знаках и представлении человека социально-моральную и духовно-нравственную мотивацию, важнейшую в его жизнедеятельности. Автор отмечает, что в идиомах устойчиво соединены и постоянно воспроизводятся в речи закрепленные за образами головных уборов те или иные смыслы, идеи, ценности. Знаки языка способствуют сохранению и функционированию культуры. Они не только обеспечивают смысловую непрерывность культуры, но и вырабатывают новые смыслы – в новых «костюмных» терминах и метафорах, с помощью которых описывается мир, в культурной семантике идиом, образах литературы, фольклоре и поэтических метафорах.

В восьмой главе (авторы – доктор филологических наук, профессор А.М. Мелерович и доктор филологических наук, профессор В.М. Мокиенко) рассматриваются вопросы семантизации межъязыковых фразеологических коррелятов и языковой картины мира. На основе сопоставления ФЕ разных фразеосемантических полей в целом ряде родственных и неродственных языков авторы показывают, что основные структурно-семантические модели фразеологизмов и паремий универсальны. При этом универсальность подобных концептов не исключает их региональной самобытности, национальной специфики.

Изучая возможности и методики разграничения собственно национального и интернационального, а шире – генетического и типологического во фразеологии, авторы приходят к мысли, что разграничению интернационального и национального здесь служит детализированный языковой анализ ФЕ, предполагающий учет таких важных лингвистических параметров, как ареал ФЕ и наличие семантических параллелей в разных языках; структурно-семантическая моделируемость фразеологических параллелей и изоглосс; частотность употребления ФЕ на ареальном континууме и иерархия ее вариантов по данному параметру; последовательность структурной динамики ФЕ в пространственной проекции; относительная хронология функционирования ФЕ в русском языке в соотношении с другими языковыми зонами.

С целью выявления степени эквивалентности разноязычных ФЕ, особенностей их значения и формы важно, по мнению авторов, конструировать семантические определения, наиболее адекватные определяемым ФЕ по семантической структуре. Она представляется вполне пригодной при попытках реконструкции объективной фразеологической картины мира.

Целый ряд глав посвящен актуальным проблемам коммуникативной фразеологии, или паремиологии: соотношение универсального и специфического в английских и русских пословицах о счастье (доктор филологических наук,

профессор О.Б. Абакумова); объективация картины мира посредством паремий как вида специфической языковой реализации (кандидат филологических наук, доцент А.И. Натхо); реализация комической назидательности в паремиях (доктор филологических наук, профессор В.И. Карасик); развитие компрессии в коммуникативной (пословичной) фразеологии (доктор филологических наук, профессор Т.Н. Федуленкова); этимология спортивных пословиц и антипословиц (доктор филологии, профессор германистики и фольклористики Университета в Вермонте (Берлингтон) Вольфганг Мидер).

Пристального внимания заслуживают оригинальные работы о прагма-аксиологическом

потенциале японской фразеологии (Т.А. Басова), германских библеизмов (А.Д. Бакина) и английской паремиологии (А.М. Горохова и др.).

Рецензируемая коллективная монография вышла в свет недавно, однако, освещая самые насущные и животрепещущие проблемы фразеологии в фокусе когнитивистики, уже успела обрести внимание зарубежных специалистов по современной фразеологии и паремиологии и была приобретена Берлинской научной библиотекой.

Книга рекомендуется исследователям в сфере германских, славянских и других языков, преподавателям вузов, докторантам, аспирантам, магистрантам и, несомненно, всем, кто любит фразеологию.

Информация об авторах

А.Д. Бакина – доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английской филологии Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева (302026, г. Орел, ул. Комсомольская, д. 95).

Н.В. Шишкова – соискатель кафедры «Иностранные языки профессиональной коммуникации» Владимирского государственного университета имени Александра Григорьевича и Николая Григорьевича Столетовых (адрес: 600000, г. Владимир, ул. Горького, д. 87).

Information about the authors

Anna D. Bakina, Dr. Sci. (Philol.), Assoc. Prof., Head of the English Philology Department, Orel State University named after I.S. Turgenev (address: ul. Komsomol'skaya 95, Orel, 302026, Russia).

Natal'ya V. Shishkova, Applicant at the Department of Foreign Languages of Professional Communication, Vladimir State University (address: ul. Gor'kogo 87, Vladimir, 600000, Russia).

Поступила в редакцию 10.10.2024
Одобрена после рецензирования 15.10.2024
Принята к публикации 17.10.2024

Submitted 10 October 2024
Approved after reviewing 15 October 2024
Accepted for publication 17 October 2024

Вестник Северного (Арктического) федерального университета.
Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2024. Т. 24, № 6. С. 138–143.
Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta.
Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki, 2024, vol. 24, no. 6, pp. 138–143.

Научная статья
УДК 94(47).084.3
DOI: 10.37482/2687-1505-V398

Великая российская революция: борьба за историю

Владислав Иванович Голдин¹
Андрей Вячеславович Силин²✉

¹Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия, e-mail: v.i.goldin@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1439-6267>

²Научно-исследовательский арктический центр Министерства обороны Российской Федерации, Северодвинск, Россия, e-mail: silin23@yandex.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1948-6461>

Аннотация. В статье представлен анализ современных дискуссий о Великой российской революции. Указаны наиболее значимые исследования последних лет по этой тематике. Такая междисциплинарная отрасль научных знаний, как революциология, занимающаяся изучением революций, противопоставляется попыткам упрощенной трактовки Великой российской революции, в частности концепту «красная смута». В работе названы имена историков, которые на протяжении последнего десятилетия последовательно критикуют в своих исследованиях указанный концепт. Рассматриваются наиболее актуальные проблемы – «интервенция по приглашению», роль иностранной интервенции в российской Гражданской войне. Раскрывается история создания Ассоциации исследователей Гражданской войны в России, характеризуются основные направления ее деятельности.

Ключевые слова: Великая российская революция, Гражданская война в России, иностранная интервенция, революциология

Для цитирования: Голдин, В. И. Великая российская революция: борьба за историю / В. И. Голдин, А. В. Силин // Вестник Северного (Арктического) федерального университета: Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2024. – Т. 24. № 6. – С. 138-143. – DOI 10.37482/2687-1505-V398.

Original article

The Great Russian Revolution: A Struggle for History

Vladislav I. Goldin¹

Andrey V. Silin²✉

¹Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia, e-mail: v.i.goldin@yandex.ru, ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-1439-6267>

²Arctic Research Centre of the Ministry of Defence of the Russian Federation, Severodvinsk, Russia, e-mail: silin23@yandex.ru ✉, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-1948-6461>

Abstract. The article presents an analysis of modern discussions about the Great Russian Revolution. The authors indicate the most significant studies of recent years on this topic. The interdisciplinary branch of revolution studies is contrasted with simplistic interpretations of the Great Russian Revolution, in particular, with the concept of the Red Troubles. The authors name historians who have consistently criticized this concept over the last decade. Further, the article dwells on such burning issues as intervention by invitation and the role of the Allied intervention in the Russian Civil War. In addition, the paper covers the history of the establishment of the Association of Researchers into the Civil War in Russia and its key areas of activity.

Keywords: *Great Russian Revolution, Civil War in Russia, Allied intervention, revolution studies*

For citation: Goldin V.I., Silin A.V. The Great Russian Revolution: A Struggle for History. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 6, pp. 138–143. DOI: 10.37482/2687-1505-V398

Столетие Российской революции 1917 года и Гражданской войны в России и последующие годы характеризовались активными дискуссиями, проведением серии научных конференций с публикацией их материалов, в т. ч. содержательных историографических сборников (с ответами ведущих российских и зарубежных историков на вопросы по ключевым проблемам этой эпохи) [1, 2], выходом в свет энциклопедических изданий о Российской революции 1917 года и Гражданской войне, 11-го и 12-го томов (каждый в двух книгах) 20-томной академической «Истории России», посвященных периоду 1914–1917 годов и эпохе Гражданской войны в России соответственно, и др.

Сложная, трагическая и драматическая эпоха Российской революции и Гражданской войны в России, объединяемых ныне понятием «Великая российская революция», всегда вызвала разнообразие мнений и дискуссии по широкому комплексу проблем. Не стало исключением и столетие этих событий. Многообразие высказываемых суждений и острота дискуссий в академическом сообществе и за его пределами нередко трактовались как «борьба»

или даже «война за историю», тем более что российское общество и сегодня в значительной степени расколото по отношению к участникам революционных событий и Гражданской войны, к «красным» и «белым».

Вместе с тем современная историография рассматривает происходившее в годы Гражданской войны противоборство не только как «красно-белое» противостояние, но и как серию или комплекс войн, включая борьбу общества и государства в различных проявлениях; столкновения центробежных и центростремительных сил; национальные, межнациональные и региональные войны и вооруженные конфликты; иностранную интервенцию (не только вооруженную, но в разнообразии форм вмешательства) двух военно-политических коалиций (Четверного союза и Антанты), а также отдельных государств; советские попытки «экспорта революции»; повстанческое, главным образом крестьянское, движение; восстания, заговоры, деятельность антиправительственных группировок в тылу противника; подпольную, партизанскую и террористическую деятельность и др. [3, с. 50].

В академической среде доминирует стремление к соблюдению научной этики при рассмотрении сложных проблем Великой российской революции и мемориализации ее событий и участников, не допускаются ненаучные выпады в отношении коллег и общественных объединений историков. Но, к сожалению, примером иного рода и ненаучных способов ведения дискуссии, критики с переходом на личные оценки являются рецензии сотрудника Института российской истории РАН В.П. Булдакова, публикуемые на протяжении последних лет в журнале «Вестник Тверского государственного университета»¹. При этом он настойчиво пытается пропагандировать свой концепт «красная смута», подменяя им понятие Великой российской революции.

Попытки заменить революциологию, или революциоведение, как междисциплинарную отрасль научных знаний, занимающуюся изучением революций, так называемым смутоведением и трактовать с этих позиций историю Российской революции 1917 года давно критикуются историками. С жесткой и содержательной критикой «красной смуты» и ненаучной манеры ведения полемики В.П. Булдаковым с оппонентами выступил в двух изданиях своей книги «Страсти по революции» Санкт-петербургский историк, профессор Б.Н. Миронов [4, с. 77–92]. Известный советский и российский историк, профессор Г.З. Иоффе, переехавший в Канаду, писал в 2015 году, что развал советской системы вызвал столь же быстрый поворот в историографии революции в России: плюсы меняли на минусы и наоборот. «Тушинские воры» из XVII века перебежали в XX век [5, с. 250], указывал Иоффе, подразумевая «смутный» подход и его проповедников, которых он не поддерживал.

Подход к событиям 1917 года как к смуте означает, в сущности, отрицание классического, как в Европе, характера революции в России, подчеркивал московский историк С.М. Исхаков, критикуя подмену революциоведения смутоведением [6, с. 14–15]. Известный Санкт-петербургский

историк Б.И. Колоницкий заметил, что «образ “красной смуты”, используемый Булдаковым и некоторыми другими историками, не очень точно отражает суть противоборств на постимперском пространстве. У этой смуты было много цветов и оттенков...» [7, с. 24]. И этот перечень можно продолжить.

Коснемся ряда проблем Гражданской войны в России, которые поднимает В.П. Булдаков. Несостоятельна его критика относительно использования понятий «малая» и «большая» (т. е. широкомасштабная и фронтовая) Гражданская война, иначе говоря, война в широком и узком смысле слова, ибо они были введены в научный оборот уже в историографии 1960–1970-х годов и с тех пор активно используются в исторической литературе. Начало Гражданской войны до сих пор является предметом дискуссий историков – и высказываются разные суждения [1, с. 187, 193–197]. Неправоммерно утверждение указанного историка, что Гражданская война всегда «большая», ибо и в прошлом, и сегодня в мире происходит немало войн, охватывающих локальные территории или отдельные регионы тех или иных стран.

Коснемся тезиса Булдакова, что В.И. Голдин в свое время пытался внедрить в научный оборот свое «открытие» – термин «интервенция по приглашению». Этим можно было бы гордиться, но в действительности данный термин был введен в оборот политиками держав Антанты еще в конце 1917 – начале 1918 года, когда они размышляли о характере своих действий в отношении Советской России. Нередко его связывают с именем французского премьер-министра Ж. Клемансо и его предложением в ходе франко-английской конференции в Париже 22–23 декабря 1917 года (когда было подписано соглашение этих стран о разделе сфер влияния в России) получить приглашение советского или любого из антибольшевистских правительств, чтобы ввести войска Антанты на российскую территорию для военных операций против Германии, что позволило бы легитимировать интервенционистские действия с точки

---

¹Вестн. Твер. гос. ун-та. Сер.: История. 2016. № 2. С. 125–141; 2018. № 2. С. 114–130; 2019. № 1. С. 125–141; 2022. № 3(63). С. 135–145; 2023. № 4(68). С. 171–179; 2024. № 3(71). С. 155–167.

зрения международного права. На реализацию этого замысла и переговоров с советским правительством были направлены действия Р.Б. Локкарта, Ж. Садуля и Р. Робинса.

Осуществить идею интервенции в Россию «по приглашению», или «с согласия», советского правительства не удалось. Тем не менее был реализован локальный вариант этой схемы в результате заключения в Мурманске 2 марта 1918 года «Словесного, но дословно запротоколированного соглашения о совместных действиях англичан, французов, русских по обороне Мурманского края», что обосновывалось поступившей накануне телеграммой от наркома Л.Д. Троцкого с предписанием «принять всякое содействие союзных миссий» для противодействия угрозе германского и белофинского вторжения [8, с. 145–148]. Высадка сухопутных сил и расширение военно-морского присутствия Антанты на Мурмане привели, в конечном итоге, к разрыву Мурманского краевого Совета с Москвой 30 июня 1918 года и осуществлению здесь военной интервенции антибольшевистского и антироссийского характера [9].

В дальнейшем термин «интервенция по приглашению», или «интервенция с согласия», советского правительства или же, по крайней мере, местных советских органов, как и «дружественная интервенция», прочно вошел в оборот зарубежной историографии Гражданской войны и интервенции в Россию. Этот термин, понятие или доктрина активно используются сегодня в международном праве и политических науках при рассмотрении и для обоснования легитимности иностранного вмешательства в дела других государств [10].

Обратимся к истории создания Ассоциации исследователей Гражданской войны в России (АИГВР) с центром в Архангельске. Став в 1988 году членом Научного совета академии наук СССР по комплексной проблеме «История Великой Октябрьской социалистической революции», занимавшегося в т. ч. проблематикой Гражданской войны в России, и руководителем его северной, а затем северо-западной секции, действовавшей в дальнейшем в составе других научных советов по этой тематике уже

РАН, Голдин превратил ее в одну из наиболее активно действующих. Архангельск с 1990 года, когда здесь была проведена под эгидой указанного Научного совета и других ведущих научных организаций страны Всесоюзная конференция по истории Гражданской войны в России, собравшая историков из всех республик СССР, стал превращаться и превратился за несколько десятилетий в один из признанных центров изучения этой тематики в России – в результате организации здесь многочисленных научных конференций, публикации сборников и монографий. Проблемы истории Гражданской войны и интервенции в Россию активно разрабатывались и в рамках научной школы В.И. Голдина, что воплотилось в целый ряд защищенных в Архангельске кандидатских и докторских диссертаций.

С 2007 по 2012 год в Архангельске и Мурманске под эгидой Поморского государственного университета имени М.В. Ломоносова (ПГУ) и Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (САФУ) была проведена серия из 6 международных научных конференций на тему «1917–1922 гг. в судьбах России и мира» с участием представителей 12 стран. Профессором С.Н. Полтораком, известным исследователем истории Гражданской войны из Санкт-Петербурга, в ходе конференции, организованной в Мурманске в 2011 году, была высказана идея создания Ассоциации историков Гражданской войны в России для объединения специалистов по данной тематике, в т. ч. молодежи. На завершающей международной конференции этого цикла в Архангельске в 2012 году идея была реализована, но вместо «историков» в ее названии появились «исследователи», что позволяло вовлекать в ее состав специалистов из других отраслей научных знаний, интересующихся этой тематикой. На организационном собрании на пост президента АИГВР была выдвинута – и одобрена – кандидатура В.И. Голдина.

Именно в ПГУ/САФУ сложился круг единомышленников, готовых развернуть деятельность созданной организации в тесной взаимосвязи с исследователями из других городов, регионов, научных центров и вузов страны и зарубежными коллегами, начать выпускать «Альманах АИГВР».

АИГВР была создана и действует на базе САФУ в Архангельске, а университеты с особым статусом (Московский и Санкт-Петербургский) и федеральные университеты, в т. ч. САФУ, относятся к наивысшему уровню учебных заведений России, играя ключевую роль в ее образовательной системе, а также в проводимых в стране научных исследованиях.

После ликвидации в 2019 году Научного совета по истории социальных реформ, движений и революций РАН, занимавшегося и тематикой гражданских войн, функции координации научных исследований в этой сфере, поддержания диалога специалистов, занимающихся историей российской Гражданской войны, перешли к АИГВР. Ассоциация проводит научные конференции с изданием их сборников, осуществила публикацию 5 выпусков «Альманаха АИГВР». Она включает представителей всех регионов и возрастов. Двери ее открыты для специалистов по тематике не только российской Гражданской войны, но и любых гражданских войн в прошлом и настоящем. АИГВР объединяет усилия молодых исследователей, но включает в свой состав не только их. С ней тесно сотрудничали, например, профессора А.Л. Литвин и А.А. Киселев – люди, посвятившие свою жизнь изучению российской Гражданской войны и ушедшие из жизни в возрасте далеко за 90 лет. Другим подобным примером является выдающийся британский историк, профессор П. Дьюкс, чья жизнь оборвалась в 2021 году.

В заключение коснемся взаимосвязи Российской Гражданской войны и иностранной интервенции в Россию. У гражданских войн прежде всего собственные корни, обусловленные процессами, происходящими в данной стране, и Гражданская война в России в этом отношении не является исключением. Но отрицать ее тесную взаимосвязь с широкомасштабным иностранным вмешательством в различных формах (военное/вооруженное, политическое, дипломатическое, финансово-экономическое, информационное), а также военно-морскую, экономическую и торговую блокаду Советской России может только невежда.

Современная ситуация и конфронтация в мире актуализировали эту проблематику и вытекающие из нее исторические уроки. В марте 2024 года в Доме Российского исторического общества (РИО) в Москве состоялся круглый стол, посвященный теме «Иностранная военная интервенция в годы Гражданской войны в России». Он проходил под эгидой председателя РИО С.Е. Нарышкина и собрал ведущих специалистов по данной теме [11, с. 138–144]. В ходе обсуждения была подчеркнута важность дальнейшей научной разработки указанной темы, что в полной мере воплотилось на страницах 12-го тома «Гражданская война в России. 1917–1922 годы» 20-томной «Истории России» [3]. И это закономерно, ибо опыт борьбы с иностранными нашествиями и необходимость извлечения из него исторических уроков значимы для современной России и ее граждан.

Список литературы

1. Гражданская война в России: взгляд через 100 лет. Проблемы истории и историографии / отв. ред. В.В. Калашников; под ред. Д.Н. Меньшикова. СПб.: ЛЭТИ, 2018. 407 с.
2. Россия в эпоху Революции и Гражданской войны: советская и постсоветская историография: сб. материалов конф. / отв. ред. В.В. Калашников; под ред. Д.Н. Меньшикова. СПб.: ЛЭТИ, 2023. 323 с.
3. История России: в 20 т. Т. 12. Гражданская война в России. 1917–1922 годы. Кн. 1. Военное и политико-дипломатическое противоборство. М.: Наука, 2024. 919 с.
4. Миронов Б.Н. Страсти по революции: Нравы в российской историографии в век информации. 2-е изд. М.: Весь мир, 2014. 336 с.
5. Иоффе Г.З. Иные времена. Воспоминания. Иерусалим: Филобиблон, 2015. 325 с.
6. Исхаков С.М. Международная комиссия по изучению революций в России // 1917 год в Евразии. М.: Галлея-Принт, 2017. С. 5–17.

7. Колоницкий Б.И. От мировой войны к гражданским войнам (1917? – 1922?) // Рос. история. 2019. № 1. С. 3–24.
8. Борьба за установление и упрочение Советской власти на Мурмане: сб. док. и материалов. Мурманск: Мурман. кн. изд-во, 1960. 494 с.
9. Голдин В.И. Анатомия интервенции, или Кто и как развязал Гражданскую войну на Севере России: моногр. М.: Кучково поле, 2024. 336 с.
10. Nolte G. Intervention by Invitation // Max Planck Encyclopedia of Public International Law. URL: <http://www.mpepil.com> (дата обращения: 01.08.2024).
11. Голдин В.И. Иностранная военная интервенция в годы Гражданской войны в России (1917–1922): опыт истории и уроки для современности // Вестн. Сев. (Арктич.) федер. ун-та. Сер.: Гуманит. и соц. науки. 2024. Т. 24, № 3. С. 138–144. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V356>

References

1. Kalashnikov V.V. (ed.). *Grazhdanskaya voyna v Rossii: vzglyad cherez 100 let. Problemy istorii i istoriografii* [The Russian Civil War: A Century Later. Problems of History and Historiography]. St. Petersburg, 2018. 407 p.
2. Kalashnikov V.V. (ed.). *Rossiya v epokhu revolyutsii i Grazhdanskoy vojny: sovetskaya i postsovetskaya istoriografiya* [Russia in the Era of Revolution and Civil War: Soviet and Post-Soviet Historiography]. St. Petersburg, 2023. 323 p.
3. *Istoriya Rossii. T. 12. Grazhdanskaya voyna v Rossii. 1917–1922 gody. Kn. 1. Voennoe i politiko-diplomaticheskoe protivoborstvo* [History of Russia. Vol. 12. The Civil War in Russia. 1917–1922. Book 1. Military and Political-Diplomatic Confrontation]. Moscow, 2024. 968 p.
4. Mironov B.N. *Strasti po revolyutsii: Nrav v rossiyskoy istoriografii v vek informatsii* [The Revolution Passion: The Ways of Russian Historiography in the Information Age]. Moscow, 2014. 336 p.
5. Ioffe G.Z. *Inye vremena. Vospominaniya* [Other Times. Recollections]. Jerusalem, 2015. 325 p.
6. Iskhakov S.M. *Mezhdunarodnaya komissiya po izucheniyu revolyutsiy v Rossii* [International Commission for the Study of Revolutions in Russia]. *1917 god v Evrazii* [Year 1917 in Eurasia]. Moscow, 2017, pp. 5–17.
7. Kolonitskiy B.I. *Ot mirovoy vojny k grazhdanskim voynam (1917? – 1922?)* [From the First World War to Civil Wars (1917? – 1922?)]. *Rossiyskaya istoriya*, 2019, no. 1, pp. 3–24.
8. *Bor'ba za ustanovlenie i uprochenie Sovetskoy vlasti na Murmane* [Struggle for the Establishment and Consolidation of Soviet Power on the Kola Peninsula]. Murmansk, 1960. 494 p.
9. Goldin V.I. *Anatomiya interventsii, ili Kto i kak razvyazal Grazhdanskuyu vojnu na Severe Rossii* [The Anatomy of Intervention, or Who and How Unleashed the Civil War in North Russia]. Moscow, 2024. 336 p.
10. Nolte G. Intervention by Invitation. *Max Planck Encyclopedia of Public International Law*. Available at: <http://www.mpepil.com> (accessed: 1 August 2024).
11. Goldin V.I. Allied Intervention in the Russian Civil War (1917–1922): Historical Experience and Lessons for the Present. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Ser.: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*, 2024, vol. 24, no. 3, pp. 138–144. <https://doi.org/10.37482/2687-1505-V356>

Информация об авторах

В.И. Голдин – доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова (адрес: 163002, г. Архангельск, просп. Ломоносова, д. 2).

А.В. Силин – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Научно-исследовательского арктического центра Министерства обороны Российской Федерации.

Information about the authors

Vladislav I. Goldin, Dr. Sci. (Hist.), Prof., Prof. at the Department of Regional Studies, International Relations and Political Sciences, Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov (address: prosp. Lomonosova 2, Arkhangelsk, 163002, Russia).

Andrey V. Silin, Cand. Sci. (Hist.), Assoc. Prof., Senior Researcher at the Arctic Research Centre of the Ministry of Defence of the Russian Federation.

Поступила в редакцию 09.08.2024
Одобрена после рецензирования 29.11.2024
Принята к публикации 03.12.2024

Submitted 9 August 2024
Approved after reviewing 29 November 2024
Accepted for publication 3 December 2024

**УКАЗАТЕЛЬ СТАТЕЙ,
ОПУБЛИКОВАННЫХ В ЖУРНАЛЕ в 2024 году**

№ 1

Горшунов Ю.В. Эвфемизмы и дисфемизмы английского языка на тему физиологии женщины (беременность и роды)

Жгилева Л.А. Дискурсивное пространство изучения феномена утопии в современной России: парадигмальный анализ

Захарова Д.В., Бондарева Л.М. Семантические особенности квазиантропонимов в текстах англоязычных фэнтезийных видеоигр

Иванов В.А. Борьба советских военнопленных с нацистскими оккупантами в Севастополе в 1943–1944 годах

Колесникова О.П. Konjunktiv II в немецких энантиосемичных синтаксических конструкциях

Комаров С.В., Поросенков С.В. Социальный и ценностный смысл недоверия к гуманитарному знанию

Кузнецова Т.Н. Сравнение в чувашском языке: особенности перевода на русский и немецкий языки (на примере поэмы К.В. Иванова «Нарспи»)

Лукьянов В.Ю. Тенденции развития внешней политики США конца XX – первой четверти XXI века. Концептуальный аспект

Моргунова М.Н. Интерференция как движущая сила внутриязыковых процессов при формировании лингва франка

Мурашова Е.А. Вербальные фатические паттерны в русско-, немецко- и англоязычном экзаменационном дискурсе

Поломошнов П.А., Поломошнов А.Ф. Совместимы ли патриотизм и интернационализм?

Филиппова И.Н. Перевод в переводе: стратегии передачи инокультурности (по «китайским» детективам Р. ван Гулика)

Шевченко О.К. Русская идея для XXI века: всеединство, теургия, теократия

Шумаков А.А. Экотопия Мюррея Букчина: утопия или реальная альтернатива?

№ 2

Алексеев Т.В., Лосик А.В. Сахар, мины, торпеды: тернистый путь «Гидроприбора»

Богинская О.А. Stancetaking in English-Medium Research Article Abstracts: A Contrastive Analysis = Экспликация авторской позиции в англоязычных аннотациях к научным статьям: сопоставительный анализ

Бреслер М.Г. Динамическая стабильность как категория диалектического взаимодействия хаоса и космоса в онтологии сетевого бытия

Внуковская А.В. Контаминация фразеологизмов как средство речевой характеристики персонажей в романе М.А. Шолохова «Поднятая целина»

Воронцова И.И. Роль концепта «непроизводительные деньги» в производстве антропоморфных метафор англоязычного финансового дискурса

Голдин В.И. Северный морской путь на Арктических чтениях в Москве

Горностаева Ю.А. Мультимодальная репрезентация Дня мертвых в мексиканском мультипликационном дискурсе

Дзюбенко А.И. Возможные миры художественного текста: когнитивно-семантический аспект репрезентации времени (на материале романа В.В. Орлова «Альтист Данилов»)

Контанистова А.И., Федуленкова Т.Н. Теоретические предпосылки изучения ФЕ-терминов и их вариантов в английском языке делового общения

Лизогуб А.С. Императорское Русское военно-историческое общество и формирование исторической памяти о военных событиях в начале XX века

Петев Н.И. Игровой аспект мифологии: элемент переодевания и специфика одежды

Сорокин А.А. Дискуссии об избирательных правах должностных лиц крестьянского самоуправления в земстве в конце XIX века

Суслов А.Ю. Убийство В.В. Воровского и процесс Конради–Полунина 1923 года в восприятии российской социалистической эмиграции

Стой Лиюнь. Когнитивная фитонимическая метафора как средство описания внешности человека в русской и китайской лингвокультурах

№ 3

Аверина А.В. Омонимия частиц в немецком языке

Белова Н.А. Каторжники в местах заключения Вологодской области (1943–1954 годы)

Ван Цяньцян. Прагматический потенциал прозвищ в произведениях Юй Хуа

Голдин В.И. Иностранная военная интервенция в годы Гражданской войны в России (1917–1922): опыт истории и уроки для современности

Голдин В.И. Он был настоящим историком: памяти профессора А.Н. Зашихина

Горшунов Ю.В. Английские эвфемизмы на тему здоровья и болезни

Завьялова Г.И., Недорезов В.Г., Писарчик Л.Ю. Проблема интенциональности в философии сознания Дж. Сёрла

Ласенко Л.В., Пигловская В.В. Лексико-семантическая группа английских номинаций небольшого возвышения над землей как способ репрезентации типов знания

Лукьянов В.Ю. Российско-американские отношения конца XX – первой четверти XXI века: тенденции и перспективы

Прилуцкий А.М. Комментарий в блогосфере как религиозоведческий источник (по материалам православного сегмента Интернета)

Прохоров М.М. Опыт истолкования соотношения созерцания и преобразования в учении И. Канта

Смирнова И.В., Коржукова Е.С. Персуазивная роль этнонимов в испанском электоральном дискурсе

Табачников Ю.Ю. Способы выражения коммуникативных угроз негативному лицу адресата и адресанта в немецкой лингвокультуре Федуленкова Т.Н. Константы национальной лингвокультурной картины мира

Шуняков Д.В. Награждение военнослужащих войск НКВД в годы Великой Отечественной войны (1941–1945)

№ 4

Бражников С.А. Содействие общественности милиции в работе по предупреждению правонарушений несовершеннолетних в России конца XX века

Ганин А.В. «Теперь много таких развелось, и все они будут преданы суду...» Генерал Носович: попытка реабилитации у белых в 1918 году

Голдин В.И. Воин, ученый, гражданин: памяти профессора А.А. Киселёва

Голдин В.И. К юбилею выдающегося ученого и организатора науки, академика В.В. Алексеева

Голдин В.И. От Северо-Восточного прохода к Северному морскому пути: осмысление сквозь тысячелетие

Гроховская И.А. Классификация субстандартной лексики англоязычного и русскоязычного семантического поля «Medicine» / «Медицина» в сравнительно-сопоставительном аспекте

Дутова Н.В. Становление социально-семиотического подхода к анализу мультимодального дискурса: обзор зарубежного опыта

Еремина С.Г., Балаганов Д.В. Свойства идиомы с точки зрения психо- и нейролингвистики

Кравченко М.А. Понятие метаязыка: от лингвистического наследия Р. Якобсона к современным научным практикам

Нагибина И.Г., Моргун В.Г. Метафорический медобраз пожилого человека в китайской социальной сети «Доуинь»

Пак Н.С.Д. Английские вторично-предикативные структуры в медицинском дискурсе: к проблеме классификации

Пашин В.П. Белая эмиграция в планах Англии и Японии по уничтожению единого советского государства в 1920–1930-е годы

Усачев А.В. Проблема человека в философии И.А. Ильина

Фаритов В.Т. Человек (не)античный: философская антропология молодого Ф. Ницше

№ 5

Алексеев Т.В., Лосик А.В. Книга об истории арсенала морского подводного оружия

Береговая О.А. Международное, межкультурное и глобальное измерения интернационализации высшего образования: социально-философский подход

Воронов И.И., Мосеев В.И. Модели земледельческих орудий как один из инструментов усовершенствования земледелия России в 1800–1860-х годах

Голдин В.И. Арктика – Регионы

Голдин В.И. Он был настоящим человеком и выдающимся профессионалом: памяти профессора В.П. Рехачева

Елхова О.И. Феноменология восприятия виртуальной реальности

Мартин Э. Критический анализ гипотетических представлений о постчеловечестве в трансгуманизме и постгуманизме

Михеева Н.Ф., Попова Е.А. Возможности лингвистического корпуса Corpus del Español М. Дэвиса в рамках преподавания испанского языка

Мишагин П.А., Мёдова А.А. Интерпретация свободы в философии марксизма: к вопросу об исторической преемственности

Реент Ю.А. Просветительская работа по усилению кооперации на селе в Центральном Нечерноземье (1921–1925 годы)

Смирнов М. Эстонский союз участников Свободительной войны в 1929–1934 годах

Ставцева О.И. Человек в эпоху антропоцена: постантропоцентрический горизонт

Томберг О.В., Ананьина М.А. Динамический и классификационный типы фреймовой структуры аллюзивного антропонима в художественном тексте (на материале романа Джона Фаулза «Волхв» / John Fowles “The Magus”)

Филиппова С.Г. Фантастическое допущение как способ экстернизации внутреннего персонажа в художественном тексте

Харитонов Я.Э. Изменение отношения крестьянских сообществ Архангельской губернии к монастырям в начале XX века

Чертков А.С. Численность служилых людей и казаков в период освоения Северо-Востока Азии в XVII – начале XX века

№ 6

Бакина А.Д., Шишкова Н.В. О насущных проблемах современной фразеологии

Бернадский Э.А. Евреи Ленинграда 1965–1991 годов в воспоминаниях и исследованиях 1980–2020-х годов

Беспалько Г.Н. Современная историография процессов организации советского оккупационного режима на территории Германии (1945–1949)

Голдин В.И. Великая Российская революция: борьба за историю

Голдин В.И. Столетие Гражданской войны в России и историческая память

Ивашкина О.А. Вербализация эмоций в королевском дискурсе: гендерный аспект

Ильичева И.Л. Перцептивный портрет Беловежской пуши в региональном языковом сознании

Калинин О.И. Образ России в дискурсе социальных сетей Китая: лингвопрагматический анализ репрезентации российско-украинского конфликта

Кудряшова Е.В., Макулина Е.Ю. Войны памяти и война с памятью, мемориальный суверенитет: подходы, концепции, разработки

Марков А.В., Штайн О.А. Операторы библиотеки и эпистемология искусственного интеллекта

Мякинников С.П. Особенности философии русских розенкрейцеров конца XVIII – начала XIX века и мировоззрение универсализма

Тимошина И.А. Естественное воспроизводство населения на Европейском Севере России в период с 1980 по 1990 год (по материалам Архангельской и Вологодской областей)

Толочко А.В. Наш ответ «Минитмену» (о проведении летных испытаний межконтинентальной баллистической ракеты РТ-2П)

Федуленкова Т.Н. Грамматические функции одного библейского фразеологизма

НАШИ РЕЦЕНЗЕНТЫ

Алексеев Т.В., доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории и философии Военно-космической академии имени А.Ф. Можайского (Санкт-Петербург);

Баева Л.В., доктор философских наук, профессор, проректор по научной деятельности и приоритетным проектам Астраханского государственного университета имени В.Н. Татищева;

Бакина А.Д., доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английской филологии Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева;

Баранов Е.Ю., кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Института истории и археологии Уральского отделения Российской академии наук (г. Екатеринбург);

Белошицкая Н.Н., кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английского языка Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Данилов А.В., доктор богословия, доктор философии, профессор, заведующий кафедрой религиоведения Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь);

Елхова О.И., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры философии и культурологии Уфимского университета науки и технологий;

Зверев В.А., доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной и всеобщей истории Новосибирского государственного педагогического университета;

Зыкова И.В., доктор филологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник отдела теории и практики коммуникации имени Юрия Сергеевича Степанова Института языкознания Российской академии наук (Москва);

Илюхина Н.А., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русского языка и массовой коммуникации Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева;

Каменева В.А., доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой теории и методики преподавания гуманитарных дисциплин Кемеровского государственного университета;

Коновалова Н.И., доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания и русского языка Уральского государственного педагогического университета (г. Екатеринбург);

Королев Ю.А., кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры теологии, религиоведения и культурных аспектов национальной безопасности Орловского государственного университета имени И.С. Тургенева;

Крякин Е.Н., кандидат исторических наук, доцент кафедры информационной безопасности Российского государственного гуманитарного университета (Москва);

Кузнецова Н.И., доктор философских наук, главный научный сотрудник Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова Российской академии наук (Москва);

Кузьминых А.Л., доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры философии и истории Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний России;

Лошкин А.Е., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения Российской академии наук (Москва);

Охочинский М.Н., кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры «Ракетостроение» Балтийского государственного технического университета «ВОЕНМЕХ» им. Д.Ф. Устинова (Санкт-Петербург);

Поликарпов А.М., доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и прикладной лингвистики Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Соколова Ф.Х., доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры регионоведения и международных отношений Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Супрун М.Н., доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова;

Тисленкова И.А., кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Иностранные языки» Волгоградского государственного технического университета;

Фиалко М.М., кандидат философских наук, преподаватель кафедры религиоведения Русской христианской гуманитарной академии (Санкт-Петербург);

Шайхисламов Р.Б., доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры истории России, историографии и источниковедения Уфимского университета науки и технологий;

Шевченко О.К., доктор философских наук, доцент, профессор кафедры истории и философии Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского (г. Симферополь);

Яо Сун, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры востоковедения, младший научный сотрудник лаборатории востоковедческих исследований «Ориентир» Новосибирского государственного университета.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Журнал «Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Серия “Гуманитарные и социальные науки”» содержит публикации по основным направлениям научно-исследовательской работы в области истории и археологии, языкознания, философии.

Общие требования

Тексты предоставляются в электронном виде. Для этого необходимо зайти на сайт журнала <https://vestnikgum.ru/> и, нажав на кнопку «Отправить материал», перейти на редакционно-издательскую платформу, куда можно будет после регистрации загрузить статью и сопроводительные документы. Необходимо указать отрасль науки и специальность (шифр и название), по которым выполнено научное исследование.

Электронный вариант статьи выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется с расширением *.doc. В имени файла указываются фамилия и инициалы автора.

Параметры страницы

Формат А4. Поля: правое, левое – 25 мм; верхнее, нижнее – 20 мм.

Форматирование основного текста

Абзацный отступ – 10 мм. Межстрочный интервал – полуторный. Порядковые номера страниц проставляются посередине верхнего поля страницы арабскими цифрами.

Шрифт

Times New Roman. Размер кегля (символов) – 14 пт; аннотации, ключевых слов – 12 пт.

Объем статьи

Максимальный объем статей: научных – 10–15 страниц, обзорных – до 20 страниц.

Сведения об авторе

Указываются на русском и английском языках фамилия, имя, отчество автора (полностью); ученая степень, звание, должность и место работы (кафедра, институт, университет). Общее количество научных публикаций, в т. ч. отдельно количество монографий, учебных пособий; рабочий адрес с почтовым индексом; тел./факсы (служебный, домашний, мобильный), e-mail.

ORCID

В сведениях об авторе также необходимо указать международный авторский идентификатор ORCID в формате интерактивной ссылки <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>. Если у автора нет номера ORCID, его необходимо получить, зарегистрировавшись на ресурсе orcid.org. В профиле обязательно должна быть указана минимальная информация: место работы, ученая степень, должность.

Индекс УДК

Располагается отдельной строкой слева перед заглавием статьи. Индекс УДК (универсальная десятичная классификация) должен соответствовать заявленной теме, проставляется научной библиотекой.

Заглавие	Помещается перед текстом статьи на русском и английском языках. Используется не более 11 слов.
Аннотация	<p>Предоставляется на русском и английском языках. Аннотация должна быть:</p> <ul style="list-style-type: none"> – информативной (не содержать общих фраз); – оригинальной; – содержательной (отражать основное содержание статьи и результаты исследований); – структурированной (следовать логике описания результатов в статье); – компактной (укладываться в объем от 200 до 250 слов). <p>Авторы статей в разделах «Научная жизнь» и «Критика и библиография» предоставляют аннотацию объемом 50–100 слов.</p>
Ключевые слова	После аннотации указывается до 6–8 ключевых слов (словосочетаний), несущих в тексте основную смысловую нагрузку.
Примечания и комментарии	Примечания, комментарии, ссылки на нормативные акты, сайты (если это не книга, сборник, статья и т. п. в электронном виде), документальные источники, а также справочную и анализируемую литературу даются в виде подстрочных сносок (внизу страницы). Маркер сноски – арабская цифра (нумерация сквозная).
Библиографические ссылки	<p>Библиографические ссылки на использованную литературу оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 (п. 7 «Затекстовая библиографическая ссылка»).</p> <ul style="list-style-type: none"> – Подпункт 7.4.1 – ссылка на текст. <i>Например:</i> в тексте: Общий список справочников по терминологии, охватывающий время не позднее середины XX века, дает работа библиографа И.М. Кауфмана [59]; в списке литературы: 59. <i>Кауфман И.М.</i> Терминологические словари: Библиография. М.: Сов. Россия, 1961. 419 с. – Подпункт 7.4.2 – ссылка на фрагмент текста. <i>Например:</i> в тексте: [10, с. 81], [10, с. 106] и т. д.; в списке литературы: 10. <i>Бердяев Н.А.</i> Смысл истории. М.: Мысль, 1990. 175 с.
Рисунки, схемы, диаграммы	Принимается не более 4 рисунков (черно-белых). Рисунки, схемы, диаграммы приводятся в тексте статьи и предоставляются отдельными файлами. Схемы выполняются с использованием штриховой заливки. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах *.tiff, *.tif (Grayscale – Оттенки серого, 300 dpi). Иллюстрации должны быть четкими. В тексте статьи следует дать ссылку на конкретный рисунок, например (<i>рис. 2</i>). На рисунках должно быть минимальное количество слов и обозначений. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, подпись и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений.

Таблицы

Таблиц должно быть не более 3-х. Каждую таблицу следует снабдить порядковым номером и заголовком. Все графы в таблицах также должны иметь тематические заголовки. Сокращение слов допускается только в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.12–2011 (касается русских слов), 7.11–2004 (касается слов на иностранных европейских языках). Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word и пронумерованы по порядку. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. Размерность всех физических величин следует указывать в системе единиц СИ.

- Решение о публикации статьи принимается редколлегией журнала. Электронные варианты отредактированного текста авторам не высылаются, присланные материалы не возвращаются.
- Все статьи отправляются на независимую экспертизу и публикуются только в случае положительной рецензии. Редакция оставляет за собой право производить необходимые уточнения и сокращения.
- Статьи публикуются на бесплатной основе.
- Для отправки статьи воспользуйтесь кнопкой «Отправить материал» на сайте нашего журнала <https://vestnikgum.ru/>

Тел.: (8182) 21-61-21; e-mail: vestnik_gum@narfu.ru, vestnik@narfu.ru

- Редакция принимает предварительные заявки на приобретение номеров журнала.

На электронную версию журнала можно подписаться через каталоги:

«Урал-Пресс» http://www.ural-press.ru/catalog/97209/8650495/?sphrase_id=328736

«Пресса по подписке» <https://www.akc.ru/search/>

Свободная цена.